

История рыцарства или рыцарство и его времена, том 1 (из 2)

Чарльз Миллс

The Project Gutenberg eBook of The History of Chivalry; Or, Knighthood and Its Times, Volume 1 (of 2).

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: История рыцарства; или, рыцарство и его времена, том 1 (из 2)

Автор: Чарльз Миллс

Дата выхода: 17 июня 2012 [eBook #40021]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено командой онлайн-распределенной корректуры по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений щедро предоставленных The Internet Archive.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE HISTORY OF CHIVALRY; OR, KNIGHTHOOD AND ITS TIMES, VOLUME 1 (OF 2) ***

Указатель в этом электронном тексте не был напечатан в оригинальной книге.

Индекс был скопирован из тома II этой серии.

История рыцарства или рыцарство и его времена.

Чарльз Миллс, эсквайр.

Автор "Истории крестовых походов

В ДВУХ ТОМАХ.

Том: I.

Гравировано А. Ле Пети по эскизу Р. В. Севьера.

London.

Напечатано для издательства "Лонгман, Хёрст, Рис, Орм, Браун и Грин".

MDCCCXXV.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Уместность написания "Истории рыцарства" в качестве дополнения к моей "Истории крестовых походов" подсказал мне один друг, чье знакомство со средневековыми преданиями составляет лишь малую часть его литературных достижений, и чья "История Италии" показывает его умение обращаться с предметами, не обсуждавшимися до сих пор с той полнотой, которой заслуживает их важность, а также его мастерство в обнаружении этих предметов[1].

Труды Менестрие и Коломбьера покоятся в пыли немногих старинных библиотек; и есть только две другие книги, чьей непосредственной и полной целью является описание институтов рыцарства. Первая и самая известная - французская работа под названием "Mémoires sur l'ancienne Chevalerie; considérée comme un Etablissement Politique et Militaire. Par M. de la Curne de Sainte Palaye, de l'Académie Française," &c. 2 tom. 12mo. Paris, 1759. Последняя половина второго тома, однако, не относится к рыцарству, и поэтому ученого француза нельзя обвинить в том, что он очень подробно рассматривает свой предмет.[2] Его целью было описать образование, которое готовит юношу к рыцарскому званию, и эту часть своей работы он выполнил с большим успехом. Но он потерпел неудачу в своем следующем начинании - описании боевых рыцарских игр, ибо ничто не может быть более неудовлетворительным, чем его рассказ о поединках и турнирах. Поскольку он хотел донести до читателей информацию о том, как на поле боя использовались доблесть, мастерство и опыт рыцарей, можно было ожидать описания некоторых необычных и интересных сражений средневековья. И здесь нас ждет разочарование; также нельзя получить никакого удовольствия от изучения причин, которые привели к упадку и исчезновению рыцарства, и его отчета о неудобствах, которые уравнивали преимущества этого учреждения.

Сент-Пале был прекрасным французским антикваром, но ограниченность его исследований не позволила ему стать всеобщим историком рыцарства. Привычки его ума заставляли его относиться к рыцарству так, как если бы оно было украшением только его собственной страны. Он очень редко иллюстрирует свои принципы литературой какого-либо другого народа, а тем более не пытается проследить их историю в различных государствах Европы. Он вообще упустил из виду многие характерные черты своего предмета. Почти ничего не сказано о древних доспехах; ни слова о религиозных и военных орденах; всего несколько страниц, и те не слишком приятные и правильные, о женщине и женской любви. Лучшая часть его предмета касается, как я уже заметил, воспитания рыцарей; и он разбросал вверх и вниз по своему небольшому полуторатомнику множество любопытных заметок о древних нравах.

Другая работа написана на немецком языке, и по этой причине она очень мало известна в этой стране. Она называется "Ritterzeit und Ritterwesen" (два тома octavo, Лейпциг, 1823) и представляет собой курс лекций о рыцарстве, прочитанных автором, г-ном Бюшингом, ученикам Высшей школы в Бреслау. Стиль работы - это тот болтливый, неряшливый, неграмматичный стиль, которым считают себя вправе пользоваться лекторы во всех странах и по всем предметам. Значительная часть книги заимствована у Сент-Пале; большая часть остальной части относится к феодализму и другим вопросам, отличным от рыцарства: но когда писатель рассматривает состояние рыцарства в Германии, я нахожу его факты и наблюдения очень ценными.

Внимание к темам средневековья Европы уже много лет растет среди нас. Впервые оно было возбуждено историей нашего национального стиха Уортона и изданием Перси "Реликвии древнеанглийской поэзии". Рыцарские романы в прозе и метре, многочисленные работы о трубадурах и другие описания литературы средних веков, опубликованные за последние несколько лет, поддерживали интерес. Поэмы Скотта убедили мир, что рыцарские времена Европы могут поразить нравственное воображение так же сильно и приятно в отношении характера, страсти и живописности эффекта, как героические века Греции; и даже совсем недавно слава рыцарства была воспета поэтессой, которую с удовольствием почитал бы сам Ариосто.^[3] Однако до сих пор не было сделано ни одной попытки подробно описать рыцарские институты, лежащие в основе всей этой элегантно надстроенной поэзии и романтики, которой мы восхищаемся, и проследить историю рыцарства в различных странах Европы. Этим институтам, действительно, уделено несколько страниц в наших энциклопедиях; и некоторые из набросков о них сделаны с такой смелостью и точностью очертаний, что мы можем пожалеть, что авторы не представили нам законченных картин. Наши популярные историки лишь вскользь коснулись этой темы; ведь они были так заняты феодализмом и политикой, что могли позволить себе лишь небольшое пространство для игры светлых рыцарских качеств.

Для описания античных нравов наши материалы не столь обширны, как для их общественной жизни. Но все же эта тема не лишена свидетелей. Монахи-летописцы иногда дают нам возможность взглянуть на замки наших предков. У многих рыцарей в былые времена были свои биографы; а для самого интересного времени рыцарства у нас есть историк, который по живости обрисовки, доброте чувств и наивности языка является Геродотом средневековья.

"Вы когда-нибудь читали Фруассара?"

"Нет", - ответил Генри Мортон.

"У меня есть мысль, - возразил Клаверхаус, - устроить вам шестимесячное тюремное заключение, чтобы доставить вам это удовольствие. Его главы вызывают у меня больший энтузиазм, чем даже сама поэзия".

История Фруассара^[4] охватывает период с 1316 по 1400 год. Она была начата им в возрасте двадцати лет по указанию его дорогого господина и хозяина, сэра Роберта Намюрского, лорда Бофора. Летописи с 1326 по 1356 год основаны на хрониках, составленных тем, кого он называет "преподобным, благоразумным и мудрым магистром Джоном ла Беле, каноником в Сент-Ламбертисе в Льеже, который с добрым сердцем и должным усердием занимался написанием своей книги; и слышал о многих справедливых и благородных приключениях от своего возлюбленного и о тайных советах лорда сэра Джона из Хайно". Фруассар исправил все эти заимствованные сведения, опираясь на информацию баронов и рыцарей своего времени о жестах и доблестях их семей. Он является летописцем как политических событий, так и рыцарских нравов. О его заслугах в первой части его характера говорить не входит в мою компетенцию. На должность историка рыцарства никто не мог претендовать столь справедливо. Его отец был герольдмейстером, и он с ранних лет был посвящен в ту необычную форму жизни, которую он описывает с такой живописной красотой. "Я любил, - говорит он о своей юности в одном из своих стихотворений, - видеть танцы и колядки, слышать песни менестрелей и рассказы о веселье. Мне было приятно приобщаться к тем, кто с удовольствием гонялся за гончими и ястребами. В школе я часто заигрывал с моими прекрасными товарищами, и мне казалось, что я хорошо освоил это искусство, чтобы завоевать милость девиц". "Мои уши учащались при звуке открываемой фляги с вином, ибо я

получал огромное удовольствие от питья, от красивой одежды, от свежих и изысканных яств. Я любил видеть ранние фиалки, белые и красные розы, а также блестяще освещенные покои; танцы и поздние бдения, прекрасные постели для моей трапезы; а чтобы лучше отдохнуть, я с удовольствием пил на ночь кларет или рошельское вино, смешанное с пряностями".

Фруассар написал свои "Хроники" "с тем намерением, чтобы почетные и благородные приключения и подвиги, совершенные и достигнутые в войнах Франции и Англии, были запечатлены в вечной памяти; таким образом, доблестные и выносливые могли бы иметь пример, чтобы поощрять их в их добрых делах". "Для достижения своей цели он следил за обществом различных знатных и великих лордов, как во Франции, Англии и Шотландии, так и в других странах, и на их рыцарских праздниках выводил истории об оружии и любовных похождениях. В течение трех лет он был клерком палаты Филиппы из Хайно, жены Эдуарда III. Он совершил путешествие в Шотландию; и хотя он был посажен на простую лошадь, с сундуком на задней части седла, как оруженосцы носят рыцарскую упряжь, и его сопровождала только борзая, любимая собака того времени, вместо вереницы варлетов, все же слава о его литературных способностях ввела его в замок Далкейт и ко двору шотландского короля.

Он вообще жил в обществе дворян и рыцарей - при дворах герцога Брабантского, графа Намюрского и графа Блуа. Он знал и восхищался Черным принцем, Дю Гесклином, Дугласами и Хотспуром; и хотя это разнообразное знакомство помогло ему описать обстоятельства и нравы своего времени, оно не позволило ему проявить предвзятость, вызванную особым фаворитизмом. Характер его ума, а не положение в жизни, определяли его занятия. Его профессия была церковной: некоторое время он был викарием Лестинса в епархии Льежа, а на момент смерти - каноником и казначеем коллежской церкви Шиме. Но он был большим читателем романов, нежели своего breviария; и, хотя он был церковником, само рыцарство не могло похвастаться более преданным поклонником дам и девиц. Поэтому он был именно тем человеком, который мог описать рыцарские черты своего времени.

Рыцарские романы - еще один источник информации. Фэвин с правдой и фантазией говорит: "Большую часть древностей следует искать и извлекать из древнейших сказаний, как в прозе, так и в стихах, как жемчужины из дымящихся бумаг Энния". Писатели-романтики были для средних веков Европы тем же, чем древние поэты были для Греции, - художниками нравов своего времени. Как отмечает сэр Вальтер Скотт, "мы без колебаний цитируем рыцарские романы как хорошее свидетельство законов и обычаев рыцарства. Авторы, как и художники того времени, ничего не изобретали, но, копируя нравы эпохи, в которой они жили, переносили их, без сомнений и угрызений совести, на период и персоналии, о которых они рассказывали".

На основе всех этих источников информации я постарался на следующих страницах описать происхождение рыцарства и, вырвавшись из мрачных времен, в которые оно возникло, обозначить различные степени личного благородства рыцарства. Затем последует исследование природы и обязанностей рыцарского характера; и мы не можем пройти мимо государыни-хозяйки и дамы-любовницы отважного рыцаря, не выразив ей почтения и уважения. Полюбовавшись нашим кавалером на изящное и грациозное развлечение - турнир, и немного задержавшись, чтобы посмотреть на него, когда к рыцарству добавился особый характер религии, мы увидим, как он взлетает на своего доброго коня; и мы будем сопровождать его в достижении его высоких и трудных целей в Британии, Франции, Испании, Германии и Италии.

Так как по своей природе рыцарство является дополнением или приложением к истории Европы, я предполагал, что мои читатели знакомы с общими обстоятельствами прошлых эпох, и поэтому говорил о них скорее в виде аллюзий, чем прямого изложения. Я сделал нижеследующую работу настолько строго рыцарской, насколько мне позволит полное и честное обсуждение моего предмета, избегая описания баронской и феодальной жизни, за исключением ее связи с рыцарством. Я не стал подробно описывать военные обстоятельства прежних времен, если только они не исходили из рыцарских принципов или не были наделены рыцарскими достоинствами. Так, знаменитая битва Тридцати не имела ничего рыцарского, и поэтому я оставил ее без внимания. Судебные поединки зародились в том состоянии общества, из которого вышли и феодализм, и рыцарство; но они не регулировались нежными законами рыцарства, а потому не были описаны мной. Я не стал навязывать читателям сухие юридические факты и рассуждения, ибо инциденты, связанные с владением земель, называемые рыцарским владением, были сугубо феодальными; а суды констебля и маршала, рассматривающие все вопросы, касающиеся войны, судебных поединков и гербовой символики, относятся не столько к рыцарству, сколько к общему сохранению мира на земле и доброго порядка в обществе. Следует также отметить, что я не ставил перед собой цель дать подробную историю каждого отдельного кавалера: ведь работа, строго ограниченная биографическими подробностями, как бы ни была она удобна для случайных ссылок, была бы утомительной и нудной из-за повторения обстоятельств, различающихся только именами, и была бы чем угодно, но не историей. Я привел великих героев рыцарства, которым политический историк уделил совсем немного внимания, в качестве иллюстрации к принципам рыцарства. Так, портреты в полный рост этих английских рыцарей-доблестников, сэра Джона Чандоса и сэра Уолтера Манни, будут более интересны, чем изображения Эдуарда III и Черного принца, черты которых нам так хорошо известны. Поэтому из жизни этих королевских героев я выбрал только те рыцарские обстоятельства, которые не были достаточно описаны и подробно рассмотрены, или которые я был просто обязан изложить, чтобы сохранить непрерывную нить повествования.

Я не буду подробно останавливаться на интересности и красоте моего предмета, чтобы не вызвать слишком строгих вопросов о моих способностях к его обсуждению. Поэтому я лишь завершу свое повествование старой доброй фразой Чосера

"Теперь, зажав рот, налейте чару,
И рыцарь, и дама свободны,
И слушайте мои чары,
О битве и рыцарстве,
О любви и дружбе дам,
Anon I wol you tell."

* Пока эти тома проходили через печать, появились "Рассказы о крестоносцах". Во втором из них содержится ряд предполагаемых предложений Саладина о мире между его народом и англичанами. Заключение этих предложений звучит так: "Саладин положит священную печать на этот счастливый союз между самыми храбрыми и благородными Франгистана и Азии, возведя в ранг своей королевской супруги христианскую девицу, родственную по крови королю Ричарду и известную под именем леди Эдит Плантагенет", т. iv. с. 13, 14. В примечании к этому отрывку своего текста автор отмечает: "Это может показаться настолько необычным и неправдоподобным предложением, что необходимо сказать, что такое предложение действительно было сделано. Историки, однако, заменяют вдовствующую королеву Неаполя, сестру Ричарда, невестой, а брата Саладина - женихом. Похоже, они не

знают о существовании Эдит Плантагенет. См. Mill's (Mills') History of the Crusades, vol. ii. p. 61."

В этой работе я отмечаю, что "Ричард предложил объединить христианские и мусульманские интересы; создать в Иерусалиме правительство, частично европейское и частично азиатское; и эти политические планы должны были быть реализованы путем брака Сафадина (брата Саладина) с вдовой Вильгельма, короля Сицилии".

М. Мишо, французский историк крестовых походов, делает аналогичное заявление. Он говорит, что Ричард "сделал несколько других предложений, в которых с большим интересом рассматривал амбиции Малека Аделя, брата султана. Жена Гильома Сицилийского была предложена в жены принцу-мусульманину". Hist. des Croisades, vol. ii. p. 414.

Вопрос о том, знают ли "историки" о существовании Эдит Плантагенет, не стоит. Вопрос в том, какое из двух противоположных утверждений соответствует исторической правде. Утверждение М. Мишо и мое поддерживается главными арабскими историками, писателями, которые, как известно каждому изучающему историю, пользуются безупречной репутацией. Бохадин в своей жизни Саладина говорит, что "англичанин желал, чтобы Альмалик Аладин взял в жены его сестру (ее брат привез ее с собой из Сицилии, когда проезжал через этот остров, к покойному лорду, за которым она была замужем)". Абульфеда замечает: "Пришли посольства франков, чтобы заключить мир, и предложили такое условие: Малек аль-Адель, брат султана, должен получить в жены сестру короля Англии, а Иерусалим - в качестве королевства"[7] То, что эта сестра, Джоан, вдовствующая королева Сицилии, была с Ричардом в Святой земле, доказывает отрывок из книги Матфея Парижского, стр. 171. Она и жена Ричарда упоминаются вместе, и ни одна другая особа королевского ранга.

Таким образом, "историки" правы в своем утверждении, что брачное предложение было сделано англичанами Саладину, а сторонами должны были стать брат Саладина и вдовствующая королева Сицилии. Автор романа не подкрепил свое утверждение ни одним историческим свидетельством, и мы можем потребовать от него привести хоть одно доказательство в свою пользу.

При написании своих рассказов автор "Уэверли" редко проявлял большое уважение к исторической достоверности. Но большей точности, чем у него, никто не вправе ожидать от текста простого романа; и пока он не давал своим читателям повода путать вымысел с правдой, игра его блестящего и эксцентричного воображения была безвредной. Так, в "Талисмани" поэтический антиквар лишь улыбается, когда видит, что роман "Сквайр низкой степени" цитируется как знакомый англичанам задолго до его написания; а когда в "Обрученном" Глостер возводится в епископство за три с половиной века до подлинной эпохи, мы в равной степени признаем авторскую лицензию на анахронизм. В этих двух случаях, как и в бесчисленных других, когда романист, намеренно или невольно, сбивался с пути исторической точности, он никогда не давал официальной гарантии истинности своих утверждений и вправе смеяться над простым легковерием, которое может принять его рассказы за правдивые хроники: Но его утверждение о браке Саладина с его "Эдит Плантагенет" - это совсем другой случай. Ибо здесь он отбрасывает причудливое одеяние романиста и покидает привилегию своего текста, чтобы серьезно и критически поручиться в примечании за ошибки наших историков и свои собственные превосходные знания. Если это, возможно, сделано лишь для того, чтобы усилить иллюзию своего романа, то шутка заходит слишком далеко; ведь сохранение исторической правды - это действительно слишком важный принцип, чтобы его можно было бездумно нарушать. Но если он всерьез

намеревался объединить область историка с областью романиста, то он выбрал очень неудачный способ для своей собственной репутации; и таким образом, в любом случае, он, скорее всего, бесцеремонно ввел своих читателей в заблуждение и навлек на других обвинение в невежестве, которое должно быть более заслуженно отброшено на него самого.

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОГО ТОМА.

ГЛАВА. I.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПЕРВЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ РЫЦАРСТВА В ЕВРОПЕ.

Страница

Общая природа рыцарства ... Военное и моральное рыцарство ...
Происхождение рыцарства ... Обычаи немцев ... Выборы солдат ... Братство ...
Достоинство послушания ... Галантность ... Эпоха Карла Великого ... Рыцарство,
измененное религией ... Церемонии англосаксонского вступления в должность
... Рыцарство санкционируется советами и рассматривается как форма
христианства ... Природа рыцарского дворянства ... Его степени ... Рыцарь-
баннерет ... Его квалификация ... Кем создан... Его привилегии ... Его отношение к
барону... И, кстати, о боевом знаке и эскулапе... Рыцарь... Квалификация для
рыцарства ... Кем создан ... Сквайрство ... Общее представление о других главах,
посвященных институтам рыцарства

1

ГЛАВА. II.

ВОСПИТАНИЕ РЫЦАРЯ. ЦЕРЕМОНИИ ПОСВЯЩЕНИЯ И РАЗЖАЛОВАНИЯ.

Описание в романах рыцарского воспитания ... Ястребиная охота... Воспитание
начинается в семилетнем возрасте... Обязанности пажа... Личная служба...
Любовь и религия ... Боевые упражнения ... Сквайр... Его обязанности по личной
службе ... Любопытная история о смелом молодом сквайре ... Различные титулы
оруженосцев ... Обязанности оруженосца в бою ... Галантность... Боевые
упражнения ... Верховая езда ... Важность оруженосцев на поле боя... В
частности, в битве при Бовине... Подготовка к рыцарству ... Беспокойство
оруженосца о характере рыцаря, от которого он должен был получить почетное
звание ... Рыцари, произведенные в рыцари на поле боя ... Неудобства этого ...
Рыцари шахт ... Общие церемонии деградации ... Церемонии в Англии

26

ГЛАВА. III.

СНАРЯЖЕНИЕ.

Красота рыцарского снаряжения ... Копье... Вымпел ... Топор, мауле и мартель ...
Меч... Пристрастие рыцаря к нему ... Мечи в романах ... Щит... Различные виды
почты ... Почта ... Почта и пластины ... Пластинчатая упряжь ... Шарф ... Сюртуки

65

... Гербовые подшипники ... Плащи военных орденов ... Кинжал милосердия ...
История его использования ... Ценность исследований древних доспехов ...
Точное знание недостижимо ... Его общие черты интересны ... Широкие линии
предмета ... Превосходство итальянских доспехов ... Доспехи оруженосцев и т.д.
... Аллегии, выполненные на доспехах ... Конь рыцаря

ГЛАВА. IV.

РЫЦАРСКИЙ ХАРАКТЕР.

Общий строй рыцарей ... Соратники по оружию ... Природа доблести
кавалериста ... Особая храбрость сэра Роберта Ноулза ... Храбрость, вызванная
клятвами ... Фантастические обстоятельства ... Гуманитарные аспекты рыцарской
войны ... Выкуп ... Причина любезности в сражениях ... Любопытная гордость
рыцарства ... Пленники ... Примеры рыцарской чести ... Независимость рыцарей
и рыцарское коннозаводство ... Рыцари сражались в битвах других стран ...
Английским рыцарям не нравятся войны в Испании ... Их отвращение к
испанским винам ... Принципы их активного поведения ... Рыцарская
независимость в сочетании с дисциплиной ... Религия рыцаря... Его
преданность... Его нетерпимость... Общий характер его добродетели ... Верность
обязательствам ... Щедрость... Единичные случаи ее проявления ...
Романтический избыток ее ... Либеральность... Смирение ... Вежливость ...
Повседневная жизнь рыцаря... Соколиная охота... Игра в шахматы ... История
любви рыцаря к шахматам ... Менестрели ... Романсы ... Беседа ... Характер и
форма рыцарских развлечений ... Праздник и обет фазана

117

ГЛАВА. V.

ДАМЫ И ДЕВИЦЫ, А ТАКЖЕ ЛЕДИ-ЛЮБОВЬ.

Вежливость ... Воспитание ... Музыка ... Граверные науки ... Одежда ... Знание
медицины ... Повседневная жизнь девицы ... Рыцарская любовь...
Идолопоклонство рыцарской страсти ... Храбрость, вдохновленная любовью ...
Характер женщины в глазах рыцаря ... Особенности его любви ... Качества
рыцарей, которыми восхищаются женщины ... Повесть о рыцарской любви ...
Постоянство... Отсутствие ревности... Рыцари утверждали оружием красоту
своей любовницы ... Раскаявшиеся в любви ... Другие особенности рыцарской
любви ... Страсть всеобщая... История Аристотеля ... Рыцарская любовь враг
феодалных различий... Но сохраняла религию... Когда возникли
привязанности... Общества рыцарей для защиты дам ... Рыцари дамы на зеленом
поле ... Обычаи в Англии ... Нерыцарски брать женщин в плен ... Нравы
рыцарских времен ... Рыцарские героини ... Королева Филиппа ... Графиня Марч
... Рассказы о Джейн Маунтфортской и Марции дель Убальдини ... Благородство
рыцарского женского характера

181

ГЛАВА. VI.

ТУРНИРЫ И ПОЕДИНКИ.

Красота рыцарских видов спорта ... Их превосходство над греческими и
римскими ... Происхождение турниров ... Причины их проведения ... Практика
владения оружием ... Вежливость... Кем они проводились ... Квалификация для

258

участия в турнирах ... Церемонии турнира ... Прибытие рыцарей ... Публикация их имен ... Причины для этого ... Замаскированные рыцари ... Списки... Дамы - судьи турнира ... Деликатная вежливость на турнирах ... Утро спорта ... Рыцари во главе с дамами, которые подражают одежде рыцарей ... Характер турнирного оружия ... Рыцари носили дамские фаворитки ... Подготовка... Поединок... Какими ударами копья завоевывался приз ... Заключение спорта ... Фестиваль ... Вручение приза ... Рыцари благодарят дам ... Бал... Либеральность ... Турниры, против которых выступали папы... Противодействие несправедливое ... Поединок... Описание поединка до изречения ... Поединок между шотландским и английским рыцарем ... Поединок из-за любви к дамам ... Необычный случай ... Поединок между французским и английским оруженосцем ... Восхитительное мастерство поединщиков ... Необычные вопросы о поединках ... Граф Уорик ... Знаменитый поединок в Сент-Инглеберте ... Поединок между лордом Скейлзом и бургундским бастардом ... Романтика поединков ... Передача оружия ...
Использование турниров и поединков

ГЛАВА. VII.

РЕЛИГИОЗНЫЕ И ВОЕННЫЕ РЫЦАРСКИЕ ОРДЕНА.

Общие принципы религиозных орденов ... Квалификация для них ...
Использование этих орденов в Палестине ... Современная история рыцарей-тамплиеров ... Их современное существование и состояние ... Религиозные ордена в Испании ... Орден Святого Иакова... Его цели ... Изменение его целей ... Орден Калатравы ... Изящное рыцарство монаха ... Слава этого ордена ... Орден Алькантары ... Рыцари Дамы Милосердия ... Рыцари Святого Михаила ... Военные ордена ... Подражания религиозным орденам ... Пример тому - орден Подвязки... Немногие из нынешних орденов имеют рыцарское происхождение... Орден Бани ... Дремлющие ордена ... Орден Банды... Его необычные правила ... Его благородное исполнение рыцарских обязанностей по отношению к женщине ... Орден Бурбонов... Странные титулы орденов... Сказочные ордена ... Круглый стол... Сэр Лонселот... Сэр Гавейн ... Орден Чулка ... Происхождение фразы Синий чулок

332

ГЛАВА. VIII.

РАЗВИТИЕ РЫЦАРСТВА В АНГЛИИ ОТ НОРМАННСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ ДО КОНЦА ПРАВЛЕНИЯ ЭДУАРДА II.

Рыцарство, связанное с феодализмом ... Стипендиальные рыцари ... Рыцарство как обязательная честь ... Прекрасные примеры рыцарства в правление Эдуарда I. ... Эффект рыцарства в правление Стефана ... Трубадуры и писатели романов в правление Генриха II. ... Рыцарские нравы того времени ... Кер де Лев - первый рыцарский король ... Его рыцарская осанка ... Иоанн и Генрих III. ... Эдуард I. ... Его галантность на турнире ... Его нерыцарские жестокости ... Он не обладал рыцарской вежливостью ... Изображение старинных манер ... Эдуард II. ... Рыцарские обстоятельства в битве при Бэннокберне ... Особый эффект рыцарства в правление Эдуарда II.

382

ИСТОРИЯ РЫЦАРСТВА.

ГЛАВА. I.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПЕРВЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ РЫЦАРСТВА В ЕВРОПЕ.

Общая природа рыцарства ... Военное и моральное рыцарство ... Происхождение рыцарства ... Обычаи немцев ... Выборы солдат ... Братство ... Достоинство послушания ... Галантность ... Эпоха Карла Великого ... Рыцарство, измененное религией ... Церемонии англосаксонской инаугурации ... Рыцарство, одобренное Соборами и рассматриваемое как форма христианства ... Природа рыцарского дворянства ... Его степени ... Рыцарь Баннерет ... Его квалификация ... Кем создан... Его привилегии ... Его отношение к барону... И, кстати, о боевом кличе и эскулапе... Рыцарь... Квалификация для рыцарства ... Кем создан ... Сквайрство ... Общий обзор других глав об институтах рыцарства.

В первые века рыцарства мало что может поразить воображение. Ни разукрашенные кони, ни один воин, несущий на своем гребне благосклонность своей светлой дамы, не украшали те ранние времена. Все было грубо и мрачно. Но эта тема не лишена интереса, ведь всегда любопытно проследить причины и первые проявления в поведении любой широко распространенной системы взглядов.

Природа рыцарства.

Военная сила народов, населявших северную и центральную Европу во времена римлян, состояла в основном из пехоты[8]; но затем произошла большая, хотя и незаметная перемена, и на протяжении всего долгого периода, который, выражаясь историческим языком, составляет средневековье, конница была самой сильной рукой военной власти. Термины, выражающие этот боевой строй, искали в его отличительных обстоятельствах. Среди руин латинского языка *caballus* означало лошадь, *caballarius* - всадник, *caballicare* - скакать; от этих слов все языки, образовавшиеся на латинской основе, получили фразы, описывающие военные обязанности верхом на лошади. Во всех языках тевтонского происхождения это же обстоятельство выражалось словами, буквально означающими службу. Немецкий *рыцарь*, саксонский *рыцарь* - это синонимы французского *cavalier*, итальянского *cavaliere* и испанского *caballero*. Слово "всадник" также обозначало одного и того же человека, предшествующего или стоящего без слова "рыцарь".

Военное и моральное рыцарство.

В королевствах, возникших на руинах Римской империи, каждый король, барон и знатный человек был рыцарем; поэтому все лицо Европы было усеяно конницей. С этой точки зрения рыцарство и феодализм в Европе были синонимами и сосуществовали. Но внутри этого рыцарства существовало рыцарство нравственное и личное, не упорядоченное собрание инструментов честолубия, а военный барьер против угнетения и тирании, корректор феодального деспотизма и несправедливости. Можно сказать, что нечто подобное описанию рыцарства существовало во все века и во всех странах. Его щедрость можно сравнить с гомеровскими временами, а порок никогда не царил совершенно бесконтрольно.

Но рыцарство, галантное и христианское рыцарство Европы, было чище и светлее, чем любое предшествующее состояние общества; ведь оно утвердило женщину в ее справедливом положении в моральном мире, а многие принципы его действия исходили из божественного источника, чем не могли похвастаться классические древние.

Происхождение рыцарства.

Уставы германцев.

Избрание воинов.

Братство.

Некоторые из правил и афоризмов рыцарства возникли в том состоянии общества, в котором возникла феодальная система; и если рассматривать рыцарство особенно в военном свете, то мы находим его частью самого раннего состояния значительной части европейского мира. Ношение оружия никогда не было делом простого частного выбора. У германцев право объявить человека пригодным для службы своей стране с оружием в руках принадлежало государству. На собрании вождей своего народа отец или близкий родственник вручал щит и копье молодому и утвержденному кандидату на воинские почести, который с этого момента считался членом содружества и приравнивался к гражданину. В Северной и Центральной Европе, как в Скандинавии, так и в Германии, соблюдался тот же принцип; юноша в возрасте пятнадцати лет становился независимым агентом, получая меч, баклер и копье на каком-нибудь общественном собрании[9].

Дух клановости, или братства, пронизывавший рыцарство средних веков, имеет отдаленную древность. Он существовал в Германии, Скандинавии, а также в Галлии[10]. Во всех этих странах каждый молодой человек, украсив свое военное оружие, входил в поездку какого-нибудь вождя; но он был скорее его спутником, чем последователем, ибо, как бы многочисленны ни были ступени и различия в службе, во всех них царил благородный дух равенства. Эти великодушные юноши составляли оплот своего вождя на войне и были его украшением в мире. Этот дух товарищества проявлялся во всей своей силе и красоте на поле боя. Для принца было позором превзойти в доблести своих соратников; их военные подвиги должны были быть героическими, но их блеск никогда не должен был затмевать яркость его собственной славы. Вождь боролся за победу, последователи - за своего вождя. Защита вождя в бою, смерть с ним, а не уход от него, были, по мнению отцов военного дела Европы, очевидными и необходимыми следствиями этих принципов. В отдаленные века дух товарищества пылал более жаростно, чем в те времена, которые принято называть рыцарскими; ведь если по воле военных обстоятельств человек попадал в руки врага, его боевые товарищи сдавались в плен, считая позорным жить в безопасности и праздности, когда их вождь и соратник терпит бедствие[11].

И, чтобы сделать этот вопрос более понятным английским читателям, можно упомянуть, что в истории наших англосаксонских предков зафиксировано множество случаев, когда вассалы отказывались пережить своего господина. Сайнехард, брат свергнутого короля Сигебирхта, убил узурпатора Синвульфа; и хотя он предложил свободу сопровождающим убитого, все они предпочли смерть подчинению новому повелителю и погибли в тщетной и дикой попытке отомстить ему. Сразу же после этого удача обрушилась на Сайнехарда, и восемьдесят четыре его спутника, кроме одного, были убиты, хотя им была предложена свобода; но, заявив, что их щедрость не уступает щедрости спутников Сайневульфа, они погибли в безнадежной битве[12].

Достоинство повиновения.

Чувство, которое в рыцарские времена стало называться достоинством послушания, можно проследить в этих обстоятельствах, но более ясно оно проявляется в необычных записях о домашних нравах древней Европы; от Афиня, в его трактате об ужинах кельтов, мы узнаем, что у галльских юношей был обычай стоять за сиденьями и прислуживать своим отцам во время главной ежедневной трапезы.^[13] Здесь мы видим зародыш если не обязанностей оруженосца перед рыцарем, то чувства, которое заставляло их исполнять. Прекрасная субординация рыцарства берет свое начало в домашних отношениях; послушание становилось добродетелью, когда его одобряла природа, и не было никакой потери личного уважения в том, что юноша выполнял услуги, которые выполнял его собственный отец и которые, с годами и обстоятельствами, должны были быть оказаны ему самому.

Галантность.

Рыцарская галантность, то качество, которое так выгодно отличает современный мир от древнего, не была создана никаким рыцарским институтом. Мы знаем, что оно зародилось в тех же чувствах, которые питали другие принципы рыцарства, но его рождение теряется в глубине веков; и я скорее останусь в неведении относительно точного периода его древности, чем буду думать вместе с Плутархом, что это чувство возникло в результате благоразумного мнения, высказанного некоторыми женщинами по случаю конкретного спора между несколькими кельтскими племенами.^[14] На самом деле именно добродетель пола, а не какое-то случайное мнение, возвысила их до высокого и почтительного уважения. Римский историк отмечает как особенность германцев, что брак у них считался священным институтом^[15], и что мужчина ограничивался обществом одной жены. Ум Тацита был преисполнен уважения к добродетельному, хотя и неизысканному народу севера; и, возвращаясь взглядом в Рим, описатель нравов становится возмущенным сатириком и восклицает, что никто в Германии не смеет высмеивать святое таинство брака или называть нарушение его законов соответствием нравам эпохи.^[16] В более ранние времена, когда кимвры вторглись в Италию и были разбиты Марием, пленные тевтонки хотели попасть в число весталок-девственниц, связав себя вечным целомудрием, но римляне не могли восхищаться или сочувствовать таким высоким помыслам, и женщины прибегали к смерти, последнему печальному прибежищу их добродетели. Страбон живописно описывает почтенных и хриплоголовых пророчиц, сидящих на совете кимвров, одетых в длинные льняные одеяния сияющего белого цвета. Они были не только посольствами, но часто им поручалось управление королевствами.^[17] Храбрость рыцаря вдохновлялась дамой его привязанности, и эта черта характера ясно вытекает из практики германских народов, когда женщины смешивались на поле боя со своими вооруженными братьями, отцами и мужьями. Женщины всегда рассматривались как стимул к доблести, и, воюя с народом, отличающимся по нравам, германский генерал мог поздравить своих солдат с тем, что у них есть мотивы для храбрости, которыми не обладал враг.^[18] Воин севера, как и рыцарский герой, надеялся на женские улыбки от своего мастерства в атлетических и боевых упражнениях; и мы можем взять анекдот как пример общих манер европейской древности, что главная тревога датского чемпиона, который потерял подбородок и одну из щек одним ударом меча, заключалась в том, как его примут датские девы, когда его личные черты были так ужасно изуродованы. - "Датские девушки теперь не будут охотно и легко дарить мне поцелуй, если я, возможно, вернусь домой", - жаловался он.

Харальд Доблестный был одним из самых выдающихся авантюристов своей эпохи. Он убивал могучих людей и, пройдя северные моря в качестве завоевателя, спустился в Средиземноморье и к берегам Африки. Но теперь против него выступила более мощная

сила, и он был взят в плен и некоторое время находился в Константинополе. Он пытался разбавить свое мрачное одиночество песнями; но муза не доставляла ему радости, и он жаловался, что репутация, которую он приобрел столькими опасными подвигами, своим мастерством в одиночном бою, верховой ездой, плаванием, скольжением по льду, рывками, греблей и проведением корабля через скалы, не смогла произвести никакого впечатления ни на Элиссифа, ни на Елизавету, прекрасную дочь Ярила, царя России[19].

Эпоха Карла Великого.

Таковы были черты древнего характера Европы, которые легли в основу рыцарства средних веков; таково было рыцарство в его грубом, неотполированном состоянии, общий характер всего народа, а не моральный каратель буйства и свирепости. Получение оружия в собрании народа; объединение в кланы; защита и почитание женщин; совершение актов служения, когда этого требовали привязанность и долг: из этих простых обстоятельств и качеств возникла самая прекрасная форма манер, которая когда-либо украшала историю человека. Невозможно точно определить время, когда эти элементы сложились в ту систему мыслей и действий, которую мы называем рыцарством. Рыцарство, безусловно, было характерной чертой и отличием общества до времен Карла Великого, и его широкое распространение в его время очень любопытно доказывается разрешением, которое он дал правителю Фрисландии, чтобы сделать рыцарей, опоясав их мечом и дав им удар[20].

Рыцарство, измененное религией.

Но ключевого камня в арке не хватало, и только религия могла его предоставить. Появился новый мир принципов и целей. Защита церкви была одной из великих очевидных целей рыцарского предприятия, и на этом принципе, узком и эгоистичном, были основаны многие благотворительные организации христианства. Меч благословлялся священником, прежде чем его вручали молодому воину. Каким образом произошло это слияние, мы не знаем; менее интересен вопрос о дате этого события. Это было где-то между девятым и одиннадцатым веками. Во времена Карла Великого такого обычая точно не было, поскольку он опоясал военным мечом своего сына Людовика Доброго в соответствии с грубыми принципами древнегерманского рыцарства[21], без каких-либо религиозных церемоний; а столетие спустя мы читаем о том, как саксонский монарх Англии Эдуард Старший облачил Ательстана в солдатское платье из алой ткани и закрепил вокруг него украшенный драгоценными камнями пояс, в который был вложен саксонский меч в золотых ножнах.[22] Однако в следующем столетии, во времена правления Эдуарда Исповедника, мы встречаем историю о том, как Херевард, очень благородный англосаксонский юноша, был посвящен в рыцари аббатом Питерборо. Он исповедовался в своих грехах и, получив отпущение, искренне молился о том, чтобы его сделали законным *милем* или рыцарем.

Церемонии инаугурации англосаксов.

По обычаю англичан, продолжает историк, каждый, кто хотел быть посвященным в законное ополчение, должен был исповедаться в своих грехах епископу, аббату, монаху или другому священнику вечером, предшествовавшим дню посвящения, и провести ночь в церкви, в молитвах, благочестии и моционах. На следующее утро он должен был отслужить мессу, принести свой меч на алтарь, а затем, после прочтения Евангелия, священник благословлял меч и возлагал его на шею *милёна* с благословением. Затем рыцарь приобщался к таинству Вечери Господней.[23] Этот отрывок, хотя и описывающий, по сути, только военные обычаи Англии, может быть применен к общему состоянию Европы, за исключением Нормандии,

жители которой презирали религиозную часть церемонии. Но это чувство неприязни не прошло через все века, поскольку существует множество доказательств того, что во времена правления нормандской династии в Англии рыцарские церемонии были как религиозными, так и военными; и в том же, одиннадцатом, столетии этот обычай был аналогичным во всей континентальной Европе.

Рыцарство санкционировалось Соборами и считалось одной из форм христианства.

Одиннадцатый век - очень важная эпоха в истории рыцарства; ведь на знаменитом Клермонском соборе (санкционировавшем первый крестовый поход) было объявлено, что каждый человек благородного происхождения по достижении двенадцати лет должен дать торжественную клятву перед епископом своей епархии защищать до конца угнетенных, вдов и сирот; чтобы женщины благородного происхождения, как замужние, так и незамужние, пользовались его особой заботой; и чтобы в нем не было ничего недостающего для обеспечения безопасности путешествий и уничтожения тирании. В этом указе мы видим, что все рыцарские гуманности были санкционированы юридической и церковной властью, и что они должны были распространиться по всему лицу христианства, чтобы сдержать варварство и свирепость времени.

Рыцарство имело военную форму, но его цели были как религиозными, так и социальными, и определение этого слова по военным обстоятельствам перестало выражать его характер. Власть духовенства проявилась необычным образом. Рыцарство перестало быть солдатским строем, но стало называться орденом, святым орденом, и ему придали характер серьезности и торжественности[24]. Оно считалось почетной должностью, выше всех должностей, орденов и деяний мира, кроме ордена священства, ибо этот орден причастен к святому таинству алтаря. Рыцарские и духовные персонажи везде считались конвертируемыми, и авторы романов точно отражали нравы, когда их герой в начале повествования был сэром-рыцарем, а по завершении его походов мы находим его сэром-священником;

"И так гласила общая слава,
Пока возраст позволял ему это,
Что он был человеком с громким именем,
Известный в оружии и дерзких делах.
Но теперь он постарел и устал
От войны и мирских трудов,
Он отрекся от рыцарского звания;
И повесил свое оружие и военные трофеи,
От всего этого мира избавил себя"[25].

Природа рыцарского дворянства.

Рыцарство было институтом, совершенно свойственным военному и социальному положению наших предков. Между рыцарскими рыцарями и римскими эквитами не было никакой аналогии, поскольку для последних денежное состояние было абсолютно необходимо; в то время как, хотя европейский кавалерист, как правило, был человеком с некоторым имуществом, он часто становился членом рыцарского ордена исключительно в качестве награды за свое безупречное поведение в бою. Римские эквиты выполняли гражданские функции, связанные с отправлением правосудия и сбором государственных доходов, но рыцарство Средневековья не имело таких обязанностей. Рыцарство также отличалось от дворянства, поскольку европейские дворяне были правителями и лордами отдельных районов страны, и хотя первоначально они занимали свои должности только пожизненно, вскоре их титул стал наследственным. Но рыцарство было по сути и всегда

личным отличием. Рыцарство умирало вместе с человеком. Оно присваивалось дворянами и королями, не являясь, как другие их титулы, предметом наследования. Оно не поглощалось никаким другим титулом, и общепринятая форма обращения "сэр[26] король" свидетельствует о его высоком значении. В повестках о вызове в парламент слово "*шевалье*" иногда следовало за баронским титулом, и чаще бароны назывались по своему военному титулу, чем по титулам своих баронств[27].

Степени.

В европейском рыцарстве существовало три степени: рыцари-баннереты, рыцари и эсквайры.

Рыцарь-баннерет.

Его квалификация.

Кем создан.

Воин должен был пройти через ряды эсквайров и рыцарей, прежде чем его можно было причислить к рыцарям-баннеретам. Этим высоким достоинством мог обладать только рыцарь, прослуживший много лет в войнах и отличившийся, а также имеющий значительную свиту вооруженных людей и других воинов. Чтобы избежать неудобств, связанных со слишком мелким разделением военной силы страны, каждый рыцарь-баннерет должен был иметь под своим началом пятьдесят рыцарей и оруженосцев, каждый из которых сопровождался одним или несколькими конными воинами, вооруженными арбалетом или длинным луком и топором. Несколько пеших воинов дополняли снаряжение. Но поскольку мы часто встречаем случаи возведения в ранг рыцарей-баннеретов людей с очень небольшим числом последователей[29], вероятно, короли узурпировали право наделять этим отличием своих фаворитов или известных людей, не заботясь о том, чтобы требовать какого-либо титула за заслуги как права или чтобы королевское имя использовалось только как пассивный инструмент; ведь рыцарь, доказавший свое рыцарство и силу, мог потребовать от своего государя отличия баннерета. Законы и обычаи мира позволяли испытанному и благородному солдату нести свой украшенный вымпел к коннетаблю или маршалу армии до или после битвы, а также на самом поле боя и требовать разрешения поднять свое знамя. Геральд предъявлял запись о своем праве на это отличие, а предводитель войска отрезал конец вымпела, и тогда этот военный знак становился квадратным знаменем. Констебль или герольд обычно добавлял краткое увещевание к доблести и чести. Таковы были все церемонии создания.

Его привилегии.

Привилегии рыцаря-баннерета были значительными. Он не сражался под штандартом какого-либо барона, но формировал своих воинов под его собственным. Как и все остальные феодалы, он подчинялся командам короля, но его гордость не уязвлялась тем, что он был вынужден подчиняться приказам людей своего ранга.

Его отношение к барону.

Военный клич.

У каждого барона было свое знамя, и феодальный строй рыцарей, оруженосцев и других людей считался по их знаменам. Таким образом, баннерет и барон были воинами с равными

полномочиями. У баннерета, как и у барона, тоже были свои слова мужества, свой боевой клич, который он выкрикивал перед битвой, чтобы воодушевить своих солдат, и звук которого, услышанный в момент самой страшной опасности, спланивал разрозненные войска воспоминаниями о славе дома их командира и их собственных былых достижениях. Военный клич был также начертанным орнаментом гербового щита, изображался на сюртуке и знамени, а также был высечен на могиле рыцаря-баннерета и барона. Каждый из этих представителей рыцарства и дворянства имел свой квадратный эскулап. Жена баннерета называлась *une dame bannerette*, а общий титул его семьи - *hostel bannière*.

Рыцарь.

Второй и самый многочисленный класс рыцарских героев состоял из рыцарей, которые первоначально назывались *Bas-Chevaliers*, в отличие от первого класса, но со временем слово *bachelor* обозначало скорее эсквайра, кандидата в рыцари, чем самого кавалера. Эти рыцари второго класса назывались в Испании *кавалерами*, в отличие от *riccos hombres*, или рыцарей-баннеретов; а во Франции к ним иногда применялся нелиберальный и унижительный титул *pauvres hommes*, чтобы обозначить их неполноценность по сравнению с баннеретами.

Квалификация для получения рыцарского звания.

Общим критерием для получения рыцарского звания было благородное или дворянское происхождение, которое в самом широком значении выражало состояние независимости. Изначально слова "дворянин" и "джентльмен" были синонимами и обозначали владельцев вотчин. В странах, где существовали другие формы владения землей, для возведения в класс джентльменов, по-видимому, требовались определенные военные заслуги. Простому франкельцузу, конечно, не полагалось звание джентльмена; но если он становился выдающимся человеком, семье присваивался почетный ранг, и они считались благородными.[30] Нет нужды упоминать, что это отличие могло быть получено только благодаря военным заслугам; ведь в ранние периоды развития общества единственный путь к славе был запятнан кровью. Благородство отца ценилось больше, чем матери[31]; и в строгости, если человек не был благороден по отцовской линии, его лорд мог заставить отрубить ему шпоры на свалке.[32] Количество имущества, необходимого для рыцарства, не регулировалось никакими рыцарскими институтами. Но расходы на орден были отнюдь не незначительными. Его инаугурация была сценой пышности; а либеральность была одной из главных обязанностей его характера. Он не мог путешествовать в поисках приключений без некоторой платы[33], и его оруженосец и другие личные помощники, конечно, содержались им самим. Хотя человек, говорит Фруассар, никогда не был так богат, оруженосцы и воины тратят все; ибо тот, кто будет иметь службу у воинов, должен платить им истинное жалованье, иначе они ничего не сделают[34]. Рыцарская упряжь для рабочего дня не была лишена украшений, а турнир становился великолепным благодаря блеску доспехов и капоров его коня. Между рыцарями, участвовавшими в походах, всегда существовало соперничество в расходах, и из всех зафиксированных примеров этого чувства, пожалуй, самый интересный приводится у Фруассара. Рассказывая о предполагаемом вторжении французов в Англию в 1386 году, он говорит, что золота и серебра было пощажено не больше, чем , если бы они выпали дождем из облаков или были выловлены из моря. Великие лорды Франции послали своих слуг в Слюзу, чтобы те одели и приготовили провизию и корабли, снабдив их всем необходимым. Каждый человек украшал свой корабль и расписывал его своим оружием. У художников тогда был хороший сезон, ибо они имели все, что хотели. Они делали знамена,

вымпелы и штандарты из шелка такой красоты, что диво было смотреть на них; также они расписывали мачты своих кораблей от одного конца до другого, сверкая золотом, и приспособлениями, и оружием; и особенно богато украсил свой корабль лорд Ги де ла Тремуй; картины стоили более двух тысяч франков[35].

Кем создано.

Мы видели, что первоначально тело воинов отбиралось государством из общей массы народа. Впоследствии короли и дворяне в своих юрисдикциях сохранили право на создание. Она также перешла к духовенству, но сохранялась недолго; да и не стремились они ее вернуть, поскольку, помогая в религиозных церемониях вступления в должность, они обладали значительной долей власти, используя более мягкие средства влияния. Рыцарство никогда полностью не утрачивало своего характера отличия, награды за заслуги, скорее предполагаемые, чем доказанные, в тех первоначальных случаях, которые были упомянуты. Но хотя оно часто давалось как украшение обычая дворянам и дворянству государства, оно часто было яркой наградой за достижения в оружии. Предполагалось, что каждый рыцарь является достаточным судьей военных заслуг, и поэтому каждый рыцарь имел право назначить свою награду. Вооруженные люди и другие солдаты часто возводились в рыцарское сословие, и эта честь была чем-то большим, чем химера воображения; ведь титул и уважение джентльмена немедленно сопровождали это создание.[36] Так, во времена Ричарда II губернатор Норвича по имени сэра Роберт Сэйл не был рожден джентльменом, говорит Фруассар; но он имел благодать быть признанным мудрецом и доблестным в оружии, и за его доблесть король Эдуард сделал его рыцарем. Тот же государь посвятил в рыцари оружейника, который первоначально был портным, а после окончания королевских войн во Франции перешел через Альпы в Италию и под именем сэра Джона Хоквуда возглавил компанию белых или английских авантюристов, столь прославившуюся в итальянских войнах[37].

Сквайрство.

Третьим и последним сословием рыцарства было сквайрство. Оно не состояло из молодых людей, которые носили щиты рыцарей и обучались военному искусству; оруженосцы были эффективными солдатами, уступающими по рангу рыцарю и превосходящими его по вооружению.[38] Первоначально они были предназначены для высших рыцарских классов, но различные соображения заставили их остаться в низшем звании. В рыцарстве было принято считать, что лучше быть хорошим эскайром, чем плохим рыцарем. Поэтому многие эскайры отказывались от рыцарской чести из-за скудости своих доходов. Эдуард III..., во время своих войн во Франции, посвятил бы в рыцари Колларта Дамбретикорта, эскайра своей собственной персоны; но молодой человек отказался от этой чести, поскольку, по его собственному простому выражению, не мог обеспечить себе шлем.[39] Бароны, рыцари и эскайры составляют частое описание частей армии у Фруассара; и хотя в поле было много молодых людей, которые, освободившись от рыцарских обязанностей, стремились к отличию, было гораздо больше тех, кто оставался оруженосцем на протяжении всей своей военной карьеры и поэтому стал признанной частью рыцарского сословия. Некоторые люди с небольшими земельными владениями, желая избежать расходов и обязанностей рыцарства, оставались эскайрами. Своим благоразумием они не теряли реальной власти, поскольку имели право вести своих вассалов на поле боя под пенонселем или небольшим треугольным серпантинном, как рыцарь ведет своих под вымпелом, а баннерет - под знаменем. Военные почести и командование также могли быть достигнуты как

оруженосцами, так и рыцарями страны. Оба сословия считались благородными и имели право носить плащ.

Такова была общая форма личного рыцарского дворянства. В разных странах она варьировалась, как мы увидим, когда проследим ее развитие в Европе; но прежде необходимо описать воспитание, обязанности и снаряжение рыцаря; а поскольку *люяльность к дамам* - девиз и писателей, и читателей трудов о рыцарстве, я не стану извиняться за то, что приостановил историческое расследование, пока попытаюсь изобразить фрейлину галантного кавалера и задержать свои шаги на этой великолепной сцене силы красоты - Турнире.

ГЛАВА. II.

ВОСПИТАНИЕ РЫЦАРЯ. ЦЕРЕМОНИИ ВСТУПЛЕНИЯ В ДОЛЖНОСТЬ И РАЗЖАЛОВАНИЯ.

Описание в романах рыцарского воспитания ... Ястребиная охота ... Воспитание начинается в семилетнем возрасте ... Обязанности пажа ... Личная служба ... Любовь и религия ... Боевые упражнения ... Сквайр... Его обязанности по личной службе ... Любопытная история одного смелого молодого сквайра ... Различные титулы сквайров ... Обязанности сквайра в бою ... Галантность ... Боевые упражнения ... Верховая езда ... Важность оруженосцев на поле боя ... Особенно в битве с быками ... Подготовка к рыцарству ... Тревога оруженосца по поводу характера рыцаря, от которого он должен был получить награду ... Рыцари, произведенные в рыцари на поле боя ... Неудобства этого ... Рыцари шахт ... Общие церемонии деградации ... Церемонии в Англии.

Описание в романах рыцарского воспитания.

Рыцарские романы, живописно и выразительно передавая нравы, дают нам много интересных сведений о рыцарском воспитании детей феодальной знати. Романс о сэре Тристреме поется так;

"Теперь Рохант в руде[40],
Тристрем, и он весь сияет,
Ребенка он наставляет на путь истинный,
И он его так изменил[41];
В боку, пока он был на берегу
He stodieth ever that stithe[42],
Tho that bi him wore
Of him weren ful blithe,
That bold.
His craftes gan he kithe[43],
Oyaines[44] hem when he wold.

"Fiftene yere he gan him fede,
Sir Rohant the trewe;
He taught him ich alede[45]
Их манерам игры;[46]
И всевозможной игре,
Old lawes and newe.
На охоту часто он ездил[47],
To swich alawe he drewe,
Al thus;
Больше он кутеж[48] венерианский
Than couthe Manerious".

Очень похоже на эту картину описание воспитания Кинга Хорна в романе, носящем его имя.

"Stiward tac thou here,
My fundling for to lere
Of thine mestere,
О воде и о ривере,
Ant toggen o' the harpe,
With is nayles sharpe;
Ant tech him alle the listes
That thou ever wystes
Byfore me to kerven,
Ant of my coupe to serven;
Ant his feren devyse
С другими слугами.
Рог, дитя, ты пойми
Tech him of harpe and of song."[49]

Для еще одного отрывка из старинных романов я попрошу снисхождения моих читателей к словам менестреля,

"Mekely, lordynges gentyll and fre,
Lysten awhile and herken to me."

Жизнь сэра Ипомидона представляет собой законченную картину рыцарской истории. Его приемный отец, сэр Толомью,

--- "он приставил к нему дьячка.
Который учил ребенка на лодке
И сингу и реде,
А после научил его и другим приемам.
После этого он стал служить в галере,
И в большом, и в малом.
Перед королем мясом керве
Служить и в доме, и в доме.
И гончей, и ястребиной дичи,
После того как он научил его всему и тому же,
В море, в поле и в реке,
В лесу за диким оленем гоняться;

И в поле ездить на коне,
Чтобы все люди радовались его поступку".

Охота и охота.

Тайна рек и тайна лесов были важными составляющими рыцарского воспитания. Тайна леса - это охота; тайна реки - не рыбалка, а ястребиная охота, выражение, которое требует нескольких слов пояснения. В охоте преследование водоплавающих птиц было самым интересным занятием. Чосер говорит, что он мог

"на ястребиной охоте у реки,
С серым ястребом наготове".

Излюбленной птицей для преследования была цапля, чей полет не горизонтальный, как у полевых птиц, а перпендикулярный. Оказавшись объектом преследования, она поднимается на большую высоту, а ее враг, прилагая равные усилия, чтобы обогнать ее, в конце концов одерживает верх, налетает на цаплю с огромной силой и сбивает ее на землю. Таким образом, развлечение ястребиной охоты можно было наблюдать, не удаляясь от берега реки, где происходила охота; из-за этого его стали называть тайной рек[50].

Но я не буду далее пытаться описывать отдельными частями предметы рыцарского воспитания и восполнять наброски старых романов, ибо эти наброски, хотя и правильные, не дают полного представления, а военные упражнения и вовсе опущены. Нам лучше проследить, как кавалерист проходит все ступени своего обучения в замке своего господина.

Воспитание рыцаря обычно начиналось в возрасте семи-восьми лет[51], ибо ни один истинный поклонник рыцарства не желал, чтобы его дети проводили время в праздности и потворстве. На одном из баронских пиров одна дама, преисполненная материнской гордости, указала на своих отпрысков и спросила мужа, не благословляет ли он Небеса за то, что они подарили ему четырех таких прекрасных и многообещающих мальчиков. "Дама, - ответил лорд, посчитав ее замечание несвоевременным и глупым, - да помогут мне Бог и святой Мартин, ничто не вызывает у меня большей печали и стыда, чем видеть четырех великих лентяев, которые только и делают, что едят, пьют и тратят время на безделье и глупости". Поэтому, как и другие дети нежного происхождения, мальчики этого благородного герцога Герина Монглайвского, вопреки желанию матери, приступили к рыцарским упражнениям.[52] В некоторых местах существовали школы, назначенные дворянами страны, но чаще всего они находились в их собственных замках. У каждого феодала был свой двор, куда он привлекал сыновей и дочерей более бедных дворян своих владений; его замок также посещали дети людей равного с ним ранга, ибо (таковы были скромность и вежливость рыцарства) у каждого рыцаря обычно был брат по оружию, которого он считал более подходящим, чем себя, чтобы украсить своих детей благородными достижениями.

Обязанности пажа.

Личная служба.

Обязанности мальчика в течение первых семи лет его службы были в основном личными. Если иногда суровые принципы феодальной субординации побуждали к такой службе, то чаще она проистекала из дружеских отношений; и поскольку в последнем случае она была добровольной, ее выполнение не лишало чести. Достоинство послушания, принцип, сочетающий различные оттенки социальной жизни, который свое начало в патриархальных

нравах ранней Европы, теперь воспитывался в замках феодальной знати. Легкомысленный юноша сопровождал лорда и его даму в зале и следовал за ними во всех их военных и увеселительных мероприятиях; для кавалера считалось недостойным ранить пажа в бою. Он также получал начальные знания о таких несочетаемых предметах, как религия, любовь и война, которые так странно сочетаются в рыцарстве; в целом интеллектуальное и нравственное воспитание мальчика осуществлялось придворными дамами.

Любовь и религия.

Из уст дам нежный паж постигал и катехизис, и искусство любви, а поскольку религия того времени была полна символов и обращена к чувствам, то и другая черта его преданности не должна была питаться одним лишь абстрактным созерцанием. Ему предписывалось рассматривать одну из придворных дам как образ будущей хозяйки своего сердца; она была центром всех его надежд и желаний; ей он был послушен, предан и учтив.

Когда молодой Жан де Сентре был почетным пажом при дворе французского короля, дама де Беллз Кузин поинтересовалась у него именем хозяйки его сердечных привязанностей. Простодушный юноша ответил, что любит свою госпожу-мать, а рядом с ней ему дорога его сестра Жаклин. "Молодой человек, - возразила дама, - я не говорю о привязанности к вашей матери и сестре; но я хочу знать имя дамы, к которой вы привязаны *par amours*". Бедный мальчик еще больше растерялся, и ему оставалось только ответить, что он никого не любит *par amours*. Дама де Белле Кузин обвинила его в предательстве рыцарских законов и заявила, что его подлый дух проявляется в таком признании. "Откуда, - спрашивала она, - взялись доблесть и рыцарские подвиги Лаунселота, Гавейна, Тристрама, учтивого Гирона и других украшений Круглого стола; Понтуса и тех рыцарей и оруженосцев этой страны, которых я могла бы перечислить: откуда взялось величие многих из тех, кого я знал, чтобы прославиться, кроме как из благородного желания сохранить себя в милости и уважении дам; без этого возбуждающего дух чувства они должны были бы всегда оставаться в тени безвестности? А вы, трусливый камердинер, осмеливаетесь заявлять, что у вас нет ни одной государыни и вы не желаете ее иметь?"

Жан пережил долгую сцену преследования за признание в отсутствии рыцарских чувств, но благодаря заступничеству придворных дам он был возвращен к благосклонности. Тогда он назвал своей любовницей Мателину де Куси, ребенка всего десяти лет от роду. "Мателина, конечно, хорошенькая девочка, - ответила дама де Куси, - но какую выгоду, какую честь, какое утешение, какую помощь, какой совет для продвижения вас в рыцарской славе вы можете извлечь из такого выбора? Вы должны избрать даму благородных кровей, способную дать совет и помочь вам; и вы должны служить ей так искренне и любить ее так преданно, чтобы заставить ее признать ту благородную привязанность, которую вы к ней питаете. Ибо, будьте уверены, нет ни одной дамы, какой бы жестокой и надменной она ни была, но через долгую службу она будет вынуждена признать и вознаградить верную привязанность некоторой долей милости. Таким путем вы добьетесь похвалы достойного рыцарства, а до тех пор я и яблока не дам за вас и ваши достижения: но тот, кто преданно служит своей даме, не только будет благословлен на вершине человеческого счастья в этой жизни, но и никогда не впадет в те грехи, которые помешают его счастью в будущей. Гордость будет полностью изгнана из сердца того, кто старается смирением и учтивостью завоевать благосклонность дамы. Истинная вера влюбленного защитит его от других смертных грехов - гнева, зависти, лени и обжорства; а преданность любовнице сделает невозможным, чтобы его поведение когда-либо было запятнано пороком недержания"[53].

Боевые упражнения.

Военных упражнений у пажа было немного, и они были важны лишь постольку, поскольку были самыми ранними представлениями в его жизни и, следовательно, на них формировались привычки его характера. Его учили перепрыгивать через окопы, пускать и метать копья и дротики, поддерживать щит, а в походе подражать размеренному шагу солдата. Он сражался легкими шестами с кольями, поднятыми на время, как если бы они были его смертельными врагами, или встречался в столь же опасных схватках со своими юными товарищами по замку.^[54] В течение семи лет этих наставлений его называли камердинером, дамуазо или пажом. Первый титул был самым древним и носил рыцарский характер; второй имеет почти такой же авторитет^[55], но слово "паж" стало малоупотребительным лишь во времена Филиппа де Комина^[56] До этого времени оно чаще всего применялось к детям вульгарных людей.

Сквайр.

Его обязанности по личной службе.

Следующими титулами кандидата в рыцари были armiger, scutifer или escuyer: но хотя эти слова обозначали личное участие в военных действиях, его личная служба по дому продолжалась еще некоторое время. Утром он готовил трапезу, а затем предавался рыцарским упражнениям. За ужином он, как и пажи, накрывал на стол, а также подавал своему господину и гостям воду, которой они мыли руки до и после трапезы. Рыцарь и оруженосец никогда не сидели за одним столом, и даже родство отца и сына не могло нарушить этот принцип рыцарского подчинения. От Паулуса Варнефрида, историка лангобардов в Италии, мы узнаем, что среди этого народа сын короля не обедал вместе с отцом, если только он не был посвящен в рыцари иностранным государем.^[57] Так было и у народов, чье рыцарство отличалось более ярким блеском, чем у итальянских лангобардов. В Аррагоне ни один сын рыцаря не садился за стол рыцаря, пока не был принят в орден.^[58] Молодой английский оруженосец во времена Эдуарда III вырезал за столом перед своим кулаком; и снова в "Купеческой сказке" говорится

"Все, кроме оруженосца, что высок Дамиана,
Который много дней возил рыцаря".

Любопытная история оруженосца.

Примерно в то же время швеями и виночерпиями графа Фуа были его сыновья.^[59] Оруженосец часто был таким же прекрасным и энергичным человеком, как и его рыцарь. Однажды, когда Эдуард Черный Принц гостил в Бурдо, он принимал в своих покоях многих английских лордов. Сквайр принес в комнату вино, и принц, выпив, передал кубок сэру Джону Чандосу, выбрав его в качестве первого по чести, поскольку он был коннетаблем Аквитана. Рыцарь выпил, и по его приказу оруженосец отнес кубок графу Оксенфорду, тщеславному, слабому человеку, который, недостойный величия, вечно искал те жалкие пустяки, которые благородные рыцари не замечали и презирали. Почувствовав, что его достоинство оскорблено тем, что с ним обошлись не по чину, он отказался от кубка и насмешливым жестом попросил оруженосца отнести его своему господину, сэру Джону Чандосу. "Зачем?" - ответил юноша, - "он уже пил, так пейте и вы, раз он предложил вам. Если ты не будешь пить, клянусь Святым Георгием, я выплесну вино тебе в лицо". Граф, поняв по суровым и решительным манерам оруженосца, что это не пустая угроза, спокойно поднес кубок ко рту^[60].

После ужина оруженосцы готовили шахматные столы или устраивали в зале менестрели и танцы. Они участвовали во всех этих развлечениях, и здесь проявлялась разница между сквайром и простым домашним слугой. По строгости приличий платье сквайра должно было быть коричневым или любого из тех темных цветов, которые наши предки называли "печальными". Но веселый дух юности не желал соблюдать это правило.

"Он был наряжен, как медяк,
Alle ful of freshe floures, white and rede."

Его одежда никогда не была такой тонкой и богато украшенной, как у рыцаря. Сквайры часто застилали постели своих господ, и в завершение дня они подносили им *vin du coucher*.

"Les lis firent le Escuier,
Si coucha chacun son seignor".

Различные титулы оруженосцев.

Личная служба считалась настолько важной обязанностью оруженосца, что его титул всегда применялся к определенной ее части. У оруженосцев лорда были свои обязанности: один был оруженосцем палаты, или камергером, другой - оруженосцем резьбы. Каждая отрасль внутреннего устройства замка находилась в ведении претендента на рыцарство. Спенсер, открывший нам столько интересных взглядов на рыцарские нравы, замечательно изобразил домашнего оруженосца, выполняющего некоторые из своих обязанностей: - "Там честно их принимает нежный оруженосец.

"К ним входит нежный оруженосец,
мягкого нрава и редкой учтивости,
Чисто одетый в красивый печальный наряд;
В словах и делах он проявлял великую скромность,
И знал свое добро всем наперечет,
Высокое почтение. Он их речами встречает,
Не заискивает, не ухаживает,
Но прост, правдив и безупречно мил,
Как подобает оруженосцу столь великих особ приветствовать"[61].

Его обязанности в бою.

Самым почетным оруженосцем был тот, кто был приставлен к персоне своего господина; он назывался оруженосцем тела и был, по правде говоря, до поры до времени единственным военным юношей в своем сословии: каждый оруженосец, однако, становился в свою очередь по старшинству боевым оруженосцем. Он сопровождал своего господина на поле боя, неся его щит и доспехи, то время как паж обычно нес шлем.[62] Он держал стремя и помогал рыцарю вооружиться. В тылу у рыцарей всегда стояла шеренга оруженосцев; молодые кавалеры снабжали своих господ оружием, помогали им подняться, когда те были повержены, и принимали пленных.[63] Знамя баннерета и барона выставлял оруженосец. Рыцарский вымпел также развевался им, когда его предводитель был всего лишь рыцарем и вел за собой столько вооруженных людей и других вассалов, что, чтобы придать своему командованию достоинство и значимость, он переносил свой вымпел с собственного копья на копье своего сопровождающего. Мы охотно поверим историкам древности, что было очень приятно наблюдать, с какой гордостью и великодушным подражанием оруженосцы барона, баннерета и рыцаря демонстрировали различные знаки рыцарского достоинства своего господина.

Галантность.

Но к какому бы разряду обязанностей ни принадлежал кандидат в рыцари, он никогда не забывал, что он еще и оруженосец дамы. Во время службы камердинером его научили играть в любовь, а с годами природа стала его воспитательницей. Поскольку рыцари были обязаны по клятве защищать слабый пол, этот принцип во всей силе и духе ощущал тот, кто стремился к рыцарским почестям. Отсюда проистекали такие качества, как доброта, мягкость и вежливость. Менестрели в замке пели не только о войне, но и о любви, и у них (ведь у всех молодых людей не было, как у сэра Ипомидона, клерков в качестве наставников) оруженосец учился выражать свои страсти в стихах. Это была важная черта рыцарского воспитания, ибо среди любовных любезностей не забывали о подарках книг от рыцарей к дамам, и чаще, чем одобряла монашеская аскеза, случалось, что переплетенный в священную форму том содержал не ряд гимнов Деве Марии, а разнообразные аматорские излияния земной госпоже.^[64] Любовь смешивалась в сознании молодого оруженосца с образами войны, и поэтому он считал, что его любовницу, как и честь, можно завоевать только трудностями и опасностями; из этого чувства и проистекала романтика его страсти. Но пока никакие препятствия, кроме нерасположения девы, не стояли на его пути, он пел, танцевал, играл на музыкальных инструментах и занимался всеми искусствами, характерными для всех веков и народов, чтобы завоевать красавицу. У Чосера мы имеем восхитительное представление о манерах сквайра: - "Поет он иль флоуирует".

"Весь день он пел или плавал,
Он был свеж, как месяц май"^[65].
Он умел песни слагать и хорошо кончать,
И танцевать, и хорошо говорить, и писать;
И так он любил, что в ночное время
He slept no more than doth the nightingale (он спал не больше, чем соловей)".

Военные упражнения.

Военные упражнения смешивались с любовными тревогами. Он практиковал все способы, с помощью которых можно было придать телу силу и активность. Он научился терпеть голод и жажду, не обращать внимания на смену времен года и, подобно римским юношам в *Campus Martius*, покрываясь пылью, окунаясь в ручей, орошавший владения его господина. Он приучил себя владеть мечом, орудовать копьем, наносить удары топором и носить доспехи. Самым любимым упражнением было то, которое называлось "квинтайн", ибо оно было особенно рассчитано на то, чтобы тренировать глаз и руку в придании правильного направления копью. Полуфигура человека, вооруженного мечом и баклером, ставилась на столб и поворачивалась на шарнире, так что если нападающий ударял копьем не в середину груди, а по конечностям, то фигура поворачивалась и наносила ему нецельный удар, что очень веселило зрителей. В игру квинтайн иногда играли, подвешивая щит на посох, закрепленный в земле, и умелый оруженосец, скачущий в темпе, ударял по щиту так, чтобы оторвать его от связок^[66].

Наездничество.

Но из всех рыцарских упражнений ни одно не считалось столь важным, как владение лошадью.

"Умел он сесть на коня и красиво скакать".

хвалит Чосер своего молодого оруженосца. Всадничество считалось особой наукой людей нежной крови. О том, что Брагадокио не был обучен рыцарскому искусству, свидетельствует его плохая езда. Даже его доблестный скакун ржал и пенился, потому что не желал нести никакой непосильной ноши[67].

В сознании оруженосца религиозные понятия смешивались с оружейными, так как его меч благословлялся священником и вручался ему у алтаря. По мере взросления он оставлял младшим оруженосцам большую часть домашних обязанностей. Не теряя титула оруженосца, он стал также называться холостяком - слово, которым также обозначали молодого неженатого рыцаря. Он отправлялся в военные походы. Сквайр у Чосера, хотя ему всего двадцать лет, уже

"Когда-то был в шевауче,
Во Фландрии, в Артуа и в Пикардии".

Любовь была вдохновителем его рыцарства: ведь он

"Родил его хорошо, как в столь малом пространстве,
В надежде пребудет в милости у своей дамы"[68].

Важность оруженосцев в сражениях.

В частности, в битве при Бовине.

Ведь оруженосец, вместо того чтобы быть простым слугой рыцаря, часто сам погибал, защищая его. Когда рыцарь был порывист, выходя за рамки сдержанной рыцарской храбрости, поклонник его мощи следовал за ним так близко и так рискованно, что прикрывал его своим щитом.[69] Один доблестный рыцарь, Эрналтон из Сен-Коломба, был на грани того, чтобы быть посрамленным оруженосцем Гийоне из Салинжа; но когда оруженосец сэра Эрналтона увидел, что его господин почти не говорит, он подошел к нему, взял топор из его рук и сказал: "Эрналтон, иди своей дорогой и отдохни; Ты больше не можешь сражаться"; а затем с топором он подошел к враждебному оруженосцу, говорит Фруассар, и нанес ему такой удар по голове, что тот был поражен и едва не упал на землю. Оправившись, он нанес своему противнику удар, который был бы смертельным, но оруженосец проскользнул под ним и, обхватив Гийоне руками, стал бороться и наконец повалил его. Победитель воскликнул, что убьет своего поверженного противника, если тот не отдастся своему господину. Его спросили, как зовут хозяина: "Эрналтон из Сен-Коломба, - ответил оруженосец, - с которым ты сражался весь этот сезон". Гийоне, видя, что кинжал поднят, чтобы ударить его, уступил ему и отдал свое тело в плен в Лурде в течение пятнадцати дней после этого, спасаясь или не спасаясь.[70] Оруженосцы были втянуты в рыцарскую схватку в знаменитом сражении при Бовине, 27 июля 1214 года. Силы Филиппа Августа значительно уступали по численности объединенным немцам и фламандцам; чтобы не дать им окружить себя, он удлинил свою линию, поставив оруженосцев в двух концах от рыцарей. Рыцарство императора Оттона, облаченное в почтовую форму, было возмущено тем, что такие воины осмелились выступить против них; но молодых воинов не смущали надменные взгляды и презрительные речи, и их активная смелость в основном способствовала одержанию победы, самой значительной из всех, которые когда-либо одерживала Франция[71].

Подготовка к рыцарству.

До двадцати одного года оруженосца редко допускали к полному рыцарскому достоинству. Оруженосцу Чосера было двадцать, и он совершал ратные подвиги. Святой Людовик особо

предписал, чтобы рыцарская честь не возлагалась ни на одного человека моложе двадцати одного года. По мере того как приближалось время завершения и увенчания его характера, религиозные обязанности становились все более строгими. Рыцарство было максимально приближено к духовному сословию, и молитва, исповедь и пост были обязательны для кандидата на оба звания. У оруженосца были спонсоры, к нему прикладывали эмблемы духовного возрождения, и церемонии вступления в должность начинались с того, что его считали новым человеком. Он отправился в ванну, а затем был уложен в постель. Они символизировали чистоту души, а ложе - покой, которым он впоследствии будет наслаждаться в раю. В средние века люди обычно ложились обнаженными[72], и только после сна на неопита надевали рубашку. Это белое платье считалось символом чистоты его нового характера. Красное одеяние накрывалось на него в знак готовности пролить свою кровь за дело Небес. Бдение с оружием в руках было необходимым предварительным условием для получения рыцарского звания. Ночь перед инаугурацией он провел в церкви, вооруженный с ног до головы[73], и занимался молитвой и религиозными размышлениями. Одним из последних актов подготовки было бритье головы, чтобы ее внешний вид напоминал церковную тонзуру. Расставание с волосами всегда рассматривалось в церкви как символ рабства Богу[74].

Инаугурация.

Церемония инаугурации обычно проводилась в церкви или зале замка по случаю какого-либо большого религиозного или гражданского праздника. Кандидат подходил к алтарю и, вынув меч из шарфа, к которому он был прикреплен, вручал его священнику, который клал его на алтарь, молясь, чтобы Небо благословило его и чтобы он служил защитой церкви, вдов и сирот, а также всех слуг Божьих от тирании язычников и других обманщиков, в глазах которых, как он милостиво надеялся, он будет выглядеть орудием устрашения. Молодой солдат принес рыцарскую клятву; он торжественно поклялся защищать церковь, нападать на нечестивцев, уважать священство, защищать женщин и бедняков, сохранять страну в спокойствии и проливать свою кровь, до последней капли, за своих братьев. Затем священник вновь вручил ему меч, заверив, что, поскольку он получил Божье благословение, тот, кто им владеет, одержит победу над всеми врагами и противниками церкви. Затем он увещевал его опоясать свой меч на крепкое бедро, чтобы с его помощью использовать силу справедливости для разрушения надежд профанов, сражаться за Божью Церковь и защищать Его верный народ, а также отражать и уничтожать сонмы нечестивцев, будь то еретики или язычники. Наконец, рыцарского воина увещевали защищать вдов и сирот, восстанавливать и оберегать покинутых, мстить обиженным, утверждать добродетельных; и заверяли, что, выполняя эти высокие обязанности, он достигнет небесных радостей[75].

После этого молодой воин подходил к верховному лорду в собрании и преклонял перед ним колени со сцепленными руками - поза, скопированная с феодальных нравов, и единственное обстоятельство феодальности во всей церемонии. Затем лорд спросил его, есть ли у его клятвы какие-либо цели, отличные от желания поддерживать религию и рыцарство. Солдат ответил отрицательно, и церемония была продолжена. На него были наложены все внешние знаки рыцарского достоинства. Рыцари и придворные дамы присутствовали при этом и передавали ему различные части его упряжи. Доспехи менялись в зависимости от военных обычаев разных эпох и стран, но некоторые моменты были неизменными. Шпоры всегда надевались первыми, а меч пристегивался последним. Завершающим знаком посвящения или принятия в рыцарский орден был легкий удар[77], наносимый лордом кавалеру и называемый акколадой, по той части тела, по шее, куда он наносился. Затем лорд провозгласил его рыцарем во имя Бога и святых, и присутствовавшие кавалеры обняли

своего новоиспеченного брата. Священник увещевал его идти как мужчина и соблюдать небесные таинства. Под впечатлением от торжественности происходящего все остальные рыцари в нескольких кратких и энергичных фразах повторили свои рыцарские клятвы; и пока в зале сверкали выхваченные мечи, Божий человек снова взял слово, благословляя новоиспеченных и тех, кто уже давно участвует в священной войне, и молясь, чтобы все воинства врагов небесных были уничтожены христианским рыцарством. Затем собрание разошлось. Новый рыцарь, выйдя из зала, вскочил на своего коня и продемонстрировал свое мастерство в обращении с копьем, чтобы восхищенные люди знали, что для их защиты был избран кавалерист. Он раздал щедрые подарки слугам и менестрелям замка, ибо тот, кто получал столь великий дар, как рыцарский орден, не почитал свой орден, если давал не по своему умению. Остаток дня прошел в поздравлениях и празднествах[78].

Многие из самых добродетельных сердечных привязанностей вились вокруг этого важного обстоятельства в жизни человека, его принятия в рыцарство. Он всегда с сыновней почтительностью относился к кавалеру, вручившему ему орден. Он никогда не брал его в плен, если они оказывались по разные стороны, и терял все права на рыцарские почести, если опускал на него свое копье.

Сквайры стремятся к тому, чтобы их посвятили в рыцари великие личности.

Благородный претендент на рыцарство мог получить похвалу только от воина, чья слава вызывала у него подражание, а иногда чувства феодальной привязанности брали верх над более высоким и суровым чувством рыцарства. В ожидании битвы граф Бекингем вызвал к себе нежного оруженосца из Савойи и сказал: "Сэр, если Богу будет угодно, я думаю, что сегодня у нас будет битва; поэтому я желаю, чтобы вы стали рыцарем". Оруженосец оправдывался: "Сэр, благодарю вас за благородство, в которое вы меня посвящаете; но, сэр, я никогда не стану рыцарем, пока меня не произведут в рыцари руки моего природного господина, графа Савойского"[79].

Очень необычная дань храбрости была отдана во время знаменитой битвы при Гомильдон-Хилле. Когда стрелы английских йоменов пронзали противоположную линию насквозь, сэр Джон Свинтон увещевал шотландцев не стоять, как олени, в которых стреляют, а проявить древнее мужество и встретить врага врукопашную. Его пожелание, однако, было поддержано только одним человеком, Адамом Гордоном, и между их семьями существовала смертельная вражда. Великодушно забыв о ненависти, которую каждый из домов питал к другому, Гордон преклонил колени перед Свинтоном и попросил посвятить его в рыцари от столь храброго человека. Похвала была дарована, и два друга, как соратники по оружию, галантно бросились на англичан. Если бы родственный дух одушевлял всю шотландскую линию, судьба дня могла бы измениться; но двух благородных рыцарей поддерживало лишь около ста человек вооруженных людей, преданных всем их предприятиям; и все они погибли[80].

Рыцари, созданные на поле боя.

Неудобство этого.

Описанные церемонии посвящения в рыцари проводились по большим и публичным торжественным случаям, но часто они уступали место силе ранга и обстоятельств. Принцы освобождались от трудоемкой службы пажей и оруженосцев. Мужчин часто принимали в рыцарство накануне битвы, так как считалось, что ощущение новых почестей вдохновит их на галантность. Однажды во время войны нашего Черного принца в Испании более трехсот солдат подняли свои вымпелы; многие из них были оруженосцами, но в одном случае

отличие было совершенно комплиментарным, так как Петр Жестокий, который не мог похвастаться ни рыцарскими качествами, ни рыцарскими заслугами, был прозван. В Средние века почти не было сражений, которым бы не предшествовало или за которыми не последовало бы значительное продвижение людей к рыцарской чести. Иногда, правда, это были регулярно получавшие образование оруженосцы, но чаще принималась во внимание лишь случайность момента, и в рыцари посвящались воины, отличавшиеся лишь храбростью и не отмеченные нежными рыцарскими добродетелями. Мы часто читаем о том, как некоторые оруженосцы становились кавалерами и поднимали свои копейки, но очень часто копейки не поднимались, то есть посвященные в рыцари не могли собрать вокруг своих копий ни одного оруженосца; таким образом, мир был переполнен бедными рыцарями, некоторые из которых привели рыцарство к позору своими грабежами и насилием; другие бродили по миру в поисках приключений и давали свои мечи более богатым собратьям. В романе Партенопекса из Блуа изображен рыцарь этого последнего класса.

"Так ехали они, настигая странного рыцаря,
Хорошо оседланного и с крупными конечностями, сэра Годвина высокого,
Он ни замком, ни землей не владел,
Без крова он пожинал жатву меча;
И теперь, не больше к славе, чем к выгоде,
С радостным сердцем поехал на турнир;
Ибо трусость он считал смертным грехом,
И был уверен, что ум его и осанка сродни,
Лицо - показатель души внутри;
Казалось, что он, с такой пышностью, как его поезд,
Он клинком своим формировал удачу;
Его рыцари были в очках, в нарядных ливреях,
С роскошными клячами и палатками для ночного укрытия".

Рыцари рудников.

Кавалеры иногда получали свой титул от места, где их посвящали в рыцари: очень почетным было звание рыцаря шахт, которое можно было получить, совершив подвиги в подземном процессе осады. Шахты были ареной рыцарской доблести; они освещались факелами, звучали трубы и другие военные инструменты, и общий ход осады приостанавливался, пока рыцари испытывали свое мастерство; необычность способа ведения боя придавала изюминку схваткам. Пленных брать было нельзя, так как доска высотой в грудь, установленная в проходе по взаимному согласию, разделяла воинов. Единственным оружием были мечи или короткие боевые топоры.

В 1388 году замок Вертуэйль в Пуату, которым тогда владели англичане, был осажден герцогом Бурбонским. Его стены, возведенные на возвышенной скале, не поддавались тарану, поэтому пришлось прибегнуть к утомительной операции в шахте: обе стороны часто встречались и сражались в вырытых камерах, а однажды состоялась битва на мечах между Регно де Монферраном, оруженосцем замка, и герцогом Бурбонским, причем каждый не знал имени и качества другого. В конце концов раздался крик "Бурбон, Бурбон! Богоматерь!", выкрикиваемые сопровождающими герцога в предвкушении схватки, донеслись до слуха оруженосца и задержали его руку. Он отошел на несколько шагов и поинтересовался, присутствует ли герцог; когда его уверили в этом, он попросил принять рыцарскую честь в шахте из рук герцога, предложив передать ему замок в обмен на это отличие, а также из уважения к чести и доблести, которые он в нем нашел. Никогда еще замок, гордившийся

своей силой и мощью, не доставался более легким путем. Ключи были переданы герцогу Бурбонскому Регно де Монферраном, а взамен оруженосцу были дарованы рыцарские почести с хорошим конем и большим золотым поясом[81].

Общие церемонии деградации.

Таковы были различные церемонии рыцарского вступления в должность. Следует обратить внимание на те из них, которые были связаны с деградацией. Каковы были проступки, за которые полагалось разжалование, указать невозможно. Если рыцарь нарушал правила рыцарского ордена, его унижали, поскольку он был презираем своими братьями-рыцарями; а поскольку честь была жизненной силой рыцарства, оно боялось презрения больше, чем меча. Однако бывали случаи, когда рыцаря формально лишали его отличий. Церемония разжалования обычно происходила после вынесения приговора и до исполнения вынесенного ему судебного решения.[82] Иногда над его головой ломали меч и отрубали шпоры; а чтобы горечь оскорбления стала частью наказания, эти действия совершал человек низкого положения; но в других случаях формы разжалования были весьма изощренными. Рыцаря, который должен был подвергнуться унижению, в первую очередь вооружали его братья-рыцари с головы до ног, как будто он собирался на поле боя; затем вели его на высокий помост, возвышавшийся в церкви, где собирались король и его двор, духовенство и народ; тридцать священников пели псалмы, которые использовались при погребении; в конце каждого псалма с него снимали часть доспехов. Сначала снимали шлем - защиту от неверных глаз, затем кирасу с правой стороны, как защитника развращенного сердца, затем кирасу с левой стороны, как с члена согласного, и так с остальными; и когда какой-нибудь предмет доспехов бросали на землю, король оружия и герольды кричали: "Вот упряжь неверного и злонамеренного рыцаря!" Затем на сцену выносили золотой или серебряный таз, наполненный теплой водой, и герольд, держа его в руках, требовал назвать имя рыцаря. Преследуемые отвечали, что на самом деле это его имя. Тогда главный оружейный король сказал: "Это неправда, ибо он злодей и лжепредатель, преступивший рыцарские таинства". Капелланы ответили: "Давайте дадим ему его правильное имя". Трубы прозвучали несколько нот, призванных выразить требование: "Что с ним делать?" Король или его главный начальник, присутствовавший при этом, ответил: "Пусть он с бесчестьем и позором будет изгнан из моего королевства как мерзкий и позорный человек, оскорбивший честь рыцарства". Глашатаи тут же плеснули теплой воды на лицо опозоренного рыцаря, словно новокрещенного, со словами: "Отныне ты будешь называться своим правильным именем - Предатель". Затем король с двенадцатью другими рыцарями надевал на них траурные одежды, объявляя скорбь, и сбрасывал униженного рыцаря со сцены: под бурные возгласы народа его везли к алтарю, где клали в гроб, и над ним торжественно читали церковную панихиду[83].

Церемонии в Англии.

Английские обычаи, касающиеся деградации, подробно изложены Стоу на примере английского рыцаря, сэра Эндрю Харкли, графа Карлайла, который (во времена Эдуарда II) был лишен рыцарского звания, прежде чем понести наказание по закону за изменническую переписку с Робертом Брюсом. "Его привели к адвокату как графа, достойно одетого, с мечом на поясе, верхом, в сапогах и шпорах, и сэр Энтони Люси (его судья) обратился к нему следующим образом: "Сэр Эндрю, - сказал он, - король за твою доблестную службу оказал тебе великую честь и сделал тебя графом Карлайла, но с тех пор ты, как предатель своего господина, короля, увел его людей, которые должны были помочь ему в битве при Хейгленде, графство Копланд и через графство Ланкастер, благодаря чему наш господин король был отбит там у шотландцев, через твою измену и лживость; тогда как, если бы ты пришел

вовремя, он бы одержал победу, а эту измену ты совершил за большую сумму золота и серебра, которую ты получил от Джеймса Дугласа, шотландца, врага короля. Поэтому наш господин король желает, чтобы рыцарский орден, по которому ты получил все почести и поклонения на свое тело, был сведен к нулю, а твое состояние разрушено, чтобы другие рыцари низшей степени после тебя остерегались и брали пример истинного служения". Затем он велел выбить шпоры из пяток, потом сломать над головой меч, который король дал ему, чтобы он хранил и защищал им свою землю, когда сделал его графом. После этого он позволил снять с него меховую накидку и капюшон, герб и пояс; и когда это было сделано, сэр Энтони сказал ему: "Эндрю, - сказал он, - теперь ты не рыцарь, а плут; и за твою измену король желает, чтобы ты был повешен и притянут, и голова твоя отрублена от тела твоего, и сожжена перед тобой, и тело твое четвертовано, и голова твоя отрублена, после чего будет установлена на Лондонском мосту, и четыре четверти твои будут посланы в четыре хороших города Англии, чтобы все другие остерегались тебя"; и как сказал сэр Энтони Люси, так и было сделано во всем, в последний день октября."[\[84\]](#)

ГЛАВА. III.

СНАРЯЖЕНИЕ.

Красота рыцарского снаряжения ... Копье ... Пеннон ... Топор, мауле и мартель ... Меч... Любовь рыцаря к нему ... Мечи в романах ... Щит ... Различные виды почты ... Почта ... Почта и пластины ... Пластинчатая упряжь ... Шарф ... Сюртуки ... Гербовые знаки ... Плащи военных орденов ... Кинжал милосердия ... История его использования ... Ценность исследований древних доспехов ... Точное знание недостижимо... Его общие особенности интересны ... Широкие линии предмета ... Превосходство итальянских доспехов ... Доспехи сквайров и т. д. ... Аллегии, сделанные на доспехах ... Конь рыцаря.

Свиrepая военная экипировка заслуживает более полного рассмотрения, чем было уделено ей в предыдущей главе. Конь, на котором рыцарь мчался в опасную схватку, должен быть описан, оружие, с помощью которого он утверждал честь своей славы и благородство красоты своей госпожи, заслуживает чего-то большего, чем общее упоминание. Никогда военный костюм не был столь великолепен и изящен, как в те времена, которые принято называть "днями щита и копья". Что может представить современная война в сравнении с яркой и сверкающей сценой, когда добрая компания нежных рыцарей вышагивает по равнине с развевающимися плюмажами, украшенными щитами, шелковыми вымпелами, развевающимися на ветру, и шарфом, этим прекрасным знаком любви дамы, пересекающим крепкий и полированный стальной кирасу.

Копье.

Копье было главным оружием рыцаря: его древко обычно изготавливалось из ясеня.

Вымпел.

Его длина зависела от силы и ловкости того, кто его носил, а железная и заостренная головка - от его вкуса.[85] К навершию деревянной части копья обычно крепился прапор, или кусок шелка, льна или ткани. На этом знаке изображался крест, если целью экспедиции воина была Святая земля, или же он содержал какую-либо часть его геральдики; в последнем случае, когда копье закреплялось в земле у входа в палатку владельца, он служил для обозначения его носителя. Первоначально этот прапор назывался гонфанон - сочетание двух тевтонских слов, означающих войну и штандарт. Впоследствии, когда прапор стали делать из богатых тканей и шелков, его стали называть вымпелом, от латинского слова *rapnus*. [86] Вымпел нельзя описать по его точной ширине, так как это качество менялось в зависимости от прихоти рыцарей, и он имел иногда одну, а чаще две выемки на конце.

Когда вымпел обрезами по случаю превращения простого рыцаря в рыцаря-баннерета, он стал называться знаменем, древнегерманским словом, обозначающим штандарт вождя или князя[87].

Топор.

Мауль и мартель.

Заколоть врага копьем - обычное стремление рыцаря; но некоторые кавалеры, отличавшиеся особым упорством, предпочитали вступать в ближний бой, где копье не могло быть использовано. Боевой топор, которым они часто орудовали, не нуждается в особом описании. Но самым любимым оружием были громоздкие стальные или железные молоты, несущие смерть либо тяжестью своего падения, либо остротой острия. Их называли *martel* и *maule* - слова, безразлично применявшиеся в старые времена; ведь писатели рыцарских времен мало заботились о предельной точности дикции, не предвидя ожесточенных споров, которые вызовет их недостаточная точность в описании. Именно этим оружием пользовались церковники, когда застегивали сбрую поверх рокота и капюшона, и святой пыл побуждал их выйти в поле; ведь каноны церкви запрещали им владеть мечом, а они всегда подчинялись букве закона. Некоторые кавалеры, в дополнение к другому оружию, носили с собой молоток, или мауле, подвешивая его к луке седла, пока не наступал счастливый момент для "вскрытия черепов". Когда она использовалась сама по себе, такое описание наступательных успехов было скорее готическим, чем рыцарским; однако грубость прежних эпох имела своих поклонников во все рыцарские времена, и пораженная любовь к простоте не свойственна сегодняшнему дню. Копье не могло выполнить и половины кровавых целей Ричарда Кёр де Льва, и именно с боевым топором[88], так же часто, как и с мечом, он врезался в ряды сарацинов. Бертран дю Гесклен питал пристрастие к мартелю, и до 1481 года боевой топор использовался.

Среди приближенных герцога Бургундского был рыцарь по имени сэра Джон Вилен. Это был дворянин из Фландрии, очень высокий и крепкого телосложения: он сидел на хорошем коне и держал в обеих руках по боевому топору. Он пробился в самую гущу сражения и, набросив уздечку на шею своего коня, наносил со всех сторон такие мощные удары своим боевым топором, что тот, кого он поражал, мгновенно лишался лошади и получал раны, не подлежащие восстановлению". [89] В целом, однако, вежливые и учтивые рыцари считали, что использовать оружие, которое ассоциируется с идеями торговли, некрасиво; и писатели-романтики, отражающие стиль мышления своего времени, обычно отдают копье рыцарю, а топор или молот - какому-нибудь грубому и свирепому великану[90].

Меч.

Пристрастие рыцаря к нему.

Обычным оружием для прессинга и поединков был меч, и с ним связано множество интересных ассоциаций. Рыцарь окружал его всеми своими привязанностями. Этому оружию он особенно доверял. Это был его *добрый* меч, и с еще большей уверенностью и добротой он называл его своим *собственным добрым* мечом. Он давал ему имя и выгравировывал на нем какое-нибудь нравоучительное предложение или слово, относящееся к какому-нибудь важному событию его жизни. Не то чтобы эти фразы ограничивались только мечом; иногда их гравировали на передней части шлема или даже на шпорах[91], но эфес или лезвие меча были их обычным и надлежащим местом. Меч, а не копье, был тем оружием, которое олицетворяло рыцарство семьи и передавалось по наследству как рыцарского рода. Когда никто не наследовал своего имени, среди его друзей возникало такое же щедрое соперничество за обладание его хорошим мечом, как во времена Греции поэзия приписывает воинам, желавшим получить доспехи Ахилла.[92] Меч был оружием, которое соединяло религиозную и военную части рыцарского характера. Рыцарь клялся своим мечом, ведь его крестообразная рукоять олицетворяла крест Спасителя.

Давид в своих далях называл рыцарей,
И поклялся на мече своем служить правде вечно.
P. Ploughman.

На рукояти иногда гравировали слово "Иисус", чтобы напомнить владельцу о его религиозных обязанностях. Меч был его единственным распятием, когда месса произносилась в ужасной паузе между формированием воинского строя и укладыванием копий в упоры. Кроме того, он служил ему утешением в момент смерти. Когда доблестный рыцарь Испании дон Родриго Фрохас лежал на своем щите, подложив под него шлем, он поцеловал крест своего меча в память о том, что на нем умер за него воплотившийся Сын Божий, и в этом акте преданности отдал свою душу в руки Создателя[93].

Рукоятка меча была примечательна и по другому поводу. Рыцарь, чтобы не лишиться преимущества иметь при себе печать, вырезал ее в головке меча, и таким образом, прикладывая свою печать к любому сургучу, прикрепленному к юридическому документу, он демонстрировал свою решимость соблюдать обязательства тройным изображением своей печати, поднятого обнаженного меча и креста[94].

Рыцарский меч ценился так высоко, что имя его изготовителя считалось достойным упоминания. Так, когда Джеффери Плантагенет получил рыцарское звание, из королевской сокровищницы был принесен меч работы Галана, лучшего из всех кузнецов мечей.[95] Испания всегда славилась темпераментом и блеском своих мечей. Марциал в нескольких местах рассказывает об испанских мечах, которые, раскаленные в кузнице, окунались в реку Сало близ Бильбилиса в Кельтиберии. В рыцарские времена оружейники Сарагоссы были столь же знамениты, как и оружейники Толедо в более поздние времена, ведь не только меч из Толедо стал пословицей, обозначающей совершенство этого искусства. Иногда оружейники имели заведения в обоих городах. Однако о совершенстве мечей Хулиана дель Рея, который жил и в Сарагосе, и в Толедо, говорит смотритель львов в "Дон Кихоте". Оружие этого художника имело свои особые приметы. El perillo - маленькая собачка, el morillo - голова мавра, la loba - волк[96].

Но может показаться, что я выхожу за рамки своей темы. Вернемся к более ранним временам. Пояс вокруг талии, или баулдрик, спускающийся с плеча через все тело, был только из простой дубленой кожи, а иногда его великолепие соперничало с великолепием принца Артура из "Королевы фей".

На груди у него храбрый баулдрик.

Который сверкает, как мерцающие звезды, с драгоценными редкими камнями;

И посреди них один драгоценный камень

Чудесной ценности и дивной силы,

Как голова дамы, сиял,

Как Геспер среди малых светил,

И стремился поразить слабые взгляды:

Вот и смертный клинок его, как положено, висел

В ножнах из слоновой кости, украшенных диковинными узорами,

Чей эфес был золотой, рукоять крепкая.

Из материнского перла, и скреплена золотым щипцом.

Кн. 1. с. 7. ст. 29, 30.

Мечи в романах.

Многие из только что приведенных исторических обстоятельств, касающихся рыцарского меча, приятно преувеличены в красивых экстравагантных романтических сказках. Самым знаменитым мечом в воображении наших предков был меч короля Артура; он назывался Эскалиберт (искаженное название Калибурн). В романе Мерлина это название объясняется так. Escalibert est un nom Ebricu qui vault autant à dire en Français, comme tres cher fer et acier, et aussi dissoient il vrai. История этого меча в значительной степени вошла в романы об Артуре и рыцарях Круглого стола, и эта тема была горячо любима теми, кто подробно описывал подвиги других героев. О славе Калибурна вспомнили, когда Ричард Первый отправился на Восток. В романах утверждается, что он носил страшный и надежный меч Артура. Но, вместо того чтобы косить им ряды сарацинов, он подарил его Танкреду, королю Сицилии.

А Ричард в это время подарил ему прекрасный дуэль.

Добрый меч Калибурн, которым так хорошо владел Артур"[97].

Романтики следовали практике северных скальдов[98], давая имена рыцарским мечам: меч сэра Бевиса из Хэмптона назывался Morglay, а меч самого императора Карла Великого Fusberta joyosa[99]. Поэты также были столь же верными описателями нравов, как и их предшественники-романтики, и поэтому у Ариосто мы находим, что меч учтивого Роджеро назывался Balisarda, а меч Орландо - Durindana.

В романе "Сэр Отуэл" обращение того же Орландо к своему мечу выдержано в рыцарском духе.

Тогда он издал стон

И быстро взглянул на него,

когда он держал его в руке.

"О меч великой силы!

Лучше б не было рыцаря,

Чтоб победить без ланды!

Ты поспешил во многих битвах,

Чтоб никогда Сарразин, без фейла
Не сможет отбить твой удар.
Иди! Пусть ни один плательщик
В бой его не понесет,
После смерти Роланда!
О меч великой силы!
В этом мире нет равных тебе,
Ни из какого металла он не сделан;
Вся Испания и Галиция,
По милости Божьей и тебя,
К христианству привели.
Ты добр без вины;
В тебе начертано святое имя
Что все вещи сделаны из нуля"[100].

Что касается надписей на мечах, упомянутых в заключительных строках, то в романе о Гироне учтивом есть очень интересный отрывок. Однажды, когда целомудренная добродетель этого нежного рыцаря и благородного спутника Артура оказалась в опасности, его копье, которым он упирался в дерево, упало на меч и столкнуло его в фонтан. Гирон тут же оставил даму, с которой беседовал, и побежал к воде. Он выхватил оружие из фонтана и, отбросив ножны, принялся протирать клинок. И тут глаза его загорелись на словах, написанных на мече, а слова эти были таковы: "Loyaulte passe tout, et faulsete si honneit tout, et deceit tous hommes dedans quals elle se herberge". Эта фраза подействовала с талисманной силой на сердце благородного рыцаря Гирона учтивого, и так его добродетель была спасена.

Щит.

Впечатляет.

Оставив те картины нравов, которые нарисовали старые романы, я перехожу к защитному снаряжению рыцаря, предмету, который имеет много претензий на внимание. Щит был в одинаковом почете как в рыцарские, так и в классические времена; ибо

"Потерять щит, который должен демонстрировать его деяния".

считалось величайшим позором и презрением, которое могло случиться с рыцарем. Форма щита была продолговатой или треугольной, широкой в верхней части для защиты тела и сужающейся к низу.[101] Другие формы придавались ему в соответствии с фантазией рыцаря, и он был простым или украшенным гербами и другими украшениями из золота и серебра, в зависимости от его состояния и простоты или сравнительной утонченности его эпохи. Некоторые рыцари, столь же нежные, сколь и храбрые, украшали свои щиты портретом своей возлюбленной[102] или наносили на них причудливые оттиски, символизирующие их страсть. Рыцари из более прочного материала сохраняли свои геральдические знаки отличия, а их девизы дышали войной и убийством; но галантные кавалеры демонстрировали нежность своего ума, и их начертанные фразы были иногда просты по смыслу, но чаще темны для всех, кроме самого рыцаря и девицы, чье игривое остроумие их придумало. Мы можем легко представить, что эти амурные приспособления и знаки отличия не так часто использовались на поле боя, как на турнире, и что иногда их носили вместе с джентилити.

Различные виды почты.

Обмундирование тела - очень любопытный предмет для исследования. Простота древних времен, когда использовались шкуры зверей, отмечена в слове *loricum*, от слова *lorum* - ремень, а слово *cuirasse* восходит к *cuir* - кожа. Снаряжение для тела имеет три общих подразделения: почта; пластина и почта, смешанные; полностью пластинчатая почта. Первой защитой служили ряды железных колец, нашитых на платье, а затем, для дополнительной защиты, поверх первых накладывался ряд более крупных колец. Эти кольца уступали место небольшим железным пластинам, которые накладывались друг на друга, и эта разновидность почты интересна, так как доспехи теперь напоминали *lorica squammata* римлян, и поэтому древняя почта такого описания обычно называлась чешуйчатой, в то время как обычный вид доспехов, похожих на ячейки сети, получил название почты от *tasula* латинян и *taglia* итальянцев. Иногда пластины были квадратными, а иногда ромбовидной формы: но было бы слишком любопытно делить доспехи на столько видов, сколько форм и очертаний было у небольшого куска железа или стали[103].

Все это разнообразие почтовой упряжи надевалось на нижнюю одежду из кожи или ткани, или на более значительный ватник из различных материалов, который назывался гамбезоном. Если одежда была простой туникой или рясой, то все это называлось хауберком. Нижние части защищались *шоссами*, которые в современном понимании можно объяснить словами "бриджи" или "панталоны". Когда набедренная повязка и *повязка* соединялись, это соединение называлось *haubergeon*. В каждом случае спину и макушку головы защищал почтовый капюшон, который иногда составлял часть хауберка или хаубергеона, а иногда был отделен. В Испании капюшон и другие части одежды были едины, если случай с Сидом может служить доказательством общего состояния нравов; ведь после сражений он всегда изображается медленно уходящим с поля боя с откинутым назад капюшоном. Погоны закрывали также подбородок, а иногда и рот; в последнем случае функция дыхания полностью переходила к носу. Наконец, рукава куртки были перекинuty через пальцы, а продолжение *шоссов* защищало пальцы ног.

"Встречается прекрасный рыцарь, весь в сбруе.
Чтоб с головы его не было видно ног".

Любопытно, что мода на доспехи начиналась с пальцев ног. У рыцарей было принято, чтобы носок доспеха был на несколько дюймов длиннее и наклонен вниз. Сражаться в пешем строю с такими неудобствами было невозможно, и поэтому враги крестоносцев (ведь пижонство преобладало даже в религиозных войнах) стреляли скорее в лошадей, чем в людей. Мода, о которой я говорю, пересекла Пиренеи, поскольку на картине, изображающей турнир в Гренаде между мавританскими и христианскими рыцарями, первые нарисованы в широких башмаках-лопатах своей страны, а вторые - в длинных остроконечных башмаках, как у кавалеров Севера.

Таковы были различные описания почтовых доспехов с самых ранних эпох рыцарства до XIII века. Их носили в разное время в разных странах, а часто и в одной стране в одно и то же время разные люди: но в конце концов цепная почта была настолько усовершенствована, что военная мода больше не могла претендовать на разнообразие. Различные описания почтовых доспехов свидетельствуют о мастерстве кузнецов по железу среди наших предков и о том, что они были способны изобрести следующее и последнее великое изменение. Но поскольку они были сделаны в то время, когда азиатский способ ведения войны был известен в Европе, и поскольку усовершенствование, о котором я собираюсь упомянуть, было общим для сарацинских солдат, столь же вероятно, что оно было заимствовано, как и

изобретено. Почтовые кольца теперь уже не пришивались к платью, а переплетались между собой, причем в каждое кольцо вставлялось четыре других, и, следовательно, кольца сами по себе образовывали одежду. Лучшие почтовые плащи были сделаны из двойных колец. 104] Восхитительное удобство этой витой или сетчатой почты обеспечило ей всеобщее признание. Рыцарь больше не был обременен своими доспехами в путешествиях. Его оруженосец мог нести почту, так как она была гибкой и компактной, или же ее можно было накинуть на заднюю часть седла.

Почта и пластина.

Пластинчатая упряжь.

Однако прежде чем произошло это последнее великое усовершенствование почтовой брони, в общее описание упряжи были внесены изменения, предвещавшие ее окончательное падение, хотя она и могла частично и на время поддерживаться каким-либо изобретением, имеющим определенные достоинства. Пластины из прочной стали или железа крепились на груди или других частях тела, где болезненный опыт убеждал владельца в недостаточности его металлических колец. Новая мода на сетчатую почту ничего не добавляла к прочности защиты, поэтому изобретательность и благоразумие постоянно работали над тем, чтобы сделать оборонительные доспехи равными наступательным. Постоянно добавлялись новые пластины, и многие из них получили свои названия от частей тела, которые они должны были защищать: пектораль защищала грудь, кюисы - бедра, брассарты - руки, айлетты - плечи, в то время как горжет защищал горло, а чешуйчатая перчатка закрывала руку. Кираса защищала грудь и спину. Эта смешанная экипировка набирала обороты, пока рыцарь не стал носить почти двойное покрытие из доспехов и пластин. Тогда пластины сочли идеальной защитой, и постепенно отбросили почту, и, наконец, воин оказался полностью облачен в стальные пластины. Такая упряжь сильно сдавливала конечности, и поэтому в старинных писаниях так часто упоминается, что, приехав в общежитие или на постоянный двор, рыцарь не только снимал доспехи, но и шел в баню. Неудивительно, что необходимо было постоянно менять одежду, чтобы представлять ее прибывающим кавалерам. Пластинчатые доспехи, должно быть, были столь же разрушительны для одежды, как и старая цепная почта, и, описывая своего рыцаря, Чосер говорит

"Из фустиана он сплел жипон.
Алле намочил свой хабергон.
Ибо он поздно пришел из своего странствия,
And wente for to don his pilgrimage".

В одном отношении пластинчатая упряжь была гораздо более неудобной, чем доспехи, которые она заменяла. Цепной плащ можно было надеть или снять с мгновенной быстротой, но одевание пластинчатого рыцаря не было простым делом.

"Из палаток
Оруженосцы, завершая рыцарей,
С деловитыми молотками, закрывающими заклепки,
Дают грозный сигнал о подготовке".

Помимо такого лишения отдыха перед битвой, рыцарь, чтобы избежать неожиданности, был вынужден почти постоянно носить свою тяжелую сбрую.

Любопытно отметить, что цепная почта составляла часть упряжи рыцаря до самых последних дней рыцарства, поскольку рыцарские чувства, по-видимому, были связаны с этой древней формой доспехов. Ее *вставляли* в пластины вокруг шеи, и таким образом получался воротник или наконечник; кроме того, она обычно навешивалась на другие части тела, где, в соответствии со своей формой и размерами, становилась, если можно снова выразиться на языке дам, если не антикваров, фартуком или коротким подъюбником.

Шарф.

Сюртук.

Доспехи рыцаря часто пересекал шарф из шелка, вышитый его возлюбленной. Он также носил одежду, которую в разные времена называли сюртуком, циклой или табардом. Оно было длинным^[105] или коротким, открывалось по бокам, сзади или спереди, в зависимости от моды или каприза владельца; но всегда было без рукавов. Изначально материалом для него служила простая ткань, но с течением времени и развитием роскоши он становился все богаче. Поскольку этот вид одежды был почти единственным, в котором лорды, рыцари и бароны могли демонстрировать свое величие, и поскольку он закрывал всю их одежду и доспехи, его обычно делали из золота или серебра, из богатых шкур, меха горностая, соболя, миневра и т. д.^[106] В внешнем виде сюртука было больше разнообразия, чем в любой другой части его упряжи, и поэтому он стал отличительной чертой рыцаря. На публичных собраниях и во время войны лорды и рыцари обозначались гербами; и когда о них говорили, или когда кто-либо хотел указать на них внешним знаком, достаточно было сказать, что он носит герб *or, argent, gules, sinople, sable, gris, ermine, or vair*, или еще короче, он носит *or, gules*, и т. д. под словами герб подразумевалось. Но поскольку этих знаков было недостаточно, чтобы отличить в торжественных собраниях или во время войны каждого лорда, когда все были одеты в гербы из золота, серебра или богатых мехов, они со временем сочли нужным разрезать золотые, серебряные и меховые ткани, которые они носили поверх своих доспехов, на различные формы разных цветов, соблюдая, однако, правило никогда не класть мех на мех, золотые ткани на серебряные, а серебряные на золотые; Но они смешивали ткани с мехами, чтобы создать разнообразие и рельеф.^[107] К этим тканям и мехам примешивались приспособления или знаки, символизирующие те или иные обстоятельства в жизни рыцаря, а вместе с гребнем все это составляло, в современном понимании, герб.

Гербовые знаки.

Каждый феодал имел право выбирать свои собственные гербовые знаки: их носили все члены его семьи, и они были наследственными. В его власти было также даровать оружие рыцарям и оруженосцам в качестве почетных знаков за военные заслуги, и все эти причины обусловили гербовые знаки, олицетворявшие феодализм, дворянство и рыцарство Европы. Один рыцарь не мог нанести другому более смертельной обиды, чем ношение герба без его разрешения, и не одно копье было сломано в наказание за такую дерзость. Короли, по мере того как их власть становилась выше власти аристократии, брали на себя право присваивать эти знаки отличия; ношение оружия без королевского разрешения считалось преступлением, а деятельность герольдов была расширена: из простых посланников между враждующими князьями они превратились в суд, занимающийся распределением гербовых почестей. Таким образом, узурпация королей пошла на пользу обществу, поскольку споры об оружии и пожалованиях решались герольдами, а не в бою.

История этих обстоятельств совершенно невозможна. Примеры жилетов sopra с вышивкой можно встретить во времена, предшествовавшие крестовым походам. Их носили во время существования почтовых и смешанных доспехов, но они постепенно вышли из употребления, когда пластинчатые доспехи стали общепринятыми, тогда было очень принято наносить эмаль или тиснение геральдических отличий на сами доспехи или довольствоваться их изображением на щите или знамени. Однако на праздниках и турнирах все великолепие геральдического великолепия выставлялось на цикле или табарде.

Сюртуки военных орденов.

Несколько слов можно сказать о сюртуках военных орденов. Рыцари Святого Иоанна и Храма носили простые жилеты sopra, а вся их сбруя была покрыта монашеской мантией, отмеченной крестами соответствующих обществ. Цвет мантии, которую носили рыцари Святого Иоанна, был черным, и из-за того, что этот цвет был обычным монашеским цветом, их называли военными монахами. Их крест был белым. Братья Храма носили белую мантию с красным крестом, и отсюда их частое название - рыцари Красного Креста.

Шлемы.

История головного убора не совсем безынтересна. Рыцарь не довольствовался тем, что доверял защиту этой части себя только капюшону с хвостом; он носил шлем, форма которого сначала была конической, затем цилиндрической, а после вернулась к своей первоначальной форме. Защита лица стала предметом серьезного рассмотрения, и был сделан широкий кусок железа для соединения передней части шлема с почтой над ртом.^[108] Эта носовая часть не была в общем использовании, она была очень несовершенной защитой от удара мечом, и рыцарь находил в ней больше неудобства, чем пользы, когда его победитель прижимал его к земле ею. На смену им пришли нащечники из брусьев, расположенных горизонтально или перпендикулярно и прикрепленных к шлему. Затем появилась авантайла, или железная маска, прикрепленная к шлему, с отверстиями для глаз и рта. Поначалу она была неподвижной, но впоследствии изобретательность помогла и этим средствам защиты лица. С помощью шарниров рыцарь мог поднимать или опускать пластины или решетку перед лицом, и такая защита называлась визором. Впоследствии пластины стали подниматься от подбородка, и эта подвижная часть шлема стала называться, как известно, бевром, от итальянского *bevere* - пить. В ранние времена шлем был без украшений; впоследствии (хотя точное время установить невозможно) он был увенчан той частью герба, которая называется гребнем. Часто вводилась женская перчатка или шарф, которые были не самым красивым украшением. Тамплиерам и рыцарям Святого Иоанна не разрешалось украшать свои шлемы знаками ни благородства, ни любви; простота религии изгнала все тщеславные геральдические различия, и воины-священники были вынуждены, как и монахи, притворяться аскетической добродетелью, которая так высоко ценилась в средние века.

Все великолепие рыцарства заключено в шлеме принца Артура.

"Его надменный шлем, весь в золоте,
И блеск, и ужас внушал;
Ибо весь гребень дракон обхватил
Жадными лапами, и над всем распростер
Его золотые крылья: страшная отвратительная голова
Прижатая к бревну, казалось, бросала
Из пылающей пасти сверкали огненно-красные искры,

что наводило ужас на слабые сердца,
А чешуйчатый хвост был вытянут по спине.

"На вершине всего его возвышенного гребня
Пучок волос разноцветных,
жемчугом и золотом усыпанный,
Колыхался и, казалось, плясал от радости,
Как миндальное дерево, вознесенное ввысь.
На вершине зеленого Селиниса в одиночестве,
Цветами смелыми украшенное;
Чьи нежные локоны трепещут
При каждом вздохе, что под небом раздается"[109].

Шлем с визором и налобником оруженосец или паж носил на попоне своего седла, что было весьма необходимой мерой для облегчения рыцаря, особенно когда в ход шел сарказм герцога Орлеанского о том, что "если бы у англичан в голове была хоть какая-то интеллектуальная броня, они никогда не смогли бы носить такие тяжелые головные уборы"[110].

Читатель должен знать вместе с цирюльником из "Дон Кихота", что, кроме как в час битвы, рыцарь носил только открытый чехол, или бацинет, легкое и простое покрытие. Бацинет получил свое название из-за сходства с тазиком; но иногда это слово использовалось, хотя и неправильно, для обозначения шлема, закрытого рыцарского шлема. К бацинету можно было прикрепить визор, и тогда покрывало для головы становилось шлемом. Часто говорят о бацинетах с визирами.

Военный шлем, казалось, завершал совершенство оборонительного снаряжения; ведь копье безболезненно ломалось о стальную пластину, стрела и бич проскакивали в стороне, и только в романтике мы читаем о мечях, прорубающих сплошной железный фронт или пробивающих и пластину, и почту, как говорят некоторые более смелые духи.

"С ног до головы не было видно ни одного оголенного места,
чтобы смертоносная сталь могла угрожать"[111].

Кинжал милосердия.

Единственным способом причинения смерти было протыкание копья через маленькие отверстия в визоре. Такой способ смерти был не слишком распространен, поскольку кавалерист всегда наклонял лицо почти к луке седла, когда выезжал в атаку. Однако рыцарь мог оказаться без коня при столкновении двух враждебных линий, и в этом случае он оказывался во власти того противника, который оставался стоять. Но как убить человека, заключенного в катящуюся массу стали, - вот в чем вопрос; поэтому оружейник изобрел тонкий кинжал, который можно было вставлять между пластинами. Этот кинжал называли кинжалом милосердия - название, казалось бы, любопытное, учитывая, что он был орудием смерти; но на самом деле рыцарские законы обязывали завоевателя проявить милосердие, если, когда кинжал был вытащен, поверженный враг сдавался, спасаясь или не спасаясь.

Можно заметить, что кинжал или короткий меч рыцарь носил даже во времена кольчуги, так как хауберк был полным футляром.

"Прямо с коня спрыгивает рыцарь-победитель,
И обнажает свой смертоносный клинок, чтобы закончить бой;
Поднятый хауберк он отводит в сторону,
Во фланг врага мстительная сталь окрасилась"[112].

История его использования.

На страницах Фруассара мы находим интересную историю, описывающую общий рыцарский обычай, касающийся кинжала милосердия. Примерно в 1390 году владыка Лангуранта в Гаскони выехал с сорока копьями и приблизился к английской крепости Кадильхак. Он посадил свою роту в засаду и сказал им: "Сэры, оставайтесь здесь, а я поеду один в ту крепость и посмотрю, не выступит ли кто против нас". Затем он поскакал к воротам замка и попросил сторожа рассказать Бернару Куранту, их капитану, что там находится господин Лангурант и желает сразиться с ним в поединке. "Если он такой хороший человек и так доблестен в оружии, как о нем говорят, - продолжал претендент, - то он не откажется от этого ради своих дам, а если откажется, то это будет ему очень неприятно, потому что я везде буду сообщать, что он из-за трусости отказался пробежать со мной одну дистанцию с копьем".

Оруженосец Бернарда доложил об этом своему господину, и тот, раздувшись от гнева, воскликнул: "Принесите мне сбрую и оседлайте коня; он не откажется идти". Не медля ни минуты, он вооружился, сел на своего боевого коня и, взяв щит и копье, поскакал через ворота и заграждения в открытое поле. Лорд Лангурант, увидев его приближение, обрадовался и вскинул копье, как подобает настоящему рыцарю, и Бернард тоже. Их добрые кони мчались друг на друга, и копья наносили удары с такой одинаковой яростью, что их щиты разлетались на куски, а когда они пересекались, Бернард так ударил коня сэра Лангуранта, что тот выпал из седла. Бернард быстро развернул своего коня, и когда лорд Лангуранте поднимался, его противник, который был не только сильным, но и доблестным оруженосцем, схватил его бацинет обеими руками и, сорвав его с головы, бросил под ноги его лошади. Увидев все это, люди лорда Лангуранта вышли из засады и направились на помощь своему господину, когда Бернард выхватил свой кинжал и сказал лорду: "Сэр, отдаю вам моего пленника, спасайте или не спасайте, иначе вам конец". Лорд, уповавший на спасение своих людей, не произнес ни слова; тогда Бернард нанес ему смертельный удар по обнаженной голове и, всадив шпоры в коня, скрылся в преградах[113].

Значение исследований древних доспехов.

Таково было общее состояние доспехов во времена рыцарства. Более подробный рассказ об этом предмете не может быть интересным; ведь что толку знать точную форму и размеры любой из многочисленных стальных пластин, закрывавших рыцаря. Да и ни одна форма не оставалась неизменной долгое время; ведь мода в те времена была столь же изменчива и властна всех своих переменах, как и в наши; и если мы с презрением отворачиваемся от военного щегольства наших дней, то мало удовольствия можно ожидать от слишком детального ознакомления с суетой нашего праотца. Чосер говорит,

"Вместе с ним отправилось множество рыцарей,
Некоторые были вооружены в кольчугах,
И в нагрудной пластине, и в гипоне;
А кто-то имел пару пластин больших;
А у кого-то - прусак или тардж.

Кто-то был вооружен на ногах хорошо,
И топор, а кто-то булаву.
Нет нового облика, он не так стар.
*Вооружены они были, как я вам говорил,
И каждый за своим мнением".*

Точное знание недостижимо.

Хронологическая история доспехов, до мельчайших подробностей точная, недостижима, если вообще можно сделать какие-либо выводы из трудоемких скучных книг, которые до сих пор появлялись о доспехах разных стран. Кто может утверждать, что самый древний экземпляр, которым мы располагаем, является самым ранним образцом какого-либо вида упряжи? Никто не может определить точную продолжительность существования той или иной моды; ведь после того, как она некоторое время властвует над миром, она внезапно исчезает, а через несколько лет вновь появляется, приводя в замешательство и ужас наших антикваров.

Наши лучшие авторитеты иногда подводят нас. Монументальные чучела не всегда высекались момент смерти рыцаря: то, что бюст с опозданием возводится в ранг погребенных заслуг, не является особым упреком нашего времени. Скульпторам Средневековья будет слишком высокой похвалой, если мы предположим, что они иногда не нарушали точность, чтобы ввести какую-то любимую моду своих дней. Что касается иллюминаций рукописей, которыми так хвастаются, то они часто являются попытками переписчика подражать античности, прекрасными по исполнению, но сомнительными по точности, и чаще обозначают эпоху, когда рукопись была скопирована, чем ту, когда произведение было написано изначально. Мы знаем, что нарушение костюма было обычным явлением в романах. Так, в "Морте д'Артуре" неизвестный рыцарь, полностью вооруженный и с опущенным визором, чтобы скрыть черты лица, входит в зал короля. И снова,

"Идет сэр Лонселот дю Лейк,
Ридан вошел прямо в зал;
Его конь и доспехи все в бляхе
His visere over his eyen falle,"[114].

Если роман, из которого взяты приведенные выше строки, рассматривать как изображение самых ранних дней рыцарства, то это, конечно, неверно, ибо только в средние века рыцарства лицо стало скрываться визором, а более ранняя защита носа, конечно, не служила маской. Романы являются безупречными свидетелями общих рыцарских обычаев, но мы не можем привязать их изложение к какому-то определенному времени, поскольку они изменялись и совершенствовались при последовательных повторениях и переложениях, а при переводе на прозу в них вносились еще большие изменения в угоду вкусу эпохи. Так, в старом датском романе рыцарь, сражающийся за свою даму, остается на коне; но когда в XV веке сказка была переведена на язык большинства рыцарских стран, он изображается сошедшим со своего молочно-белого коня и отдающим его на руки своей прекрасной спутнице; причина такого отступления от старой баллады в том, что переводчики, желая сделать свое произведение популярным, приспособили его к нравам эпохи, а в то время рыцари, сражаясь, должны были спускаться с коня, что было общей модой.

Интересны ее общие черты

Несмотря на все наши попытки добиться хронологической точности, то или иное обстоятельство постоянно ставит нас в тупик. Мы обычно думаем, что смешанные доспехи

были защитным снаряжением во времена нашего Эдуарда Третьего; но в портрете Чосера, изображающем рыцарский характер того времени, кавалеру приписывается только haubergeon. Пластинчатые латы, похоже, были общим костюмом пятнадцатого века; и на любой живописной выставке, посвященной убийству Джона, герцога Бургундского, в 1419 году, художник, который изобразил бы герцога запряженным в цепную броню, был бы осужден синодом археологов как виновный в непростительном анахронизме; Однако мы знаем, опираясь на неоспоримый авторитет Монстреле, что когда герцог лежал на земле, Оливье Лайе, которому помогал Пьер Фротье, вонзил ему в живот шпагу под гардой; и что после того, как он был жестоко убит, люди дофина сняли с него почтовый плащ.^[115] Но хотя трудно определить моду на ту или иную часть доспехов в конкретном столетии, и жизнь может предложить более благородные занятия, чем выяснение точного года и месяца, когда норманны отказались от неуклюжего способа вставлять меч через отверстие в хауберке и приняли более изящную и удобную форму пояса^[116], все же, рассматривая предмет доспехов в некоторых его общих чертах, можно найти материю, представляющую немалый интерес. Мы можем не обращать внимания на точную форму и фасон воинского шарфа, не интересоваться, золотом или серебром он был вышит, но сам общий факт подразумевает состояние нравов и чувств наших предков: он переносит нас в беседку дамы, где она творила этот знак любви; наша фантазия рисует время и способ его вручения; и мы следуем за ним через всю последующую карьеру рыцаря, как за его молчаливым наблюдателем мужества и верности.

Широкие линии сюжета.

Любопытно также отметить постоянные попытки защитных доспехов соответствовать усовершенствованиям в искусстве разрушения. Цепная почта оказалась недостаточной защитой, к ней добавились стальные пластины, и все равно эта смешанная упряжь не делала тело неуязвимым. В конце концов, покрытие из одной только стали стало полным, и защитная экипировка достигла своего совершенства. Нам совершенно невозможно с точностью назвать год, когда пластинчатые доспехи начали смешивать с цепной пехотой в той или иной стране, или определить, какую часть тела защищала первая использованная пластина; но общие черты этого вопроса известны достаточно хорошо, чтобы мы могли набросать в своем воображении военный костюм некоторых из самых примечательных событий в войне средних веков. Во время первого крестового похода доспехи были в грубом виде, как почта, надетая на тунику. Сюртук с вышивкой, так как эта часть одежды была очень ранней; капюшон был обычным покрытием головы, а когда надевали шлем, он был самой простой формы и иногда имел назальную часть. Крестовые походы начались в конце одиннадцатого века, а до конца тринадцатого не только хауберк состоял из витой почты, но и были распространены смешанные доспехи из пластин и почты. Следующей темой, к которой возвращаются наши рыцарские воспоминания, становятся английские войны во Франции во времена правления Эдуарда III. К тому времени пластина стала преобладать над цепью. Пожалуй, ни в один период рыцарства доспехи не были так красивы, как в те дни, когда Франция была одним огромным полигоном для отборных и отборных кавалеров двух могущественных монархий Европы. Она была в равной степени далека и от мрачной суровости цепной почты, и от замысловатой вычурности чеканной стали: ее массивные пластины удовлетворяли благоразумный взор, показывая, что главный принцип доспехов был соблюден, а сюртук и шарф придавали упряжи воина характер аккуратной и простой элегантности. Лошади также были защищены в наиболее уязвимых частях; симметрия формы не была затемнена, как это было в последующие времена, стальным кожухом, который оставлял свободной только часть ног. Шлем имел гребень и шелковый орнамент; первый был знаком благородства, второй - любви; и ни один воин не имел такого права на

эти изящные знаки дамской благосклонности, как воины Эдуарда III, ибо любовь была вдохновляющей душой их рыцарства[117].

Во второй серии наших французских войн в моду вошла полная пластинчатая броня. Постепенно, по мере того как доспехи становились все более громоздкими, рыцари предпочитали сражаться пешими с копьями. Этот способ боя лучше всего подходил для демонстрации мастерства, так как при грубом столкновении лошадей многие кавалеры были сброшены, и поле представляло собой смехотворное зрелище катающихся рыцарей.[118] Некоторые следы обычая разбирать кавалерию можно найти в двенадцатом веке. Эта практика распространилась по мере того, как пластинчатые доспехи стали смешиваться с почтовыми; а когда стали носить полные стальные костюмы, рыцари искали любой повод для разгрузки; и они были склонны ломать свои копья для удобства во время близкого конфликта.

По мере того как угасал дух рыцарства, рыцарский военный костюм становился все более ярким и пышным. Изобретательность и вкус постоянно меняли украшения: то сталь была усыпана украшениями из золота и серебра, то роскошь эпохи проявлялась в полном золотом доспехе.

"В оружии они стояли
В золотых доспехах, превознося воинство".

Но такое великолепие демонстрировалось только на вежливых турнирах; менее дорогие доспехи покрывали воина рабочего дня. Доспехи постепенно выходили из употребления, когда пехота стала рассматриваться и ощущаться как главная сила в войне. Однако лишь в начале XVII века гордые дворяне Европы отказались от способа ведения боя своих предков и перестали надеяться, что их железные доспехи будут висеть в их залах в качестве стимула для доблести их детей. "Сначала они отменили *jambes* или стальные сапоги; затем отказались от щита, а затем и от покрытия для оружия. Когда кавалерия отказалась от копья, кюисы перестали носить для защиты от его удара, а прочный кожаный или булатный плащ свисал из-под доспехов до колен и заменял отброшенную сталь. Позднее шлем был лишен бесполезного визора; но до середины XVII века от древней сбруи не осталось ничего, кроме открытой шапки, нагрудника и спины из стали, которые тяжелая кавалерия континента в большей или меньшей степени носит до наших дней. В нашей службе они были возрождены совсем недавно для снаряжения лучшей кавалерии Европы, британских лейб-гвардейцев, которые, без помощи подобных средств защиты, вырвали лавры Ватерлоо у французских кюрасиров"[119].

Превосходство итальянских доспехов.

История доспехов была бы интересна и с другой точки зрения, если бы хоть одно из великих сражений средневековья было решено благодаря превосходству того или иного оружия, которым владела одна из сторон. Таких случаев не зафиксировано. Мы также не можем проследить прогресс доспехов в различных рыцарских странах. Но превосходство итальянской цивилизации и знание того, что длинноконечный меч был изобретен в Италии, позволяют нам отдать большую честь итальянцам; кроме того, мы знаем, что вплоть до самого позднего периода рыцарской истории миланские доспехи пользовались особым уважением.[120] Германия, насколько известно о древнем военном костюме этой страны, не может претендовать на изобретение, да и доспехи всегда появлялись в этой стране в ходе своего продвижения из Италии через другие земли. Франция быстро приняла все разновидности доспехов итальянской изобретательности, а через несколько лет они перешли в Англию. Однако этот географический путь не был обычным способом передачи

идей в рыцарские века. Рыцари разных стран встречались на турнирах, и в этих великолепных сценах демонстрировались все виды доспехов, а моды сменяли друг друга.

Несмотря на общее сходство костюмов, которое должны были создать эти галантные и дружеские встречи кавалеров на турнирах, у каждого народа были свои особенности, которые он никогда не сбрасывал со счетов. Так, можно упомянуть, что мечи германцев, а также норманнов всегда были большими, а французов - короткими. Поскольку лук был главным оружием норманнов, сопровождающие английских рыцарей использовали его чаще, чем аналогичные сопровождающие в любой другой стране. Шотландские крестьяне, несмотря на неоднократные предписания, никогда не пользовались луком: их оружием были копья и топоры, а ракетами - арбалеты и кульверины. Булава также была в фаворе, а их мечи были отличного качества. Их оборонительные доспехи представляли собой пластинчатую рубаху, хауберк или бригантину, а на шее - объемный платок, "не для холода, а для порезов", как описывает его один из писателей. Почти все шотландские войска, за исключением нескольких рыцарей, оруженосцев и пограничных копейщиков, которые составляли отличную легкую кавалерию, действовали пешими^[121].

Рыцарские доспехи; оруженосцы и т. д.

О военном костюме эскавайра и оруженосцев говорить не приходится. Эскавайр носил серебряные шпоры в отличие от золотых шпор рыцаря; но когда эскавайр, как член третьего рыцарского сословия, выполнял отдельную команду, ему разрешалось носить на конце копья пенонсель, или маленький треугольный серпантин. В тех странах, где лук не использовался, оружием вооруженных людей обычно были копье и меч. Так было, когда рыцарь вел в бой своих личных дружинников; но когда его последователями были жители какого-либо города, который он защищал, рыцарского оружия было мало, и на поле боя чаще выносился бил, чем копье. Арбалет вряд ли можно считать рыцарским оружием. Он не требовал такой силы руки, как длинный лук; он не позволял демонстрировать себя, что было душой рыцарства. Папы, к их чести, часто осуждали его использование, и чаще его сгибали наемники, а не штатные рыцари.

Вооруженные люди обычно сражались верхом, и часто случалось, что лучники, по азиатскому образцу, были конными. Защитные доспехи сопровождающих рыцаря не были столь полными, как его собственные, поскольку они не могли позволить себе их дороговизну, а разница в рангах обозначалась разницей в упряжи. Так, во Франции только лицам, обладающим определенным состоянием, разрешалось носить хаубержон, в то время как эскавайры имели лишь простой почтовый плащ, без капюшона или рукавов^[122], хотя их дворянское звание могло равняться рыцарскому. У оруженосцев, как правило, были нагрудник и щит, а также морион или открытый шлем, без визора или бобра. Они часто носили длинную и большую одежду, называемую акетоном, гамбезоном или камзолом, состоящую из различных складок льняной ткани или кожи, но совершенно невозможно дать какие-либо полезные или интересные сведения о предмете, который каприз или бедность постоянно меняли.

Аллегии, созданные на доспехах.

В сознании рыцаря доспехи имели и другое назначение, помимо их обычного и очевидного использования. В рыцарские времена воображение было особенно свободно, и каждая вещь была полна аллегорий и необычных смыслов. Рыцарю давали меч, похожий на крест, в знак смерти Христа и в наизидание, что он должен уничтожать врагов религии мечом. Это

понятно; но есть что-то явно произвольное в двойном острие, означающем, что рыцарь должен поддерживать рыцарство и справедливость. Копье, в силу своей прямоты, было эмблемой истины, а железная головка означала силу, которой должна обладать истина. Сила и мощь мужества выражались булавой. Шлем передавал идею стыдливости, а хауберк олицетворял духовное одеяние, которое должно было защищать мужчину и воина от пороков, которым подвержена его природа. Шпоры означали усердие. Жгут был знаком послушания, ибо как жгут обхватывал шею, защищая ее от ран, так и добродетель послушания удерживала рыцаря в рамках повелений его государя и рыцарского ордена, и таким образом ни измена, ни какой-либо другой враг добродетели не нарушал клятвы, данной им своему господину и рыцарству. Щит показывал назначение рыцаря; ибо как рыцарь ставил свой щит между собой и врагом, так рыцарь был преградой между королем и народом, и как удар меча, обрушившись на щит, спасал рыцаря, так и рыцарь должен был представлять свое тело перед своим господином, когда ему грозила опасность. Снаряжение и упряжь лошади также служили предметом обучения. Седло означало безопасность храбрости; ведь как с помощью седла рыцарь был в безопасности на своем коне, так и храбрость была лучшей защитой рыцаря в поле. Огромный размер седла считался символом величия рыцарского строя. Добавлялось, что как голова лошади идет впереди всадника, так и разум должен предшествовать всем действиям рыцаря; и как доспехи на голове лошади защищают ее, так и разум оберегает рыцаря от порицания. Защитные доспехи коня иллюстрировали необходимость богатства для рыцаря; ведь рыцарь без поместья не мог поддерживать рыцарские почести и быть защищенным от искушений, так как бедность открывает двери для измены и порока.

Именно таким образом романтическое воображение рыцарей извлекало мораль из предметов, казалось бы, мало способных научить, а затем, перейдя на более трезвый и рациональный тон, они восклицали, что рыцарство не в коне и не в оружии, а в рыцаре, который хорошо обучает своего коня и приучает себя и своих сыновей к благородным поступкам и добродетели; А поганный и нерадивый рыцарь, который учил себя и своего сына дурным делам, превращал одно в другое, кавалерийские и конные качества, делая себя и своего сына зверями, а своего коня - рыцарем".[123]

Конь рыцаря.

Прежде чем завершить рассказ о снаряжении кавалера, необходимо сказать кое-что о его коне, его *добром* коне, как он любил его называть. Конь рыцаря обязательно должен был обладать огромной силой, если в его подчинении находился кавалерист с его тяжелыми доспехами. Лошади Испании пользовались большой славой. В самой стране предпочитали астурийских, но в других рыцарских государствах не обращали внимания на то, в какой именно провинции была выращена лошадь.[124] Любимый конь Вильгельма Завоевателя был родом из Испании. Крестовые походы, несомненно, послужили средством доставки азиатских лошадей в Европу; и оказалось, что арабиец, хотя и меньше, чем костлявый западный скакун, компенсирует это превосходным духом. Французские и английские писатели-романтики не были склонны из естественных предрассудков хвалить любые произведения *Heathenese*, однако арабская лошадь часто удостоивается их похвалы. Этот отважный рыцарь Гай, сын сэра Бевиса из Хэмптона,

--"оседлал *рабита*,"[125]

Который был мал и ничуть не *тяжел*,"[126]

Что сэр Бевис в Пэйниме Лонд

Had iwunnen with his hond".

Арабский конь был эталоном совершенства, что видно из восхваления романтиком двух знаменитых скакунов, Фавела и Лиарда, которых Ричард Кер де Лев приобрел на Кипре.

"В мире не было им равных,
Ни дромадер, ни дестриер,
Ни коня, ни Рабита, ни Камайла,
Которые бегали бы так быстро и без сбоев.
За тысячу фунтов золота
Не стоит продавать его".

Арабский конь, должно быть, уже был подготовлен к части рыцарской дисциплины. На своих песчаных равнинах он привык останавливаться, когда его стремительность сбивала всадника с седла; а в схватках на копьях так часто низвергались рыцари, что устоять на ногах, готовый снова сесть, было одним из главных качеств хорошего коня. Коня Сида очень прославили в Испании, и в знак признательности за оказанную любезность его владелец пожелал подарить его королю Альфонсо Кастильскому. Чтобы побудить короля принять его, он продемонстрировал его качества.

"С тем и явился сид, облаченный в мантию меховую и широкую,
На Бавику взобравшись, в бок ему гребень всадил;
И вверх, и вниз, и кругом, так яростен был его полет,
Потоком, как выпел на ветру, Руя Диаса минивера.

И все, кто видел их, хвалили их, хвалили человека и коня,
как хорошо подобранные, не знающие соперничества в галантности и силе.
Никогда не смотрели они на всадника, который мог бы приблизиться к этому рыцарю,
И не было бы другого возницы, достойного такого кавалера.

Так, вскачь, мчался свирепый и яростный конь,
Он переломил надвое поводья: "Боже, пожалей Сида".
"Боже, пожалей Диаса", - вскричали лорды; но когда они взглянули снова,
Они увидели, что Руз Диас управляет им с помощью обломка своего поводья;
Они увидели, как он гордо правит, жестом твердым и спокойным,
Как истинный владыка повелевает, - И повинуются, как ягненок.

И вот он повел его, пенясь и пыхтя, к королю,
Но "Нет, - сказал дон Альфонсо, - это позор!
Чтоб несравненную Бавику когда-либо одолел
Никому из смертных, кроме Бивара, - взойди, взойди, мой Сид"[127].

Часто говорят, что у рыцаря всегда была своя походная лошадь, на которой он ездил до наступления часа битвы; а боевой конь, из-за того, что его вела правая рука оруженосца, назывался декстрарием.[128] В отношении государей и людей большого состояния это, конечно, было обычаем, но это ни в коем случае не было общей рыцарской практикой. Страницы Фруассара представляют собой идеальную картину рыцарской верховой езды и боя; и каждый из его любимых кавалеров, похоже, имел только одного и того же коня для дороги и для поля боя. Даже роман, столь склонный к преувеличениям, обычно изображает подобное использование; ведь когда мы видим, что девицу спасают, ее не сажают на запасную лошадь, а рыцарь сажает ее позади себя[129].

Дестриер, шеваль де лансе, или боевой корм, был вооружен или упряжен^[130] очень похоже на упряжь самого рыцаря, и, следовательно, был защищен почтой или пластинами, в соответствии с модой того времени. Его голова, грудь и бока были защищены полностью или частично, а иногда, по случаю пышности, он был облачен в полный стальной панцирь с гербом своего хозяина, выгравированным или выбитым на его бардах. Его капари и кожухи часто спускались так низко, что их справедливо называли базами, от французского *bas à bas* - на земле. Его голова также украшалась гребнем, как рыцарский шлем. Уздечка коня всегда была настолько великолепной, насколько позволяли обстоятельства рыцаря; поэтому коня часто называли *Brigliadore*, от *briglia d'oro*, золотая уздечка. Рыцарь любил украшать напарника своих бедствий и славы. Конь не всегда был таким, как у рыцаря Чосера;

"Его лошадь была хороша, но он не был весел".

Колокольчики были очень любимым дополнением к снаряжению коня, особенно в ранние рыцарские времена. Старый поэт-трубадур, Арнольд Марсанский, приводит очень серьезные причины для их ношения. Он говорит: "Пусть шея рыцарского коня будет украшена хорошо подвешенными колокольчиками. Нет ничего более подходящего, чтобы внушить рыцарю уверенность, а врагу - ужас". Боевой конь воина религиозного рыцарского ордена мог быть украшен ошейником с колокольчиками, ведь их звон любил сам монах.

"И когда он скакал, люди могли слышать его звон,
И звон при свистящем ветре,
И так же громко, как колокол в часовне".

Но на этом сравнение прекращается, поскольку конское убранство религиозных воинов было предписано освободить от всех золотых и серебряных украшений.^[131] Однако это предписание соблюдалось плохо; рыцари-тамплиеры в середине XIII века подвергались порицанию за то, что их уздечки были расшиты, или позолочены, или украшены серебром.^[132]

ГЛАВА. IV.

РЫЦАРСКИЙ ХАРАКТЕР.

Общее представление о рыцарях ... Соратники по оружию ... Характер доблести кавалера ... Особая храбрость сэра Роберта Ноулза ... Храбрость, вызванная клятвой ... Фантастические обстоятельства ... Гуманность рыцарской войны ... Выкуп ... Причина любезности в сражениях ... Любопытная гордость рыцарства ... Пленники ... Пример рыцарской чести ... Независимость рыцарей и рыцарские ошибки ... Рыцари участвовали в сражениях других стран ... Английским рыцарям не нравятся войны в Испании ... Их отвращение к испанским винам ... Принципы их активного поведения ... Рыцарская независимость в сочетании с дисциплиной ... Религия рыцаря ... Его преданность... Его нетерпимость ... Общая природа его добродетели ... Верность обязательствам ... Щедрость... Единичные случаи ее проявления... Романтический избыток ее ...

Либеральность... Смирение ... Вежливость ... Повседневная жизнь рыцаря ... Соколиная охота ... Игра в шахматы ... История любви рыцаря к шахматам ... Менестрели ... Романсы ... Беседа ... Характер и форма рыцарских развлечений ... Праздник и обет фазана.

Общий строй рыцарей.

Рыцаря сопровождали на поле боя его оруженосцы и пажи, конные и пешие вооруженные вассалы, все они были его приближенными. Число этих сопровождающих неизбежно зависело от его состояния, а также от повода, побудившего его вооружиться; и я бы утомил и не научил своих читателей, если бы стал вставлять в эти тома все мелкие исторические подробности, касающиеся количества силы, которая в разных странах и в разные периоды летописей одной и той же страны составляла, выражаясь фразеологией Средних веков, дополнение к копью. Армии считались по копьям, каждое копьё означало самого рыцаря с его вооруженными людьми, или легкой кавалерией, и пешими воинами.

Соратники по оружию.

Рыцаря поддерживали не только его вассалы, составлявшие мебель его копья, но и брат по оружию, когда между двумя кавалерами существовала такая связь; и примеры таких союзов чрезвычайно часты в рыцарской истории: их можно встретить и в других летописях. В ранние времена Греции братство по оружию было хорошо известной формой дружбы: два товарища обязывались никогда не покидать друг друга в делах, какими бы опасными они ни были, и в залог взаимной веры обменивались доспехами. Не было более убедительного доказательства привязанности, чем расставание с тем, что было им дороже всего. Среди варварских народов братство по оружию закреплялось ужасным обычаем, когда новые братья пили кровь друг друга: но если эта практика и была варварской, то ничто не было дальше от варварства, чем чувства, которые ее вдохновляли.

Европейское рыцарство позаимствовало эти священные узы у скандинавов, среди которых будущие братья по оружию смешивали свою кровь, а затем пробовали ее на вкус.

"Отец резни, Один, скажи,
Не вспоминай прежних дней,
Когда в кубке румяном стояли,
Для взаимного питья наша смешанная кровь?
Не помнишь, ты тогда не клялся,
Праздничный пир не разделить,
Если не будет там брата твоего Лока?"^[133]

Этот обычай, как и большинство других в языческой Европе, был исправлен и смягчен светом и гуманностью религии. Братские усыновления тогда происходили в церквях, в присутствии родственников и с санкции священников. Рыцари клялись никогда не обижать и не порочить друг друга, разделять опасности друг друга; в знак совершенства любви и истинного единства, а также для того, чтобы иметь, насколько это возможно, одинаковое сердце и решимость, они торжественно обещали истинное братство и товарищество по оружию.^[134] Затем они принимали святое таинство, и священник благословлял союз. То, что они поделят поровну все свои приобретения, было скорее великодушным пониманием, чем обычной договоренностью. Можно привести пример такого обычая. Роберт де Ойли и

Роджер де Ивери, два молодых джентльмена, прибывшие в Англию вместе с герцогом Нормандским, были заклетыми братьями. Через некоторое время после завоевания король пожаловал две великие чести - Оксфордскую и Сент-Уолери - Роберту де Ойли, который тут же передал одну из них, Сент-Уолери, своему заклтому брату, Роджеру де Айвери[135].

Оружейное братство заключалось для достижения определенной цели или общих рыцарских целей, на ограниченный срок или пожизненно. Не всегда, впрочем, гербовое братство устанавливалось с религиозной торжественностью: но какими бы ни были церемонии, обязательство всегда считалось священным; настолько священным, что писатели-романтики не пугали своих читателей рассказом, интерес которого зависел от обстоятельства, когда рыцарь убивает двух своих младенцев ради того, чтобы приготовить из их крови лекарство, которое должно исцелить проказу его брата по оружию[136].

Такая форма привязанности была самой сильной в рыцарстве.

"С этого дня и навсегда мо
Ни в горе, ни в радости, ни в радости,
Помочь другому в нужде,
Брат, будь верен мне,
И я буду так же верен тебе".

Так говорил сэр Эмилион сэру Эймису, и это был общий язык рыцарства. Дружба была доведена до романтической крайности гомеровской эпохи. Братья по оружию перенимали все враждебные и любовные чувства друг друга,

"Щедрой дружбы не знает холодная среда,
Горит одной любовью, одной обидой пылает".

И настолько сильным было это обязательство, что оно даже вытеснило рыцарский долг перед женщиной. Дама могла напрасно требовать защиты от кавалера, если он мог заявить, что в этот момент он обязан бежать на помощь своему брату по оружию.

Качества рыцарского характера.

Сопровождаемый таким образом, рыцарь приступал к достижению высоких целей своего благородного и галантного призвания. Принципы и цели рыцарства всегда были одинаковыми, и общее сходство характеров существовало во все рыцарские эпохи; и как определенные моральные сочетания делят человеческую природу на классы, так и рыцарь был отдельным персонажем, и качества, присущие его ордену, могут быть обрисованы в одной картине, несмотря на индивидуальные и национальные вариации, которые лучше описать, когда мы придем к обозначению степени влияния рыцарства в различных странах Европы.

Характер их доблести.

Особая храбрость сэра Роберта Ноулза.

Мужество рыцаря - это та часть его характера, которая, естественно, привлекает наше внимание в первую очередь. Он был смел и предприимчив, но я не могу настаивать на том, что безрассудство перед опасностью - это свойство только рыцарства, ведь в битвах каждого народа быть первым, кто наступает, и последним, кто отступает, было стремлением воинов.

Однако рыцаря мало заботила причина или необходимость вступать в бой, чтобы продемонстрировать свою доблесть. Примерно в 1370 году сэр Роберт Ноулз прошел по Франции и опустошил страну до самых ворот столицы. В его компании был рыцарь, который дал обет, что подъедет к стенам или воротам Парижа и ударит копьем в заграждения[137]. И чтобы исполнить свой обет, он выехал из своей компании, с копьем в руке, со щитом, подвешенным к шее, вооруженный во все стороны, и сел на хорошего коня, а его оруженосец следовал за ним на другом, со шлемом. Подъехав к Парижу, он надел сверкающий головной убор и, оставив оруженосца позади себя и вонзив шпоры в коня, поскакал во весь опор к открытым тогда барьерам. Французские лорды, находившиеся там, предполагали, что он въедет в город, но это было не в его духе, ибо, ударив по барьерам согласно своей клятве, он повернул поводья и уехал. Тогда рыцари Франции сразу же разгадали его замысел и воскликнули: "Ступайте своей дорогой; вы хорошо себя показали"[138].

Примерно в то же время отряд английских рыцарей подошел к французскому городу Нуайон и расправил свои знамена, бросая вызов гарнизону. Но французы не делали вылазок; и тогда шотландский рыцарь по имени сэр Джон Свинтон, нетерпеливый к отдыху, отделился от своей роты с копьем в руке, сел на *шевалье с копьем*, его паж за ним, и таким образом приблизился к барьерам. Затем он сошел с коня и, сказав своему пажу: "Держи, держи мою лошадь и не отходи", - направился к барьерам. Внутри паллисада находилось много добрых рыцарей, которые очень дивились тому, что собирается сделать этот рыцарь. Тогда Свинтон сказал им: "Сеньоры, я пришел к вам; поскольку вы не выходите из своих заграждений, я войду в них и докажу свое рыцарство против вашего. Победите меня, если сможете!" Тогда он сразился с французскими кавалерами, да так искусно, что ранил двух или трех из них; люди на стенах и верхушках домов не шевелились, ибо им доставляло большое удовольствие наблюдать за его доблестью, а доблестные рыцари Франции приказали им не бросать в него никаких ракет, а дать сражению идти честно и свободно вперед. Так долго они сражались, что наконец паж подошел к барьерам и сказал своему господину: "Сэр, уходите; вам пора уходить, ибо ваша компания покидает поле боя". Рыцарь хорошо его выслушал, затем нанес ему два-три удара и, вооружившись, перепрыгнул через барьеры и, вскочив на коня позади своего верного паж, помахал французам рукой и воскликнул: "Адью, господа, благодарю вас!". Затем он пришпорил своего благородного коня и поскакал к своей роте. Этот замечательный подвиг был воспет многими людьми[139].

Храбрость, подстрекаемая клятвами.

Любовь к беспричинным опасностям часто сопровождалась курьезными обстоятельствами. О нравах предков рыцарских героев сказано следующее,

"В пещерах запада,
В свирепых объятиях Одина,
Ринда родит дивного мальчика,
Который никогда не расчесает свои вороные волосы,
И не омоет свой лик в ручье,
И не увидит солнца луч уходящий,
Пока не улыбнется он на теле Ходера.
Пламенея от радости!"

Фантастические обстоятельства.

А король Гарольд дал торжественный обет никогда не стричь и не расчесывать волосы, пока не распространит свою власть на всю страну. Тацит сообщает нам, что молодые германцы,

особенно из племени катти, не брили волосы на голове или подбородке, пока не достигали славы в оружии. То же самое чувство влияло на рыцаря. Он носил цепь на руке или ноге, пока не совершал какой-нибудь выдающийся подвиг; а когда его заслуги становились заметными, знак рабства снимался с большой торжественностью.^[140] Молодой рыцарь сначала не принимал родового оружия, а носил простые доспехи и щит без всяких приспособлений, пока не завоевал славу. Он даже сражался с завязанными глазами, или прикреплял одну из рук к телу, или каким-либо другим способом частично лишал себя возможности совершить свой подвиг. Перед воротами Труа стоял английский оруженосец, решивший совершить какой-то высокий и романтический подвиг. Его спутники не могли судить, видит он или нет, но с копьем в руке и таргетом, подвешенным к шее, он безрассудно пришпорил коня, перепрыгнул через барьеры и понесся к воротам города, где стояли герцог Бургундский и другие великие лорды Франции. Он пришпорил своего пенистого скакуна и погнал его обратно в лагерь. Герцог рукоплескал его смелости, но некоторые из окружавших его воинов не испытывали столь же великодушного сочувствия к благородному рыцарству, и они бросали свои копья, как копья, в храброго оруженосца, пока не свалили его и его коня замертво на землю, чем герцог Бургундский был весьма раздосадован.^[141] Столь же необычным и более фантастическим было поведение некоторых молодых рыцарей Англии во время французских войн Эдуарда III, Каждый из них завязывал один глаз шелковой лентой и клялся перед дамами и павлином, что не будет видеть обоими глазами, пока не совершит определенные подвиги во Франции^[142].

Великодушные рыцарей

Ничто не кажется невероятным в романах после прочтения этих рассказов очень верного историка; но мы ошиблись бы в рыцарстве, если бы предположили, что эта дикая, эта френетическая храбрость была его главной чертой. Возможно, в целом это было свойство только молодых воинов; ведь благоразумие, несомненно, было частью кавалерийской доблести. О том, что рыцарь был мудрецом, часто говорят к его чести. Не факт, что его мастерство когда-либо вырождалось в тонкости стратагем, ведь смелый и открытый бой всегда предпочитался изыскам хитрости, и он опозорил бы свой орден, если бы извлек выгоду из любой оплошности, случившейся с его противником. Но в выборе места, в расположении своих оруженосцев и воинов он проявлял максимум мастерства, ибо быть авантюристом - лишь одна из составляющих доблести. Рыцарский солдат также обладал воображением - слово, постоянно используемое нашими старыми авторами для обозначения ума, полного ресурсов, и для выражения военных способностей^[144].

Гуманитарные аспекты войны.

В его героизме не было столько безжалостности, сколько отличало те эпохи древнего мира, которые фантазия и поэзия иногда рисовали рыцарскими. Поверженный и подавленный враг редко тщетно просил пощады у истинного рыцаря. Даже гордость рыцарства часто смягчала свирепый и суровый облик войны, ибо низших людей щадили, потому что они были недостойны копья. Рыцаря, обученного воинским упражнениям, мало заботила битва, если он не мог доказать свою искусную осанку; и какую честь он мог получить, убивая грубых и безоружных крестьян? Простых крестьян часто щадили из соображений благоразумия. Ричард Бремброу, английский рыцарь, в 1350 году разорял Бретань, но его упрекнул за поведение Бомануар, сторонник дома Блуа, который был поражен тем, что доблестный кавалерист должен воевать не только с людьми с оружием, но и с рабочими и другими. "Во всех войнах, руководствуясь рыцарскими принципами, - продолжал рыцарь Бретани, -

истинные солдаты никогда не причиняют вреда землепашцам, ибо если бы они так поступали, мир был бы уничтожен голодом"[146] Более великодушные чувства, однако, иногда оказывали свое влияние. Суровый Дю Гесклен, лежа на смертном одре, просил своих старых товарищей по оружию помнить, что "ни духовенство, ни женщины, ни дети, ни бедняки не были их врагами"; и этот призыв прозвучал из его уст с особой уместностью, поскольку в его прошлой жизни не было примеров излишней суровости.

Обратной стороной такой мягкости стала несчастная судьба Черного принца, который своей резней трех тысяч человек в Лиможе[147] запятнал блеск всей своей былой славы. Повествование об этом деле, которое оставил нам Фруассар, показывает, что подобные варварства не были столь частыми в рыцарские времена, как это представляет современная ненависть к аристократической власти. Из слов нашего историка мы можем узнать, что резня в Лиможе произошла от несчастной склонности к жестокости, которая в то время омрачала разум принца Уэльского, а не от общих принципов рыцарства; ведь он говорит нам, что рыцари готовились творить зло, убивать мужчин, женщин и детей, потому что так им было приказано; И тот, чье сердце прыгало от радости при описании мужественного конфликта, где знамена и штандарты развевались на ветру, где лошади были запряжены, а рыцари и оруженосцы богато вооружены, все же вздыхает по поводу резни в Лиможе и говорит, что было "очень жаль" видеть эту бойню.[Только при взятии городов, принадлежавших врагам церкви, меч победившего христианина обагрался кровью до самой рукояти; ведь язычники, сарацины, иудеи и еретики не входили в сферу рыцарской гуманности.

В одиночных поединках рыцарства часто делались перерывы, поскольку щедрость считалась неотъемлемой частью храбрости, и воин скорее победит благодаря своему мастерству, чем какому-либо случайному преимуществу. Один великан первой величины попросил у своего противника, сэра Гая Уорикского, минутную передышку, чтобы утолить жажду в соседнем ручье. Благородный рыцарь удовлетворил эту просьбу, и великан, совершенно оправившись от усталости, возобновил бой с новой силой. Сэр Ги, в свою очередь, изнемогая от жары и усталости, попросил о такой же услуге, но невежливый великан отказал ему.[149] В битве между знаменитым Роландом и сарацинским рыцарем по имени сэр Отуэл удар меча первого из них разрубил мозг лошади его противника. Паладин Карла Великого с истинно рыцарской вежливостью прищепил своего коня и отдыхал на руках, пока сэр Отуэл не отцепился от снаряжения своего коня. Сарацин попенял ему за неумение упустить его гигантскую раму; но при возобновлении битвы Отуэл проявил такую же неловкость и, понимая, что теперь его насмешки могут быть отвечены с удвоенной силой, подражая рыцарской вежливости Роланда, подождал, пока его противник полностью освободится от своего упавшего коня.[150] Прелиминарный бой между знаменитым Оливером и сарацинским кавалером, высоким сэром Ферумбрасом, был еще более учтивым, поскольку христианский рыцарь помог своему противнику зашнуровать шлем, а перед тем как столкнуться, бойцы вежливо поклонились друг другу.[151]

Правдивые летописцы подтверждают рассказы писателей-романтиков. В поединке чести между англичанами и французами, когда считалось, что рыцарству противоречит то, что одна из сторон была многочисленнее другой, рыцари сражались в течение нескольких часов с перерывами на отдых. Когда двое из них сражались так долго, что уставали, они легко и непринужденно отходили, садились на берегу ручья и снимали шлемы. Освежившись, они надевали доспехи и возвращались к бою[152].

Выкуп

Причина любезности в сражениях.

Мы обычно ссылаемся на рыцарские принципы чести, чтобы объяснить тот интересный факт, что рыцарь-победитель разрешал своему пленнику отправиться в свою страну или город, чтобы получить выкуп; и мы знаем, что его честное слово считалось достаточным залогом его возвращения в назначенное время. Истинную причину этой общей рыцарской практики можно узнать из одного отрывка Фруассара. Описывая сражение между англичанами и французами в 1344 году, он говорит, что англичане поступили со своими пленниками как добрые товарищи и позволили многим из них уйти под клятву и обещание вернуться в определенный день в Бержерак или Бурдо[153]. Шотландцы были столь же любезны с англичанами после поистине рыцарской битвы при Оттерборне. Они назначили за них выкуп, и каждый сказал своему пленнику: "Сэр, идите, разоружитесь и успокойтесь"; и таким образом они развеселили своих пленников, как если бы они были братьями, не причинив им никакого вреда.[Через некоторое время после битвы сэр Мэтью Редман сдался в плен сэру Джеймсу Линдсею, спасая его или не спасая, и тот обращался с ним как с хорошим товарищем. 155] Таким образом, именно потому, что все рыцари Европы были объединены всеобщими узами братства, один рыцарь проявлял любезность к другому. Именно принцип братства, который прививает христианская религия, породил все те любезные соображения на войне, которые отличали рыцарство; и, как бы мы ни называли наших предков, низменных и варварских, я не знаю, не были ли принципы христианской дружбы так же хорошо поняты в их дни, как в наш век хваленого света и совершенствования. В замечании Фруассара о том, что "благородство и мягкость должны поддерживаться благородством и мягкостью", есть как истина, так и красота. Пленников не только отпускали на свободу под честное слово, но и никогда не назначали столь высокий выкуп, чтобы они не могли заплатить его в свое удовольствие и при этом сохранить свое звание[156].

Любопытная гордость рыцарства.

Пленники.

Остается упомянуть об одной любопытной особенности, иллюстрирующей рыцарское достоинство. Для кавалериста было ниже рыцарского достоинства сдаваться в плен одному из раскатов, и если он когда-нибудь оказывался перед такой печальной необходимостью, то потешал свою гордость тем, что возводил своего победителя в рыцарское звание. Граф Саффолк во время наших войн во Франции попал в плен к Уильяму Рено, но не сдавался ему до тех пор, пока тот не возвел его в рыцарское достоинство, не обвязал вокруг него меч и тем самым не удостоил его рыцарского звания. Но рыцарское достоинство не утрачивалось, если рыцаря брал в плен оруженосец, ибо оруженосец, хотя и уступал в чине, был того же качества, что и рыцарь. Знаменитый Дю Гесклен, которого я так часто упоминаю как образец рыцарского достоинства, уступил доблести английского оруженосца, сражавшегося под штандартом сэра Джона Чандоса.

Пример рыцарской чести.

В XIV веке герцог Гельдресский был взят в плен оруженосцем по имени Арнольд и перевезен в замок, где обещал заплатить выкуп. Лорды Пруссии, узнав, что герцог захвачен по пути в их страну, собрали мощную армию и отправились к месту заточения герцога. Оруженосец испугался их силы и решил покинуть замок; но перед уходом он отправился к герцогу Гельдресскому и сказал ему: "Сэр герцог, вы мой пленник, а я ваш господин: вы джентльмен и настоящий рыцарь; вы поклялись и дали мне свою веру, и куда бы я ни пошел, вы должны следовать за мной. Я не могу сказать, послали ли вы за великим магистром Пруссии или нет, но он идет сюда с могущественной силой. Я не останусь: вы можете задержаться, если хотите, и я возьму с собой вашу веру и обещание". Гельдрес ничего не ответил. Вскоре

оруженосец сел на коня и уехал, сказав герцогу, что всегда найдет его в таком месте, назвав крепкий замок, расположенный в отдалении. Вскоре прибыли пруссаки и освободили своего друга, но он решил исполнить обещание, данное оруженосцу, которого называл своим господином, и ни отпущение грехов, ни послабления, ни доводы, ни насмешки не могли побудить его нарушить свою веру. Тогда его друзья и родственники договорились с оруженосцем о его свободе, и, заплатив положенный выкуп, герцог Гельдрский вернул себе ту почетную свободу духа, которая превышает всего дороже истинному рыцарю[157].

Независимость рыцарей и рыцарское эррантирство.

Конечно, добродетели рыцаря не обязательно были патриотическими. Они скорее ослабляли, чем усиливали его склонность к королю и стране. Хотя как личность он был привязан к своей родине, но характер рыцарства постоянно заставлял его вести себя в стороне от всех национальных интересов. Он был судьей добра и зла[158]; он не опирался на внешние стандарты справедливости; он был независимым агентом. Эти рыцарские качества породили рыцаря-изгнанника, эту необычную черту в характере средневековья.

"Долго они путешествовали по расточительным дорогам,
где обитали опасности и побеждали опасности,
В поисках славы и почестей:
Много стран они захватили,
От восхода до заката солнца,
И много трудных приключений пережили;
Из всех они честь завоевали,
Искали слабым угнетенным облегченье,
И восстановить правоту тех, кто был огорчен несправедливостью"[159].

Первой похвалой рыцарства считалось изживать нецензурные оскорбления, и преимущества, которые дает обществу такое расположение, признаются даже сатириками.

----- "Knyghtes shoulde
Райдена и раппа адуна в ремезах оне,
И брать нарушителей, и быстро их отлавливать".

Истинно брать и истинно сражаться,
Вот профессия и чистый орден, который приписывается рыцарям"[160].

Счастливые последствия для женщины этого рыцарского принципа и его тенденций к улучшению нравов лучше всего видны при описании характера дам и девиц в Средние века. Что касается общих интересов общества, то можно заметить, что рыцарское эррантирство было весьма значительным средством исправления состояния насилия и неуправляемости в феодальные времена. Монахи Сент-Олбанса держали на жалованье рыцарей, которые защищали аббатство и оберегали дороги от разбойников, как баронских, так и вульгарных.[161] Пока дисциплина законов не приручила мир к порядку, сила была единственным мерилom власти; и только мечом можно было отомстить за нанесенные обиды. Защита обиженных - великий принцип рыцарства, и ни один угнетенный человек не был лишен возможности найти способ возмещения ущерба. Всегда можно было найти нежного рыцаря, который положит свое копье в покой и покарает злодея. Когда Эдуард Первый путешествовал по Франции, он услышал, что один бургундский лорд постоянно совершает бесчинства по отношению к лицам и имуществу своих соседей. В истинно

рыцарском духе Эдуард напал на замок этого невежливого барона. Его доблесть утвердила справедливость, и он передал завоеванные им владения более благородному и достойному лорду[162].

Рыцари сражались в битвах других стран.

Англичане с отвращением относятся к испанским винам.

Когда рыцарь не участвовал в войнах своей страны и не отправлялся на поиски приключений, он сражался в рядах рыцарства иностранных принцев. Это было повседневным делом; английские рыцари получали от короля лицензию на то, что они обязуются под честное слово не разглашать секреты двора и не сражаться на стороне врагов нации. Любопытно отметить, что английские авантюристы всегда предпочитали службу во Франции, а не в Испании или Португалии. Франция, по их словам, хорошая, сладкая страна, умеренная, с приятными городами и красивыми реками, а Кастилия полна бесплодных скал и гор, воздух там нездоровый, воды беспокойные, а люди бедные и дурно одетые. Однако главное недовольство вызывали вина Испании. Англичане жаловались, что они настолько крепкие и жгучие, что портили им голову, иссушали кишки и разъедали печень; и что от жаркого солнца и горячих вин англичане, которые в своей стране питались сладко, в Кастилии сгорали снаружи и внутри. Есть еще один отрывок из Фруассара, который я представлю читателю на подлинном и выразительном староанглийском языке Джона Бурше, рыцаря, лорда Бернерса. "Англичане ели виноград (в Испании), когда могли его достать, и пили горячие вина, и чем больше они пили, тем больше их поджигали, и тем самым сжигали их печень и легкие; ибо такая диета противоречит их природе. Англичане питаются хорошим мясом и элем, которые поддерживают их тела в тонусе". В Испании ночи были жаркими из-за сильного дневного зноя, а утра удивительно холодными, что обманывало их; ведь ночью они ничего не могли на себе вынести, и поэтому спали совсем голыми, а утром холод брал их, прежде чем они осознавали, и это повергало их в лихорадки и флюсы без средства, и так же умирали великие люди, как и простые[163].

Принципы такого активного поведения.

Вся эта авантюризм проистекала из принципа, согласно которому жизнь рыцаря не должна была рассматриваться как курс личных поблажек. Его добродетели носили активный, возбуждающий характер, и ему не позволялось проводить свои дни в темной неизвестности или предаваться праздности. Подобно соколам, презирающим заточение, он не мог долго находиться в покое, не желая бродить по окрестностям. "Почему бы нам не собраться и не отправиться посмотреть на границы и порты Нормандии?" - таковы были военные слова, которыми английские рыцари и оруженосцы подстрекали друг друга к оружию. "There be knights and squires to awake us and to fight with us." [164] А честь всегда была целью истинного рыцаря.

"В лесах, в волнах, в войнах она обитает,
И будет найдена с опасностью и болью;
И не может человек, что лепечет в праздной келье,
До ее счастливой обители добраться.
Перед вратами ее высокими бог пот воздвиг,
И бодрствующим наблюдателям вечно пребывать:
Но легок путь и прост проход

К дворцу наслаждений: он может быть скоро пройден,
И днем и ночью ее двери для всех открыты настежь"[165].

Рыцарская независимость, совместимая с дисциплиной.

Часто предполагалось[166], что рыцарский строй должен был быть неудобен для феодального и национального устройства армий, и что рыцарские почести должны были бы постоянно бороться с другими отличиями за первенство. Но это предположение возникло из-за недостаточного внимания к рыцарским принципам. Рыцарство не было противопоставлено национальным институтам; это было чувство чести, которое пронизывало общество, не нарушая его; и рыцарские отличия были совершенно независимы от рангов в государстве. Поскольку каждый лорд получал рыцарское образование, он, конечно, был рыцарем; но он выводил свои войска в поле в силу своих феодальных владений; и , что было связано с его рыцарством, было бы напрасно допытываться. Состав армии всегда формировался в соответствии с фантазией и воображением констебля, маршала или любого другого должностного лица, командовавшего войском, без малейшей ссылки на рыцарство. Сквайр часто возглавлял рыцарей, разумеется, не из-за своего рыцарского титула, а в силу благосклонности или заслуг, или по любой другой из бесконечного множества причин, способствующих продвижению.

Религия рыцаря.

Его набожность.

Религия рыцаря, как правило, была религией того времени; и было бы глупо ожидать, что из рядов неграмотных воинов, чьи мечи были освящены церковью, начнут выходить религиозные реформаторы. Воин ежедневно произносил множество молитв, кроме ноктурна из Псалтыря, утрени Богоматери, Святого Духа и Креста, а также дирижабля.[167] Служба мессы обычно совершалась обеими армиями в присутствии друг друга перед битвой; и ни один воин не сражался, не вознося втайне молитву Богу или любимому святому. Краткость была важной чертой солдатской набожности, о чем свидетельствует следующий анекдот. Когда французский кавалерист Лахир только что добрался до своей армии, он встретил капеллана , у которого потребовал отпущения грехов. Священник потребовал от него исповедаться в своих грехах. Но рыцарь ответил, что у него нет времени, так как он хочет немедленно напасть на врага. Он добавил, что подробное описание его преступлений не требуется, так как он был виновен только в грехах, свойственных кавалерам, а капеллан хорошо знает, что это за грехи. Священник отпустил ему грехи, а Лахир воздел руки к небу и воскликнул: "Боже, молю тебя, сделай сегодня для Лахира столько же, сколько сделал бы для тебя Лахир, если бы он был Богом, а ты - Лахиром". Затем он вонзил шпоры в своего коня, и его фальчион был испачкан кровью врага, прежде чем добрый капеллан оправился от изумления, вызванного этой необычной формой молитвы. Союз религии и оружия был продемонстрирован весьма примечательным образом во время поединка, который состоялся в Бервике в 1338 году. Копье английского рыцаря пробило шлем его шотландского противника, Уильяма де Рамзи, и пригвоздило его к голове. Сразу же стало ясно, что рана смертельна, и за ней поспешно послали священника. Рыцаря заколотили в шлем, и вскоре после этого он умер, а присутствовавший при этом добрый граф Дерби был так восхищен религиозным и рыцарским образом смерти шотландца, что надеялся, что Бог по своей милости пошлет ему такой же конец[168].

Рыцарь посещал святые места и перенял все суеверия, мягкие или ужасные, и весь дух нетерпимой свирепости своего времени. Защита церкви входила в его обязанности.

"Кавалеры в этом мире
Ne peuvent vivre sans soucy:
Ils doivent le peuple défendre,
Et leur sang pour la foi espandre".

Его нетерпимость.

Рыцарь не знал другого аргумента, кроме меча, чтобы переубедить неверного, и был готов в любой момент "вонзить его в живот еретика до упора". Это чувство было присуще всем рыцарским временам, но Людовик Святой был тем рыцарем, которому посчастливилось облечь его в форму максимы.

Войны этих воинов церкви не были чисто оборонительными. Кавалер сражался открыто и наступательно против еретиков. Это было частью духа и сущности его характера, поощряемого крестовыми походами и принципами военных орденов; таким образом, военная репутация рыцаря не была безупречной, если ее не украшали лавры, завоеванные как в язычестве, так и в христианстве; Ибо, по общему мнению, как Небо избрало ученых клириков, чтобы они Писанием и разумом поддерживали святую католическую веру против заблудших и неверующих, так и рыцари были избраны, дабы заблудшие были побеждены силой оружия.[169]

Общий характер его добродетели.

От рыцаря требовалась наивысшая возможная степень добродетели: в рыцарстве было принято, что тот, кто посвящает другого в рыцари, сам должен быть добродетельным; ибо утверждалось, что если рыцарь, посвящающий в рыцари, не добродетелен, то как он может дать то, чего у него нет; и ни один человек не мог быть истинным сыном рыцарства, если он не был безупречен в жизни.[170] Он должен был быть не только добродетельным, но и не иметь упреков; ведь он считал свою почетную славу полированным зеркалом, красоту которого может потерять нечистое дыхание и нездоровый воздух, равно как и быть разбитым на осколки. Но в природе рыцарской добродетели не было ничего столь абстрактного и утонченного, как принято считать. Долг кавалера - подвергать себя опасности ради страждущих и церкви; его усилия и старания выполнить условия рыцарской клятвы должны были быть вознаграждены не простым удовлетворением метафизических фантазий, а надеждой на радость на небесах. Это был главный принцип его долга, как бы часто им ни злоупотребляли или забывали о нем; и именно это чувство клятвы учила его поощрять. Но это не исключало в его поведении действия личных мотивов. Так, проявляя любовь к справедливости, он демонстрировал свое рыцарское мастерство; и тем же самым он удовлетворял свои похвальные стремления к славе, успокаивал и удовлетворял свою совесть.

Конечно, все рыцари не были религиозны, даже в том смысле, в каком религия понималась в рыцарские времена. Один кавалерист похвалялся, что сжег церковь с двадцатью четырьмя монахами и ее содержимым[171]. Веселье молодости часто вырывалось наружу в остроумных фразах, и выпады буйного духа молодого кавалера не были ни пристойными, ни нравственными. Когда его воображение воспламенялось рыцарством и любовью, он забывал свои четки и говорил, что рай - это всего лишь обиталище грязных монахов, священников и

отшельников, и что, со своей стороны, он предпочитает мысли об уходе к дьяволу, а в своем огненном царстве он уверен в обществе королей, рыцарей, оруженосцев, менестрелей и жонглеров, и, прежде всего, в любовнице своего сердца[172].

Верность обязательствам.

Среди его нравственных добродетелей особенно выделялась безупречная верность обещаниям, ибо его благородство не допускало никаких компромиссов с удобствами или обстоятельствами. Каким бы абсурдным ни был обет, он все равно был вынужден исполнить его со всей строгостью буквы. Несмотря на очевидные неудобства такого поведения, человек часто обещал выполнить любую просьбу другого; и он потерял бы честь своего рыцарства, если бы отказался от своего слова, когда было озвучено желание того, кому было дано обещание. Сэр Шарль дю Блуа пообещал сэру Лойесу Испанскому любой подарок, который тот потребует за оказанную ему услугу. "Тогда, - сказал сэр Лойес, - я прошу вас привести сюда двух рыцарей, которые находятся в тюрьме в Фавете, и отдать их мне, чтобы я поступил с ними по своему усмотрению, ибо они нанесли мне обиду и убили моего племянника. Я отрублю им головы перед городом, на виду у их товарищей". Сэр Чарльз был вынужден подчиниться и отдать рыцарей; он лишь попенял сэру Лойесу на жестокость смерти двух столь доблестных рыцарей и на нецелесообразность такой меры, поскольку она дает повод их врагам поступить с ними подобным образом, когда военная судьба изменит свое лицо[173].

Щедрость.

Единственный пример.

В рыцарстве была щедрость, неизвестная другим видам войны. Если в наши дни усовершенствованной юриспруденции мы с ужасом и презрением вспоминаем времена, когда все вопросы решались мечом, над ними все равно витает атмосфера изящной вежливости, которая очаровывает воображение. Кавалерист всегда обеспечивал безопасный проезд через свои территории всем, кто в этом нуждался, даже тем, кто заявлял о своих притязаниях, которые, в случае их подтверждения, могли лишить его владений. Когда Матильда высадилась возле Арундела, чтобы побороться за трон Англии, Стефан с почетом проводил ее до замка своего брата, графа Глостера.[174] Этот пример рыцарского великодушия кажется неправдоподобным тем, кто смотрит на древние времена сквозь призму современных предрассудков. Это была не пассивная добродетель, отказывающаяся извлечь выгоду из любого несчастья, случившегося с противником, а рыцарь, достающий меч и вкладывающий его в руки своего врага.

Романтический перебор.

Более полной по обстоятельствам и столь же романтической по характеру является следующая история. Около 1388 года сэр Питер Куртенэ, английский рыцарь, отличавшийся доблестью, отправился во Францию, чтобы сразиться с прославленным сэром Ги Тремуйльским. Они проделали один путь с копьями, и тогда король остановил единоборство, сказав, что каждый сделал достаточно. Он сделал незнакомому рыцарю прекрасные подарки и отправил его в путь в Кале под присмотром лорда Клэри, которого наш старый рыцарский летописец характеризует как пылкого и резвого рыцаря. Они ехали вместе, пока не достигли Люсена, где жила графиня Сен-Пуль, сестра короля Англии, первым мужем которой был лорд Куртенэ.

Во время знатных развлечений, которыми она встретила своих гостей, графиня поинтересовалась у сэра Питера его мнением о Франции. Он похвалил страну во всех ее проявлениях и высоко оценил поведение французского рыцарства, за исключением одного: он пожаловался, что ни один из их рыцарей не хочет совершить с ним какой-либо подвиг, хотя он с большими трудностями и затратами покинул Англию, чтобы встретиться с ними. Лорд Клэри с болью слышал, как поносят рыцарей его страны в присутствии сестры короля Англии; но он сдержал свои чувства, поскольку сэр Питер находился тогда под его защитой.

На следующий день они распрощались с графиней, которая, как подобает благородной даме, надела каждому на шею золотую цепь. Они отправились в Кале, и когда они достигли границы и сэр Питер ступил на английскую территорию, лорд Клэри напомнил ему о том, как он говорил на приеме у графини Сен-Пуль о французском рыцарстве, и добавил, что такое мнение не является ни учтивым, ни благородным, и что простой рыцарь, каким он был, должен ответить ему, сказав, однако, что на него повлияла не ненависть к его персоне, а желание сохранить честь французского рыцарства.

Они поспорили на болотах Кале в присутствии знатных кавалеров и оруженосцев обеих наций. Во время второго поединка копье лорда Клэри пронзило плечо сэра Питера, и раненого рыцаря отнесли в соседний город. Лорд Клэри вернулся в Париж, гордый тем, что отстоял рыцарскую честь своей страны, и ожидая похвалы. Но когда стало известно, что странный рыцарь, путешествующий под королевской охраной, должен был совершить подвиг, король и его совет встревожились, опасаясь, что честь их нации запятнана. Кроме того, считалось, что поединок был намеренно смертельным, и это усугубляло преступление. Лорда Клэри вызвали к ним и допросили, как он осмелился так бесчинствовать, чтобы устроить поединок с незнакомым рыцарем, который приехал ко двору короля по доброй любви и для возвышения своей чести, чтобы совершить ратные подвиги, и уехал оттуда с доброй любовью и радостью, и чтобы его не беспокоили при возвращении, он был передан ему в управление.

Лорд Клэри в ответ просто рассказал свою историю и, вместо того чтобы унять гнев своего сеньора, потребовал награды за то, что он защищает французское рыцарство. Он заявил, что подчинится суду коннетабля и верховного маршала Франции, рыцарей и оруженосцев чести всех земель; и так высоко он ценит рыцарство самого благородного рыцаря, сэра Питера Куртенэ, что будет взывать к его голосу и благоразумию.

Несмотря на эту защиту, лорд Клэри был заключен в тюрьму и освобожден оттуда лишь спустя долгое время, когда уговоры графини Сен-Пуль, лорда Бурбона, лорда Куси и других дворян возобладали над королем. Он был уволен с таким упреком и увещанием: "Сэр Клэри, вы полагали, что поступили правильно, но поступили позорно, когда предложили оружие сэру Питеру Куртенэ, который находился под охраной короля и был передан вам для отправки в Кале. Вы совершили великое безобразие, когда повторили слова, сказанные лишь в спортивном порыве перед графиней Сен-Пуль. Прежде чем возобновлять их, вам следовало вернуться к королю, а затем, следуя его совету, последовать ему; поскольку вы этого не сделали, вам пришлось страдать. Будьте осторожнее в другой раз и поблагодарите за свое избавление господина Бурбона и господина Куси, ибо они искренне просили за вас, а также поблагодарите госпожу Сен-Пуль"[175].

Либеральность.

Добродетель либеральности, похоже, была яркой чертой рыцарского характера. Она проистекала из той возвышенности духа, которая считала, что скупость унизила бы героизм, который должен бороться за короны и королевства. Менестрели тех времен, поддерживавшие пламя рыцарства, поощряли эту добродетель превыше всех других, ведь от нее зависело их собственное пропитание. Но часто это проистекало из лучших побуждений, чем гордость или тщеславие. Добрый лорд де Фуа каждый день раздавал у своих ворот по пять флоринов мелкими деньгами беднякам из любви к Богу; и он был либерален и учтив в своих подарках другим, ибо в его покоях были сундуки, из которых он часто брал деньги, чтобы одарить лордов, рыцарей и оруженосцев, которые приходили к нему, и никто не уходил от него без подарка.^[176] Рыцаря учили не считать своим ничего, кроме коня и оружия, которые он должен был хранить как средство обретения чести, используя их для защиты своей религии и страны, а также тех, кто не мог защитить себя^[177].

Смирение.

Рыцарская доблесть была прекрасно омрачена смирением;

"И в порту он кроток, как дева".

Каждый герой, как и рыцарь Чосера, во всем вел себя так, словно он был руках Бога, и от его имени использовал свое оружие, не хвалясь и не превознося себя; ведь похвала считалась порицанием в устах того, кто хвалил свои действия. Считалось, что если оруженосец тщеславится своим оружием, то он недостойн быть рыцарем, ибо тщеславие - порок, разрушающий достоинства и претензии рыцарства.

Герои Круглого стола были зеркалом для всех христианских рыцарей, и великодушная скромность сэра Ланселота отражалась в поведении многих истинных рыцарских воинов. В возвышенных фантазиях романтической Европы этот доблестный друг Артура был самым лучшим из всех героев Британии; однако он всегда уступал место сэру Тристраму и часто удалялся с турнирного поля, когда этот благородный сын оружия совершал свой подвиг. Даже когда он имел право на приз, сэр Ланселот не принимал его, несмотря на предложение короля, королевы и рыцарей; но когда по полю пронесся клич: "Сэр Ланселот, сэр Ланселот выиграл поле в этот день!", этот благородный субъект похвалы воскликнул, напротив, "Сэр Тристрам выиграл поле; ибо он начал первым, а выдержал последним, и так он делал в первый день, во второй и в третий"^[178].

Любезность.

Каталог рыцарских добродетелей еще не завершен; и ничто не может быть прекраснее для нравственного взора, чем некоторые черты древнего рыцарства. Доброта и мягкость манер, которые, перенятые королями из рыцарских обычаев, назывались вежливостью, были свойственны воину средневековья и приятно отличали его от дикой суровости других воинов, будь то римляне или варвары. Вежливость - это проявление в обычных жизненных обстоятельствах того принципа защиты, который в более серьезных вопросах заставлял меч выскочить из ножен; и, как и любое другое благословение нового времени, она берет свое начало в христианской религии. Мир считал, что вежливость и рыцарство сочетаются, а злодейские и нецензурные слова противоречат порядку, основанному на благочестии.^[179] Кто бы ни говорил о настоящем рыцаре - историки или баснописцы, - его всегда называли мягким и обходительным. Быть дебоширом было так же необходимо, как и быть смелым;

"Preux chevalier n'en doutez pas,
Doit ferir hault et parler bas"[180].

Следующий анекдот любопытно характеризует нравы рыцарских веков в отношении качества вежливости: жена и сестра Дю Гесклена жили однажды в замке, который был атакован и взят войском норманнов и англичан. Успех был большим и значительным, но общественное негодование было возбуждено против захватчиков, поскольку они нарушили правила ведения войны и совершили невежливый поступок, удивив и потревожив дам, когда те спали[181].

Повседневная жизнь рыцаря.

Соколиная охота.

Эти военные и моральные качества рыцарства поддерживались и питались всеми обстоятельствами рыцарской жизни, даже мирными. Охота и соколиная охота, развлечения кавалера, были образами войны, и он придавал им изящество, не подвластное простому баронскому званию. Дамы и девицы сопровождали его на соколиной охоте, когда раздавались веселые сигналы горна; и для каждого галантного рыцаря было приятной заботой присматривать за своей дамой и за ее птицей, которая так галантно спала; в нужный момент выпустить сокола на волю, подбодрить его своими криками, взять из его когтей захваченную им добычу, триумфально вернуться с ней к своей даме и, надвинув капюшон на глаза, снова надеть его на ее руку. Каждый истинный рыцарь мог бы сказать, подобно кавалеристу у Спенсера,

"Не есть ли ястреб, что манит ее на насест",
высоко ли возвышаясь, низко ли взирая,
Но я ее полет ищу,
И всю ее добычу и весь ее рацион знаю".

Эти развлечения повседневной жизни постоянно смешивались с гуманитарными науками войны. Эдуарда III, когда он был во Франции в 1359 году, сопровождали шестьдесят пар собак и тридцать сокольников, верхом на лошадях, несущих птиц. Различные бароны в армии имели при себе собак и птиц, как и король. Во время правления Ричарда II, когда герцог Ланкастер находился во Франции и Испании, многие дамы сопровождали армию, поскольку цели экспедиции были не совсем военными; удовольствия занимали его не меньше, чем дела насущные, и в течение месяца или более герцог лежал в Кельне и никуда не отлучался, разве что на охоту или ястреба; герцог и другие лорды Англии взяли с собой ястребов и гончих для собственного спорта и воробьев для дам[182].

Шахматная игра.

Игра в шахматы, слушание песен менестреля и чтение романов были главными развлечениями рыцаря, когда время года и погода не позволяли охотиться. Настоящий рыцарь был шахматистом, и в эту игру играли во всех рыцарских странах; ведь как рыцарские государства средней Европы получили знания о ней от скандинавов, так и южные государства приобрели ее от арабов.

"Когда они пообедали, как вы говорите,
лорды и дамы отправлялись играть;
Одни - за столами, другие - в шахматы,
С другими играми больше и меньше"[183].

История любви рыцарей к шахматам.

О том, как любили наши предки игру в шахматы, свидетельствуют частые упоминания об этом развлечении в старинных романах. Иногда влюбленный добивался допуска в место заточения своей любовницы, позволяя тюремщику выиграть у него партию в шахматы. И снова менестрели в баронском зале распространяли на свою тему все богатство своего воображения. Они были склонны воображать заколдованный замок прекрасной феи, которая вызывала благородного рыцаря сыграть с ней в шахматы. Флаги из белого и черного мрамора составляли шах, а фигуры - массивные статуи из золота и серебра, которые двигались по мановению волшебной палочки, которую держал игрок. Подобные басни показывают состояние нравов: но в истории сохранилась любопытная история, которая демонстрирует практические последствия игры в шахматы. Во время правления Эдуарда III город и замок Эврё были французскими. Один знатный рыцарь по имени сэр Уильям Гравиль, тайно перешедший на сторону англичан, решил, что сможет завоевать это место, и разработал свой план, зная характер правителя. Сначала он обзавелся друзьями среди бюргеров, которые не были сильно привязаны к французскому делу. Поскольку он не объявил себя другом ни одной из сторон, ему разрешили гулять в любом квартале города по своему усмотрению, и однажды он задерживался перед воротами замка, пока не привлёк внимание губернатора. Они приветствовали друг друга и некоторое время беседовали на злободневные темы. Сэр Уильям находил своего слушателя доверчивым к каждой истории, пока, когда он рассказал одну из чудесных неправдоподобностей, губернатор не потребовал у него полномочий. "Сэр, - ответил рыцарь Гравиль, - один кавалер из Фландрии написал мне это под залог своей чести и прислал вместе с письмом самых хороших шахматных мастеров, которых я когда-либо видел".

При упоминании о шахматных человечках губернатор потерял всякое внимание к этой истории и с нетерпением пожелал увидеть их.

"Я пошлю за ними, - сказал сэр Уильям, - при условии, что вы сыграете со мной партию на вино".

Правитель согласился, и сэр Уильям приказал своему оруженосцу позвать шахматистов и привести их к воротам.

Затем два рыцаря прошли через две калитки во двор замка, и пока незнакомец осматривал строение, его верный оруженосец быстро побежал к домам бургомистров и призвал их к оружию. Вскоре они надели сбрую и вместе с ним отправились к воротам замка, где, по обдуманному плану, он подал сигнал в рог.

Услышав его, сэр Уильям сказал губернатору: "Давайте выйдем через вторые ворота, ибо шахматные люди уже прибыли". Сэр Уильям миновал калитку и остался в стороне. Идя за ним, губернатор опустил голову и высунул голову. Сэр Уильям достал из-под плаща небольшой боевой топор и зарубил им беззащитного противника насмерть. Затем он открыл первые ворота, бюргеры вошли в них многочисленным и галантным строем, и замок был без промедления взят[184].

Менестрели.

Песни менестрелей, поэзия трубадуров, романы ученых клерков - все они рассказывали о войне и любви, о рыцарских обязанностях и занятиях. У каждого рыцаря-барона был свой отряд менестрелей, которые сопровождали его на поле боя, а после воспевали в его зале, в своих или чужих стихах, боевые подвиги, прославившие его дом. Одна из ветвей менестрельного искусства состояла в чтении сказок, и тех, кто этим занимался, называли шутами.

"С самого начала я предупреждаю вас, что не стану заниматься напрасной болтовней,
Что я не стану напрасно рассказывать
Ни о ратных делах, ни о любви
Как это делают менестрели и шуты,
Которые во многих местах насмеются
Октовiana и Изембраса,
и многих других шутов,
А именно, когда они приходят на праздники;
А также о жизни Бевиса из Хэмптона,
Который был рыцарем великой славы;
И о сэре Гае из Уорика,
All if it might some men like"[185].

Менестрели играли на различных музыкальных инструментах во время ужина, а после него рассказывали свои стихи и сказки как в зале, так и в покоях, куда бароны и рыцари удалялись для развлечений.

"Перед королем он усадил его,
И взял свою арфу веселую,
И, как он умел,
Много веселых нот он начал.
Король увидел и сел совершенно спокойно,
И слушать его арфу он был не прочь.
Когда он оставил свою арфу,
сказал ему тот богатый король,
Менестрель, мне нравится твое веселье,
Что попросишь ты у меня
Много я тебе заплачу;
So ask now and asay."[186]

Песни менестреля обычно сопровождали вино и пряности, которыми завершалось развлечение. [187] Короли и королевы держали свои отряды певцов, и отчасти из юмора, а отчасти из презрения, главу отряда называли королем менестрелей. [Но люди первого сорта, особенно младшие сыновья и братья великих домов, следовали профессии менестреля, и неудивительно, если правда, что они получали гурдон, не сталкиваясь с опасностями войны; ведь многие отважные рыцари жаловались, что улыбки, ради которых он погиб на поле боя, доставались какому-нибудь праздному сыну мира дома. Личность менестреля была священна, и можно было бы счесть низменным и варварским человека, который не почитал бы того, кто пел героические и нежные песни, волшебные рыцарские строки и мог пролить романтический блеск на жестокие войны и верную любовь.

"В давние времена, как удачно сложилась судьба
Менестрель, странствуя из зала в зал,

Баронский двор или королевский; подбадриваемый дарами

Щедрые, и любовь, и дамские похвалы:

То встречая на пути вооруженного рыцаря,

То отдыхает с пилигримом на берегу

У чистого ручья: под крышей аббатства

В один из вечеров - роскошный ночлег, в другой -

Смиренно, в религиозной больнице;

Или с веселыми разбойниками в лесу;

Или в келье отшельника.

Его, спящего или бодрствующего, разбойник не трогал;

Он шел, защищенный от меча войны.

Благодаря священному инструменту.

Его арфа, подвешенная у путника;

Его дорогой спутник, куда бы он ни шел,

открывая ему легкий путь из края в край.

Мелодией и очарованием стиха"[189].

Каждая страница ранней европейской истории свидетельствует о священном отношении к менестрелю, а романы полны историй, которым, по крайней мере, наше воображение может доверять, о многих рыцарях, рассказывающих свои нежные истории в одежде поющего о любви поэта. Это платье имело еще одно право на уважение, поскольку было сшито как священническая мантия, как мы узнаем из истории о двух странствующих священниках, получивших допуск в монастырь под видом менестрелей; но как только обман был раскрыт, бедных церковников избили и изгнали из монастыря их более счастливые собратья.[190] Менестрель также часто был одет в роскошное платье, подаренное ему бароном в момент радостной щедрости. Граф Фуа после большого праздника подарил герольдам и менестрелям сумму в пятьсот франков; а менестрелям своего гостя, герцога Турренского, он подарил платья из золотой ткани, подбитые горностаем, стоимостью в двести франков[191].

Романсы.

Во времена рыцарства существовал и другой класс поэтов, которые под именами трубадуров, труверов и миннезингеров были распространены по всем рыцарским странам и воспевали качества, с помощью которых рыцарь мог стать приятным для своей госпожи. Совет барона иногда оживлялся тенсоном, или диалогом в стихах, о сравнительных достоинствах любви и войны; и аргументы часто подкреплялись более теплыми чувствами, чем те, которые могли бы повлиять на наемного рифмоплета, ведь арфу трубадура носили короли, лорды и рыцари. Романсы, или поэмы, более длинные, чем светские произведения менестрелей или трубадуров, также были верными служителями рыцарства. Все их герои были защитниками церкви и врагами сарацинов и язычников. Опасные приключения готских рыцарей, их высокая честь, нежная галантность и торжественное суеверие были запечатлены в романах[192], и не было ни одного эркера в баронском зале без рыцарского тома, с которого рыцари и оруженосцы коротали ленивые часы мира.

Выдуманные истории Артура и Карла Великого были предметом изучения и развлечения воинов в минуты отдыха, и даже те немногие реликвии классической литературы, которые после готического шторма были выброшены на берега современной Европы, были заново переработаны рыцарством. Герои Трои были превращены в рыцарей, а Трои и Крессида двигались как воин и девица рыцарских времен. Действительно, поскольку сказка о Трое Божественной была вызвана дамой, она очень легко вписалась в устоявшиеся вымыслы того времени. А романтики, как и менестрели и трубадуры, пользовались большой

благосклонностью вельмож, которые знали, что их деяния, если они не записаны *в клире*, не могут иметь продолжительности, и поэтому часто делали авторам хорошие подарки, чтобы их имена были записаны в никогда не умирающих историях[193].

Разговор.

Разговоры рыцарей, как и их жизнь и литература, касались только любви и войны.

"Тогда все столы были убраны,
И каждый рыцарь, и каждый нежный оруженосец,
Выбирал себе даму с *басчиоманами*[194],
С которой он собирался заниматься спортом и игрой",

Кто-то танцевал, кто-то рисковал;
Кто-то - заниматься любовью, кто-то - веселиться".

Каждый рыцарь был желанным гостем в замке другого рыцаря, хотя бы ради сведений, которые он мог сообщить о ратных делах, совершенных в странах, которые он посетил; и большой прелестью замка графа Фуа, по воображению Фруассара, была приятная компания рыцарей и оруженосцев, пажей и девиц, которую он встречал в зале, палате и дворе, поднимаясь и опускаясь, и разговаривая об оружии и развлечениях[195].

"После мяса они пошли играть,
Весь народ, как ты говоришь;
Кто-то в палату, а кто-то в беседку,
А некоторые - в высокую башню,
А некоторые в зале стояли,
И говорили то, что считали нужным;
Люди, которые были из того рода,
Запрашивали людей других сословий"[196].

Характер и формы рыцарских развлечений.

На таких развлечениях рыцари обычно отдыхали на кушетках или сидели на скамьях. Гостей сажали по двое, и каждой паре полагалась только одна тарелка; ведь есть с кем-то из них на одном блюде считалось самым сильным знаком дружбы или любви.[197] Павлины и фазаны были особой пищей рыцарей по большим и праздничным случаям; о них говорили, что они - пища влюбленных и блюдо для достойных. Павлин был столь же почитаем в рыцарские, как и в классические времена; как Юпитер облачался в мантию из перьев этой птицы, так и папа Павел, посылая королю Пипину меч в знак истинного уважения, сопровождал его мантией, украшенной павлиньим плюмажем. Этим птицам воздавались самые высокие почести; рыцари связывали с ними все свои представления о славе и клялись павлином, как и дамами, совершать свои самые высокие предприятия. Изящное великолепие часто характеризовало обстоятельства, в которых давалась клятва фазана или павлина.

В день общественного праздника, между блюдами трапезы, отряд дам вносил в собрание павлина или фазана, зажаренного в перьях, на золотом или серебряном блюде.[198] Зал украшался сценами, деревянными или другими подобиями людей, животных или природы, все это выражало цель, ради которой давалась клятва павлина. Если речь шла о содействии религиозным войнам, в зал входила матрона, облаченная в одеяния скорби, и, подойдя к помосту, или возвышенному месту, которое окружали главные лорды и рыцари, произносила длинную жалобу в стихах на зло, которое она терпит под игом неверных, и

жаловалась на медлительность Европы в попытках ее освобождения. Затем несколько рыцарей под звуки торжественных менестрелей вышли вперед, к владыке замка, и представили двух дам, которые несли между собой благородную птицу в великолепном блюде. В краткой речи дамы рекомендовали себя под его защиту. Лорд пообещал начать войну с неверными и подтвердил свое решение, обратившись к Богу и Деве Марии, дамам и павлину. Все рыцари, находившиеся в зале, выхватили мечи и повторили клятву; и пока яркие фальчионы и взгляды дам освещали сцену, каждый рыцарь, воспламененный мыслями о войне и любви, добавлял какую-нибудь новую трудность к предприятию или связывал себя тяжкими наказаниями, чтобы достичь его. Иногда рыцарь клялся, что первым вступит на территорию врага. Другие клялись, что не будут ни спать в постели, ни есть со скатерти, ни пить вино, пока не осуществят задуманное. Затем блюдо ставили на стол, и хозяин праздника поручал какому-нибудь именитому рыцарю разделать его так, чтобы каждый гость мог отведать птицу. Пока рыцарь упражнялся в искусстве резьбы и подбора блюд, к собравшимся подошла дама, одетая в белое, чтобы поблагодарить собравшихся, и представила двенадцать девиц, каждую из которых вел кавалер. Эти двенадцать представляли собой эмблематические платья Веры, Милосердия, Справедливости, Разума, Благоразумия, Воздержания, Силы, Щедрости, Милосердия, Усердия, Надежды и Мужества. Под аплодисменты собравшихся эта компания ярких девиц прошла по залу, а затем началась трапеза[199].

Таковы были военные, религиозные и общественные качества кавалера. О более нежных чувствах его сердца лучше всего расскажет следующая глава; и, как мы видели его авантюрным и изобретательным, так мы найдем его любовным и верным[200].

ГЛАВА. V.

ДАМЫ И ДЕВИЦЫ, И ЛЕДИ-ЛЮБОВЬ.

Любезность ... Воспитание ... Музыка ... Граверные науки ... Одежда ... Знание медицины ... Повседневная жизнь девицы ... Рыцарская любовь ... Идолопоклонство рыцарской страсти ... Храбрость, вдохновленная любовью ... Характер женщины в глазах рыцаря ... Особенности его любви ... Качества рыцарей, которыми восхищаются женщины ... Повесть о рыцарской любви ... Постоянство... Отсутствие ревности ... Рыцари, утверждающие оружием красоту своей госпожи ... Раскаявшиеся в любви ... Другие особенности рыцарской любви ... Страсть всеобщая ... История Аристотеля ... Рыцарская любовь - противник феодальных различий ... Но сохранила религию... Когда образовались дружины... Общества рыцарей для защиты дам ... Рыцари Дамы на Зеленом поле ... Обычаи в Англии ... Не рыцарски брать женщин в плен ... Нравы рыцарских времен ... Рыцарские героини ... Королева Филиппа ... Графиня Марч ... Рассказы о Джейн Маунтфортской и Марции дель Убальдини ... Благородство рыцарского женского характера.

Любезность.

Если мы представляем себе рыцаря доблестным, благородным и нежным, то воображение рисует нам даму его любви в столь же справедливых и приятных тонах. Но мы должны не потерять ее индивидуальность в общих выражениях восхищения, ведь у нее был ярко выраженный и своеобразный характер, который можно точно проследить по обстоятельствам ее жизни. Дева нежного происхождения, как и ее брат, воспитывалась в замке какого-нибудь рыцаря или барона, друга ее отца, и многие из ее обязанностей заключались в личном присутствии. Как юный кандидат на рыцарские почести резал за столом, подносил вина и стелил постели своему господину, так и забота сестры заключалась в том, чтобы одевать свою госпожу, музыкой и беседой способствовать ее развлечениям и составлять часть ее государственной свиты[201]: и хотя в этом описании службы не было никакой потери достоинства - практика была универсальной и имела незапамятную древность, - чувства смирения неощутимо входили в разум, а доброе внимание к людям более тяжелой судьбы смягчало суровость феодальной гордости. Таким образом, снисходительное отношение к нижестоящим было долгом, к которому их принуждали моральные наставники. Им представлялся приятный образ воробья-ястреба, который, если его позвать ласково, прилетит и сядет на руку, но если, вместо того чтобы быть вежливым, она будет грубой и жестокой, он останется на острие скалы, не обращая внимания на ее призывы. Любезность со стороны вышестоящих лиц была справедливым правом людей благородного происхождения, хотя и небольшого состояния, ибо благородство всегда заслуживало уважения, а бедняку или женщине его следовало проявлять, потому что оно доставляет им удовольствие и делает честь тому, кто его оказывает. Однажды одна дама в компании рыцарей и дам сняла капюшон и вежливо склонилась перед механиком. Один из ее друзей изумленно воскликнул: "Что вы, благородная дама, вы сняли свой капюшон перед портным?" - "Да, - ответила она, - и я предпочла бы снять его перед ним, чем перед джентльменом", и ее учтивые друзья сказали, что она поступила правильно[202].

Образование.

Музыка.

Умственное образование женщин тех времен не отличалось высоким уровнем. Повторять церковные молитвы, петь короткие стихотворения, называемые lai, или более длинные romaunt - вот единственные задачи, стоявшие перед интеллектом.

"Была у короля дочь дорогая,
Та дева Юсондэ высокая;
Чтоб ликованье услышать
И романсы читать исправно"[203].

Дамы также играли на арфе.

"They were wont to harp and syng,
And be the merriest in chamber comyng."[204]

О тех же особенностях древних нравов рассказывает другой поэт:

"Дама, что была так прекрасна и светла,
На ложе она села прямо,
Арфисты сладостно и тонко пели,

Ее служанки налили вина.
И сэр Дегор сел к ней,
Чтоб послушать, как арфист поет"[205].

Гравитационные науки.

Но иногда в женское образование вводились и более серьезные науки, и Фелис, дочь Роанда, графа Уорика, была не лишена параллелей.

"Нежна она была, и так же скромна
Как гер-фаук, или сокол, чтобы заманить,
Что из росы были и-драу.
Ни одна не была так прекрасна, как она.
Она была обходительна, свободна и мудра,
И в семи искусствах научилась без промаха.
Ее наставники были здесь
Из Тулузы все и некоторые,
Белые и смуглые все они были;
Заняты они были тем, что девицу лечили;
И учили они ее астрономии,
Армсметрии и геометрии;
В софистике она была также остроумна,
Риторике и прочим церковным наукам:
Училась она и музыке;
Из духовенства не было ей равных"[206].

Девичам внушали, что им подобает мягкое достоинство поведения, и, морализируя их долг в тысяче аналогий, их учителя заявляли, что они не должны походить на черепаху или журавля, которые поворачивают лицо и голову выше плеч, а голову, как флюгер; но их взгляд и манеры должны быть непоколебимы, в подражание прекрасному зайцу, который всегда смотрит прямо. Если повод требует, чтобы девица посмотрела в сторону, она должна повернуть визави и тело вместе, и так ее осанка будет более твердой и уверенной; ибо не по-девичьи легкомысленно бросать взгляд и голову, поворачивать лицо то туда, то сюда[207].

Платье.

Простота в одежде была еще одной частью наставлений: но не должно было быть недостатка в драгоценных камнях и других великолепных украшениях в праздничных случаях, и, в соответствии с общим великолепием религиозного культа эпохи, девицам было велено носить свои великолепные одеяния в церкви, а не только на придворных праздниках. В рыцарстве присутствовала серьезность, которая хорошо сочеталась с рекомендацией женщинам не спешить перенимать новые платья, привезенные из чужих стран. Скромность в одежде была темой многих мудрых рассуждений, и в каждом замке была своя история о дочери рыцаря, которая проиграла свой брак, слишком выставляя напоказ достоинства своей фигуры, и что кавалер, который был ее предполагаемым женихом, предпочел ей сестру, обладавшую скромностью, хотя и не красотой, в качестве приданого[208].

Знание медицины.

Все домашнее хозяйство баронского особняка было организовано этими юными девами, и внимание, которое оказывала им эта власть, не в малой степени усиливалось тем, что они вместе с монахами владели знаниями, которыми в ту эпоху обладали незащищенные лекарственные

средства. Этот атрибут мастерства над силами природы был очевидным выводом из того возвышенного, пророческого, и таинственного характера женщин в эпохи, предшествовавшие временам феодализма и рыцарства. Искусство врачевания не сводилось к сложной системе принципов и правил, которые нужно было запомнить, а талант применить, но считалось, что профессора медицины наслаждаются священным общением с мирами, неизвестными обычным умам. Обладание более чем смертными знаниями с готовностью приписывалось такому чистому, неземному существу, как женщина, и рыцарь, который сердцем чувствовал очарование ее красоты, не замедлил поверить, что она может очаровать сами природные стихии, чтобы помочь ему. В различных произведениях можно найти бесчисленное множество отрывков, отражающих нравы рыцарских времен в отношении лечебной практики дам и девиц. Приятный отрывок Спенсера иллюстрирует их ласковое отношение к больным.

"Где много конюхов и оруженосцев готовы были
Взять его с коня нежно;
И прекраснейшая Альма встретила его там
С бальзамом, вином и дорогими пряностями,
Чтоб утешить его в недуге.
Ефтесунэс она велела его отнести,
И руки его легко отняла:
В роскошную постель его уложила,
И, пока раны его перевязывала, рядом с ним оставалась"[209].

Хирургические знания также были необходимым женским достижением, и мы примем доводы кавалера с "высокими мыслями, сидящего в сердце любезности" за столь примечательную черту в их характере. "Хирургическое искусство, - говорит сэр Филип Сидни, - было очень почитаемо, потому что оно способствовало добродетельному мужеству, которое даже дамы, презирая трусов, казалось бы, должны были лелеять".[210] Прекрасная дева могла совершить столько же чудесных исцелений, сколько самая знаменитая и искусная пиявка. Нежная Николетта успешно вылечила несчастный случай, с которым столкнулся ее рыцарь Аукассин.

"Так процветала милая девушка, ее сила одна
Вправила ловко вывихнутую кость;
Затем, набрав диковинных трав добродетели, попробовала,
Пока ее белый плащ снабжал необходимыми повязками:
Много раз она обматывала конечность,
И сила природы вернулась, не зная прежней раны".

Спенсер радуется дамским методом лечения ран.

"Кротко склонилась она, чтобы узнать, есть ли жизнь
еще сохранилась в его застывших членах;
И, почувствовав по пульсу его биение
Что слабая душа его еще в силе,
Она бросилась утешать его от боли:
Его шею, сложенную вдвое, она подняла прямо,
И растирала ему виски и каждую дрожащую жилку;
Его набедренную повязку она сняла,
И с головы его тяжелый бурганет осветила.

В лес отныне она поспешила,
Чтобы искать травы, которые могли бы его вылечить;

Ибо к травам она имела большое намерение,
Наученная нимфой, от которой в младенчестве
В ее роду было истинное благородство.

Соверен пробирается между двумя шарами,
Она насыпала мелкий порошок и разбила на куски;
А потом между двумя лилейными руками
В рану его сок влила;
И вокруг, как она могла использовать,
Плоть с ним она подала и приложила.
Чтоб спазм унять и снять припухший синяк;
И, после того как она глубоко втянула в себя воздух,
Своим платком рану завязала, от холода сохранив"[211].

Повседневная жизнь девы.

Повседневная жизнь юной девы в рыцарские времена описана с большим духом в прекрасной старой английской сказке "Сквайр низкого градуса". Я не знаю ни одного другого отрывка из метрических романов, в котором бы так ярко отображались нравы наших предков. Чтобы развеять меланхолию своей дочери из-за потери возлюбленного, король Венгрии говорит,

"Завтра вы отправитесь на охоту,
И поедешь, дочь моя, в кресле,[212]
Оно должно быть покрыто бархатом красным,
И ткани из золота вокруг головы;
С дамаском белым и лазурью голубой
И лилиями новыми усыпан.
Помело твое будет оканчиваться золотом,
Цепи твои эмалью многократной украшены;
Твоя мантия богатой степени,
Пурпур и горноста́й.

Дженнет Испании, что так бела
Прижаты к земле бархатом ярким.
У вас будут арфа, пила и песня,
И другие мирты;
У вас будет Румни и Мальмезин,
И ипокрас, и вино вернажское,
Роза и вино греческое,
И алградское, и презренное эке;
Антиохийское и бастардовое,
Пимент и гамард;
Вино греческое и мускадельное,
И clare piment, и roschell,[213]
Красное, чтоб желудок твой не выдержал,
И горшочки с осеем вам подавай.

Вы будете есть оленину,[214]
Лучшую дикую птицу, которую можно взять.
И борзых с вами, чтобы поразить,

И на зайца, и на задних, и на других лаек,
Вы будете в таком поединке[215].
Что на кулак вам набросятся и заяц, и олень.
Болезнь тебя прогонит,
Чтоб услышать там горн.
Так домой вы поедете,
На ястреба у реки,
С ястребом и соколом,
С эгле-рогом и мерлином. 216
Когда вы вернетесь домой, ваши люди будут среди вас,
Вы устроите пиршество с танцами и песнями,
Дети большие и малые
Будут петь, как соловей.

Затем вы перейдете к своей четной песне,
С тенорами и трелями среди них,
Три десятка веревок из дамаста яркого
Полные жемчуга, они будут светлыми,[217]
Кадилаицы ваши будут из золота
С лазурью в складках:
Ваш хор и орган не будут нуждаться
Со встречной нотой и дискантом.
Другая половина на органах играет,
А другая половина - на органах играет, И детишки маленькие честно поют.

Затем вы пойдете к ужину,
И сядете в шатрах в зеленой беседке,
С тканью из арраса до земли,
С сапфирами и алмазами.
Соловей, сидящий на терне
Будет петь вам ноты и вечером, и утром.
Сто рыцарей правдиво рассказали,
В переулках холодных играть с чашами,
Чтобы прогнать вашу болезнь,
Чтобы увидеть, как играют рыбы в бассейнах.
А потом гулять в беседке вверх и вниз,
Чтобы увидеть цветы великой славы.
К разводному мосту тогда вы подойдете,
Одна половина из камня, другая из дерева;
Баржа встретит вас, по правую руку,
С двадцатью четырьмя веслами яркими,
С трубами и с кларионом,
По пресной воде грести вверх и вниз.

В покои свои ты их приведешь
С весельем и радостью.
Одеяла твои будут из фустана,
Простыни - из тканей Рейна; 218
Простыня твоя будет из персидской кожи,[219]

С бриллиантами и рубинами яркими.
Когда ты ляжешь в постель столь мягкую,
Клетка золотая будет висеть над головой,
С длинным перцем, что горит,
И гвоздикой, что сладко пахнет,
Франкинсенс и олибанум,[\[220\]](#)
Чтоб во время сна вкусом наслаждаться,
И если вы не можете отдохнуть,
Всю ночь менестрели для вас будут будить".

Рыцарская любовь.

В той необычной системе нравов, которую мы называем рыцарской, религия была главным влиятельным принципом действий; но едва ли меньшее значение, по правде говоря, следует придавать другому чувству, очевидно несовместимому с ней; и если Венеру в греческой мифологии называли универсальной причиной, ее империя, похоже, была не менее обширной во времена рыцарства. Латинский поэт, несомненный авторитет в подобных вопросах, описывает любовь как единственное занятие женщины в жизни, а мужчины - лишь часть[\[221\]](#); а Боккаччо говорит, что сочинял свои сказки для утешения прекрасных и благородных влюбленных дам, которые, заточенные в своих меланхолических покоях, не имели другого занятия, кроме как постоянно вертеть в голове одни и те же мучительные мысли, ставшие невыносимыми из-за стыда и утаивания: В то время как человек мог охотиться, ловить ястребов, ловить рыбу и имел тысячу каналов для своих мыслей.

Но состояние общества в Риме не было похоже на то, что было во времена рыцарства, и хотя Боккаччо жил в те времена, он описывает нравы торговых городов, а не рыцарских дворов, честной Флоренции, а не хмурого баронского замка. Идеи Бога и любви всегда были слиты в сердце истинного рыцаря, и быть любящим было так же необходимо, как и благочестивым. Сервантес выражает рыцарские чувства в признании Дон Кихота, что "рыцарь без любовницы подобен дереву без плодов и листьев, или телу без души". Корабль без руля, конь без уздечки - другие иллюстрации преобладающих настроений, более выразительные для характеристики рыцарской любви, которая закрепляла за женщиной первенство, делала ее руководительницей помыслов и вдохновительницей мужества избранного ею кавалера. "Рыцарь не может быть доблестным, но если он влюбленный", - так говорил сэр Тристрам, доблестный пэр Артура, и ему вторил каждый нежный сын рыцарства.[\[222\]](#) Не факт, что каждый рыцарь ощущал эту силу и чистоту страсти. Спенсер описал четырех кавалеров, и каждый из них представляет большой класс.

"Druon's delight was all for single life,
И любви девичьей не придавал значения;
Тем более Кларибелл был увлечен
Пылким пламенем, и любил без меры:
Так же любил и Бландамур, но по желанию
Менял свои пристрастия и новые леманы доказывал:
А вот Париделл в любви не преуспел,
Но вождедел все, что его двигало:
Так по-разному эти четверо были расположены к любви"[\[223\]](#).

Идолопоклонство рыцарских страстей.

Истинный рыцарь, чей разум был сформирован по лучшим лекалам рыцарских принципов, был более совершенным олицетворением любви, чем когда-либо мечтали поэты и романтики. Прекрасный объект его страсти был истинной и абсолютной хозяйкой его сердца. Она царила там с абсолютной властью. Его любовь была,

"Все обожание, долг и соблюдение".

Наш старый английский поэт Гауэр, чья душа была наполнена романтической нежностью и галантностью, сказал,

"В любом месте, в любом месте,
Как прикажет мне моя госпожа,
Всем сердцем повинуюсь,
I have thereto been diligent."

И каждый галантный дух времен Гауэра, царствования Эдуарда III, говорил о своей госпоже,

"Что она прикажет мне сделать, то я и делаю,
И куда она велит мне идти, туда я и иду.
И когда она зовет, я прихожу,
Я служу, я кланяюсь, я смотрю, я смиряюсь,
Мой взгляд следит за ней.
Что она захочет, то и я сделаю,
Когда она садится, я встаю на колени.
А когда она встанет, я встану,
И когда она возьмет в руки свою работу,
Ткачеством или вышивкой,
Тогда не могу я не музицировать и не причитать,
На ее пальцы длинные и маленькие".

Гауэр, описывая способ ухаживания рыцаря за своей любовницей, нарисовал приятную картину домашней жизни рыцарства.

"А если она захочет уехать,
В паломничество или в другой путь,
Я приеду, хотя меня не просят,
И возьму ее на руки,
И посажу ее в седло мягкое,
И за уздечку ее поведу,
И я не буду бездельничать.
И если она захочет ехать в чаре,
И чтобы я остерегался,
Я приготовлю себя для езды,
Даже рядом с чарами,
И, как могу, я говорю между ними,
А в остальное время я пою песню"[224].

Эти цитаты показывают, что в древности выражение "рыцари - слуги дам" не было простым плодом воображения. Однако примеры из Гоуэра, доказывающие уместность этого названия, не следует считать исключительно рыцарскими. История из Фруассара полностью восполнит этот недостаток. Бурбонский рыцарь по имени сэр Джон Боннеланс, доблестный солдат, любезный и любвеобильный, однажды был в Монферране, в Оверни, и развлекался с дамами и девицами

города. Восхваляя его рыцарство, они уговаривали его предпринять предприятие против англичан, и та, которая, как его возлюбленная, была властительницей его поступков, сказала ему, что хотела бы видеть англичанина, ибо много слышала о доблести английских рыцарей. Боннеланс ответил, что если ему посчастливится взять одного из них, то он приведет его к ней". Вскоре после этого он смог выполнить свое слово. Он отвез в Монферран несколько английских пленников и, обращаясь к той, которая мечтала увидеть англичанина, сказал, "что ради ее любви он привез их в город". Дамы и девицы рассмеялись и превратили это в большую забаву. Они поблагодарили его за любезность и очень мило развлекали его в течение трех дней пребывания в Монферране[225].

Любовь вдохновляла на храбрость.

Рыцарь, чье сердце было согрето истинным светом рыцарства, никогда не желал, чтобы господство его госпожи было менее чем абсолютным, и признание ее совершенной добродетели, которое подразумевало это чувство, заставляло его сохранять свою собственную веру чистой и незапятнанной. Любовь была столь же заметной чертой рыцарского характера, как и доблесть; и, по выражению того времени, тот, кто понимал, как сломать копье, и не понимал, как завоевать даму, был лишь полумужчиной. Он сражался, чтобы завоевать ее улыбки, ибо любовь к храбрым и нежным рыцарям разжигала в них стремление к высокой пустыне и чести. "О! Чтобы моя дама увидела меня!" - восклицал рыцарь в гордом порыве удачи, когда поднимался на городскую стену и своим добрым мечом доказывал достоинства своего рыцарства.[226] Он носил ее цвета, и благосклонность его дамы была главным украшением его упряжи. Она присудила приз на турнире, помогла ему вооружиться и первой и самой радостной приветствовала его возвращение из опасных ситуаций войны.

"Ко мне пришла Дамизель,
Самый красивый из всех, что я видел,
Luffumer[227] никогда не жил на земле,
Она с радостью взяла меня за руку;
И вскоре это нежное создание
Расстегнула мне доспехи.
В покои она меня повела,
И мантией укутала меня;
Она была пурпурной, прекрасной,
А подкладка из богатого горноста;я;
Все народные войны нас обступили,
И не было никого, кто был бы лучше нас двоих;
Она служила мне до конца,
Ее манеры никто не мог изменить;
Из языка она была верна и благородна,
И в поведении мягка и устойчива.
Fullfain I would, if that I might,
С этой милой девушкой победить:
И когда мы продали, пошли в сопёр.
Той даме с лучезарным сердцем,
Ввела меня в зал,
That war we served wele at all"[229].

Характер женщины в глазах рыцаря.

Рыцарский воин шел в бой, гордясь своим званием, преследуемый любовью[230], и в состязаниях рыцарского мастерства, которые, подобно битвам гомеровских героев, придавали войне блеск и великолепие, рыцарь вызывал другого на поединок на копьях ради любви к дамам; и он обращался к хозяйке своего сердца за защитой и помощью. В его сознании женщина была существом мистической силы; в лесах Германии к ее голосу прислушивались как к голосу духа леса, мелодичному, торжественному и оракульному; и когда рыцарство оформилось в систему, то же представление о чем-то сверхъестественно могущественном в ее характере наложило тень серьезного интереса на более мягкие чувства, и ее стали не только любить, но и почитать. В то время как эта преданность души женским чарам проявлялась в его общем общении с полом, в демонстрации почтения, в серьезной и величественной вежливости, к своей возлюбленной он относился с религиозным постоянством. Непостоянство было бы проявлением нечестивости, ведь она была для него не игрушкой, с которой он играл, а божеством, которому он поклонялся. Это обожание ее поддерживало его во всех опасностях, которые стояли перед ним на пути к его сердечному желанию; и верность (слово, утратившее свое первоначальное и благородное значение) была самым лучшим качеством в характере кавалера.

Особая природа его любви.

Этому способствовало и состояние мира, в котором он жил. Он сражался в битвах за свою страну и свою церковь, отправлялся в чужие земли как паломник или крестоносец, ибо таковы были призвания его рыцарства. Быть первым в бою и последним в отступлении - таков был совет, который давал один рыцарь другому, когда его спрашивали о том, как завоевать прекрасную даму. Любовь была венцом благодати, гурдоном его трудов, и ее нежное влияние помогало ему исполнять обязанности его галантной и торжественной профессии. Леди Изабелла, дочь графа Джульерса, полюбила лорда Юстаса Дамбертикура за великое благородство оружия, о котором она слышала от него; ее посланцы часто приносили ему любовные письма, благодаря которым ее благородный спутник становился более выносливым в своих ратных делах.[231] "Я бы лучше любила его мертвым, чем живым", - воскликнула другая девица, узнав, что ее рыцарь пережил свою честь.

Качества рыцарей, которыми восхищаются женщины.

Повесть о рыцарской любви.

Неудивительно, что в те века насилия храбрость была мужским качеством, которое ценилось в глазах женщин превыше всего остального. Обладание ею компенсировало недостаток любого личного изящества; и девица, которая на упрек в любви к некрасивому мужчине отвечала: "Он такой доблестный, что я никогда не смотрела ему в лицо", извиняла свою страсть так, что любая женщина ее времени могла ей посочувствовать. Поскольку мастерство в рыцарских упражнениях было единственным отличием эпохи, нежная дева должна была любить не рыцаря, совершившего высокие подвиги, а кого-то другого, противоречащего ее духу и законам. Поэтому продвижение его славы было одним из самых заветных желаний ее сердца, и она разжигала его любовь к благородным предприятиям, чтобы ускорить час их союза. Поэты и авторы рыцарских романов свидетельствуют о существовании этого чувства и об опасностях, которым подвергались храбрые мужчины, чтобы завоевать улыбки прекрасных дам; но все их рассказы должны уступить в пафосе следующему простому историческому факту: когда шотландцы пытались сбросить иго, наложенное на них Эдуардом I, восстановление замка Дуглас было неустанным трудом доброго лорда Джеймса. Он часто проигрывал и выигрывал; если бдительность английского гарнизона на мгновение ослабевала, шотландцы, жившие поблизости и постоянно находившиеся начеку, помогали своему феодалу вернуть крепость, которую, однако, он не мог долго удерживать против многочисленного рыцарства Англии. Владение этим замком казалось столь опасным, что

возбуждало в груди англичан самые благородные стремления к славе; а одна прекрасная дева, озадаченная количеством рыцарей, которые добивались ее, поклялась, что отдаст свою руку тому, кто сохранит авантюрный или опасный замок Дуглас в течение года и одного дня. Сэр Джон Уолтон смело и с радостью взялся за это предприятие, и, как положено, галантно удерживал крепость в течение нескольких месяцев. В конце концов он был убит во время вылазки, на которую его спровоцировал Дуглас. При нем было найдено письмо, которое он недавно получил от своей возлюбленной, в котором она одобряла его благородный поступок, заявляла, что ее сердце теперь принадлежит ему, и молила его вернуться к ней немедленно, не подвергая себя дальнейшей опасности. Добрый лорд Джеймс Дуглас опечалился, прочитав это письмо, и с его стороны было великодушием и галантностью оплакивать гибель брата-рыцаря, когда самые смелые надежды на счастье, казалось, были близки к осуществлению[232].

Постоянство.

Любовь рыцарских времен, должно быть, часто была омрачена, а состояние Европы было столь судорожным, ее части были так далеко отброшены друг от друга, что течение настоящей любви редко проходило гладко, и вступающие в брак рыцари и дамы чаще дышали желанием уничтожить время и пространство, чем это необходимо в более счастливом однообразии современности. Почти в каждом случае привязанности отсутствие было неизбежно, и постоянство, таким образом, стало необходимой добродетелью рыцарской любви.

"Юный рыцарь, что оружие исповедует,
И через долгие труды охотится за славой,
Остерегайся обмана, остерегайся непостоянства,
В выборе и смене любимой дамы;
И не слишком легкомысленно вини ее,
И от необдуманных поступков сердце отврати;
Ведь для рыцаря нет большего позора.
Чем легкомыслие и непостоянство в любви"[233].

Его любовница постоянно присутствовала в его воображении, и он чувствовал, что будет свидетелем его неверности. Даже если бы он мог выбросить ее образ из головы, чувство чести сохраняло его добродетель, и ответ рыцаря прекрасной искусительнице, что хотя его государыня никогда не узнает о его поведении, но его сердце, которое постоянно находилось рядом с ней, не может быть в неведении, был задуман в самом чистом рыцарском духе.

Отсутствие ревности.

Трубадуры, которые были учителями искусства любви, очень забавно описывали эту почтительную страсть рыцаря. Они утверждали, что если рыцарь видит повод для ревности, то, если его возлюбленная отрицает эти обстоятельства, он должен ответить, что убежден в правдивости ее утверждений, но он действительно верит, что был свидетелем таких-то и таких-то событий[234].

Рыцари утверждали красоту своей любовницы с помощью оружия.

Рыцарская любовь имела как свои нелепости, так и свои пороки. Это была приятная карикатура на рыцарство, когда рыцарь Ламанчи стоял посреди большой дороги, и, обращаясь к купцам Толедо, которые ехали на шелковую ярмарку в Мурсию, запрещал им проезжать, если они не признают, что во всей вселенной нет прекраснее девицы, чем императрица Ламанчи, несравненная Дульсинея дель Тобосо. Ибо рыцари не довольствовались тем, что сражались, защищая дам, и

поединками в их честь, но из экстравагантности их любви каждый рыцарь утверждал на острие своего копья, что его госпожа превосходит красотой всех других дам".[235] Рыцарь Жеан де Сентре (чье рыцарское воспитание уже было описано мной) поклялся носить шлем определенной формы и в течение трех лет посещать дворы Европы, отстаивая перед всеми рыцарями красоту своей любовницы. Его спутниками были четыре рыцаря и пять оруженосцев, давших аналогичный обет. На турнире, устроенном императором Германии, благородное начинание было признано выполненным, и эмблемы этого предприятия были сняты с левого плеча галантных рыцарей и оруженосцев.[236] Действительно, куда бы ни отправлялся рыцарь, ко двору или в лагерь, он утверждал превосходство своей дамы и своей любви, но бросал свои вызовы не простым купцам, как наш достопочтенный рыцарь Дон Кихот, а людям своего ранга, которые были влюблены так же, как и он сам. Примеры такого рыцарского нрава часто встречаются в рыцарской истории: но Сервантес карикатурно изобразил романы, а не трезвые рыцарские хроники, когда в ответ на естественный вопрос одного из купцов о красоте дамы заставил своего героя воскликнуть: "Если бы я однажды показал вам эту красоту, что удивительного было бы в том, чтобы признать столь пресловутую истину? Важность дела заключается в том, что вы должны поверить в нее, признать ее, утверждать ее, клясться ею и поддерживать ее, не видя ее". Но проявление рыцарской храбрости в признании женской красоты исходило из столь благородного чувства, что его нельзя порицать или слишком сурово сатириковать, ибо

"Кто владеет сокровищем
Превыше всех ценностей, но, не обижаясь,
Может славиться радостью обладания им?"

Кающиеся в любви.

Поскольку история, однако, должна быть записью, а не панегириком, я перехожу к наблюдению, что наиболее ярко экстравагантность наших рыцарей проявлялась при дворах любви; но поскольку я подробно останавливался на этой теме в другой работе, я лишен возможности рассматривать ее здесь, и это самая банальная из всех тем рыцарства. Не менее нелепым среди любовных исступлений средневековья было общество кающихся в любви, созданное некоторыми дамами и джентльменами в Пуату в начале четырнадцатого века. Они противопоставляли себя природе во всем, исходя из принципа, что любовь способна совершать самые странные метаморфозы. В самые жаркие месяцы лета они накрывались мантиями, подбитыми мехом, и в своих домах сидели перед большими кострами. Когда наступала зима, они словно горели огнем любви, а их конечности окутывало платье из легчайшей ткани. Это общество просуществовало недолго, и его пример оказался пагубным. Несколько энтузиастов погибли, и разум вновь обрел свою власть[237].

Другие особенности рыцарской любви.

Рыцарь был столь же ревностен в нежных, сколь и в более торжественных привязанностях души. Он верил, что и Бог, и любовь ненавидят черствые и лицемерные сердца. В более смелых проявлениях непочтительности он полагал, что и Бога, и любовь можно смягчить молитвой и что тот, кто верно служит им, обеспечит себе счастье в этой жизни и радости рая в будущей. В других случаях рыцарский дух рассуждал более рационально. Любовь, по словам одного прославленного рыцаря, - это целомудренный союз двух сердец, которые, связанные добродетелью, живут ради счастья, имея лишь одну общую душу и одну общую волю.

"Сеньора моя! (Грюэлан возвращается).
Ярким огнем любви это лоно никогда не горело.
Любви суверенной тайна, таинственная и изысканная,
Это чистое слияние бессмертного разума;

Целомудренный союз двух сердец, созданный добродетелью,
Где каждый из них похож на другого в словах, делах и мыслях,
И каждый сам по себе не остается,
Но одна воля ведет, одна общая душа поддерживает"[238].

Страсть всеобщая.

История Аристотеля.

Так преобладал любовный энтузиазм, что не только поэты воображали себя вдохновенными любовью, но и ученые клерки были ее объектами, и, несмотря на предполагаемую божественность, на ученого, поддавшегося ее очарованию, обрушивалась естественная сатира. В "Confessio Amantis" Гауэра всемогущество любви показано поразительно; ведь помимо тех, кого мы ожидали увидеть у ног богини, перед нами предстают Платон и Сократ, и даже тот, кто был объектом почитания, граничащего с идолопоклонством, в эпохи, которые мы из вежливости называем темными. Гауэр, нравственный Гауэр, говорит с некоторым юмором,

"Я видел там и Аристотеля,
Которого и королева Греции
Укротила, что в тилькское время
Она сделала ему такой силлогизм.
Что он забыл все свои логики".

История, на которой основывается это предложение, была одной из самых популярных в то время. Любовные утехи заставили Александра сделать паузу в карьере честолюбия. Его рыцари и бароны были недовольны этой переменой, и Аристотель, как наставник и хранитель его юношеского курса, попытался вновь пробудить дух героя. Принц не стал долго отвечать на этот призыв к рыцарству;

"Вздыхая, в одиночестве, он воскликнул,
Увы, эти люди, похоже, никогда не любили".

Однако серьезные мысли мудреца пустили корни в сердце Александра, и он удалился от своей госпожи. Некоторое время она оплакивала свою судьбу в одиночестве, но в конце концов, убедившись, что не просто капризы страсти удерживают его от нее, она заставила себя явиться к своему повелителю. Ее красота вымела из его головы все мечты о славе, и в порыве любви он обвинил Аристотеля в том, что тот вторгся в его радость. Но господство его страсти было кратковременным, и, вернув себе воинственный тон души, он заявил о печальной необходимости их расставания. Тогда она попросила о небольшой отсрочке, пообещав убедить царя, что советы его наставника не требуют дополнительных рекомендаций, ибо он нуждается в не меньших наставлениях, чем сам Александр. Поэтому с первыми лучами следующего утра девица отправилась на лужайку перед покоями, где лежал Аристотель. Подойдя к створкам, она нарушила тишину, распевая любовную частушку, и сладость ее диких нот очаровала философа, оторвавшего его от своих занятий. Он тихонько подошел к окну, и перед ним предстала фигура, гораздо более прекрасная, чем любой образ истины, который только что представлялся его воображению. Ее лицо не было закрыто ни вуалью, ни покрывалом, длинные льняные локоны небрежно спадали на шею, а платье, как драпировка на античной статуе, демонстрировало красоту хорошо выверенных конечностей. Она слонялась по дому под предлогом того, что собирает ветку миртового дерева и обматывает ею лоб. Когда уверенность в своей красоте убедила ее в том, что Аристотель сходит с ума от ее любви, она пробралась под створку и голосом, сдерживаемым вздохами, запела, что любовь задержала ее там. Аристотель вдыхал эти восхитительные звуки, и, глядя на нее снова, ее прелести казались еще более великолепными,

чем прежде. Разум слабо шептал, что он не рожден для любви, что волосы его поседел от старости, а лоб изборожден морщинами; но страсть и тщеславие прогнали эти слабые уговоры, и Аристотель перестал быть мудрецом. Девушка небрежно прошла мимо его окна, и в бреду своей любви он уловил развевающиеся складки ее одеяния. Она разгневалась, и он признался в своей страсти. Она выслушала его признание с удивлением, разжигавшим его пламя, и ответила ему, жалуясь на холодность Александра. Седобородый, не заботясь об ответной любви, чтобы она приняла его иск, пообещал поднять свою воспитанницу на ноги, если она окажет ему знаки внимания. Она притворилась, что намерена подчиниться, но заявила, что, прежде чем уступить, ей необходимо потакать глупой прихоти, которая давно отвлекала ее воображение. Тогда Аристотель возобновил свои признания в преданной любви, а она в ответ, срываясь на восклицания, явно стыдясь своей глупости, поклялась, что умирает от желания взойти на спину мудреца и оседлать его. Он был так страстно влюблен, что причуды любовницы показались его уму божественной мудростью, и он тут же бросился на землю ползком. Она уселась в роскошное седло, которое положила ему на спину, и, накинув поводья на шею, побудила его ехать дальше. Через несколько мгновений они достигли террасы под королевскими апартаментами, и король увидел необычное зрелище. Смех из окон пробудил в философе чувство своего состояния, и, увидев своего ученика, он понял, что молодость вполне может уступить любви, поскольку она способна сломить даже мороз возраста.

Такова была басня Аристотеля, которую странствующий менестрель воспевал в баронском зале, а девушка - в беседке своей госпожи, и приятная мораль басни не находила более искреннего отклика в криках галантных рыцарей и оруженосцев, чем в сокрушенных вздохах красавиц.

"Запомните, кто слышит меня, чтобы ни одна позорная тень
Не бросать отныне ни на галанта, ни на девушку.
Ибо здесь, на наглядном примере, мы видим.
Что могучая любовь - владыка человечества.
Любовь побеждает всех, и будет побеждать еще,
И впрямь по всему свету, сколько захочет"[239].

Необычно наблюдать, что на севере и на юге, в Германии и в Лангедоке любовь кавалера носила один и тот же характер, одно и то же сочетание нежных и преданных чувств. Трубадур сжигал бумагу и служил молебны за успех своей любви, а когда пылкая страсть к любовнице сменялась религиозным благоговением, он заявлял, что та часть его сердца, которой владеет Бог, все еще находится под властью его дамы-любви. Немецкий рыцарь писал стихи в честь Девы Марии и девы своего сердца, и не всегда легко отличить, кому из них адресованы его клятвы.[240] Он обожал тень, более того, само соседство своей любовницы и заявлял, что ничто не может побудить его нарушить обет верности. На этом, однако, сходство заканчивается, ибо рыцари Франции, Англии и Испании отличались не более рыцарской вежливостью, чем немцы - свирепостью и дикостью.[241] Однажды, и только однажды, в Германии существовали суды любви. Их учредил Фридрих Барбаросса, и они недолго пережили своего основателя.

Рыцарская любовь - враг феодальных различий.

Рыцарская любовь с удовольствием примиряла и соединяла противоположности мира.[242] Она не была холодным и расчетливым принципом; она отменяла различия богатства и звания, и многие рыцари, вся судьба которых заключалась в их доблести, добивались руки высокородной красавицы. "Как могу я надеяться, - заметил молодой кандидат в рыцари одной даме из высшего сословия, - как могу я надеяться найти девушку благородного происхождения, которая ответит на ласку рыцаря, не благодетельствованного чином, у которого есть только его добрый меч?" - "А почему бы вам не найти ее?" - ответила дама; "Разве вы не нежного происхождения? Разве ты не

красивый юноша? Разве у тебя нет глаз, чтобы смотреть на нее, ушей, чтобы слышать ее, ног, чтобы двигаться по ее воле, тела и сердца, чтобы преданно исполнять ее приказы? И, обладая этими качествами, можешь ли ты сомневаться в том, чтобы приключиться на службе у дамы, каким бы возвышенным ни было ее звание?"[243]

Сквайр низкого ранга часто добивался руки королевской дочери:

"И я видел, что многие пажы
Стали мужчинами от брака".

Проявление страсти и душевной щедрости, подразумеваемое таким положением вещей, вызывало суровый отпор со стороны феодальной гордыни и тирании; но рыцарство не всегда могло победить абсурдные различия в обществе. Когда графиня Верджи ответила на страсть сэра Аголана, она была вынуждена любить тайно, чтобы не оскорбить достоинство бургундского двора.[244] Сами девицы иногда санкционировали предрассудки феодализма, противоречащие великодушным чувствам рыцарства и природы. Фелис, дочь Раханда, графа Уорика, не желала отвечать на страсть Гая, управляющего ее отца, пока ангел во сне не велел ей полюбить его[245].

Но сохранили религию.

Согласие в религиозных взглядах было столь же необходимо, как и симпатия душ в рыцарской любви; и известно немало историй о том, как рыцарь, отдыхая в покоях дамы, вместо того чтобы преклоняться перед божественностью этого места, обрушивался на нее с яростной инвективой против ее религиозных убеждений.[246] В таких случаях он забывал даже о вежливости и позорил свое рыцарство, называя ее языческой гончей:

"Я не ступлю ни ногой на землю
Чтоб говорить с языческой гончей;
Нехристей гончих я призываю бежать,
Или я увижу кровь вашего сердца".

Но

"Пощади, - вскричала она, - мой милый лемман!
(Она упала и зарыдала).
Прости меня, что я оговорилась,
Я хочу, чтобы вы были хорошо оценены!
Я оставлю своих ложных богов,
И Христианство в любовь твою приму".
'On that covenant,' said Sir Bevis than,
"Я буду любить тебя, прекрасная Джосиан!"[247].

Когда зародилась привязанность.

Поводы, которые разжигали пламя любви в сердце рыцаря и рыцарской девы, были самыми разными, и многие из них вполне могли послужить поводом для романтической и восторженной привязанности. Иногда стороны воспитывались в одном и том же замке, и страсть незаметно сменялась детскими забавами. Маскарад и бал часто становились театром любви, но больше других сцен она освещала блестящий турнир. Проводимый в честь и на глазах у дам, именно там любовь проявляла свою самую могучую силу. Та, что вручала приз, почти всегда отдавала свое сердце храброму и умелому победителю, и немало слез проливали она, если узнавала, что рыцарь доказывал свое превосходство лишь для того, чтобы завоевать сердце другой красавицы. Часто случалось, что жизненные обстоятельства приводили молодого кавалера в баронский

замок, где он находил больше опасностей в прекрасной внешности дочери, чем в хмурых стенах ее отца. На пиру, приветствовавшем незнакомца, влюбленные взгляды смешались, а внезапность страсти всегда считалась самым веским доказательством ее чистоты и силы. Тогда девица могла признаться в своей привязанности без всякого нарушения девичьей стыдливости; ведь щедрая, доверчивая любовь, читающая чужое сердце в своем, не боялась мелких побед тщеславия от признания в своей привязанности. Часто случалось, что рыцарь, усталый и израненный, доверялся женской нежности; и Спенсер, читавший как историю, так и романтику рыцарства, говорит нам,

"О глупая медицина и бесплодная боль,
Что лечит одно, а наносит другую рану".

Общества рыцарей для защиты дам.

Рыцари Дамы в Зеленом поле.

Грубое состояние общества, смягчить которое было благородной целью рыцарства, давало множество поводов для проявления щедрых привязанностей, а любовь была благодарным ответом на защиту. Кавалерист по имени Рыцарь Лебедя восстановил одну даму во владениях, которых ее лишил герцог Саксонский. Возмущенные тем, что трон, а не рыцарство, должен считаться источником справедливости, рыцари иногда объединялись в ассоциации с целью защиты прав всех дам, нуждающихся в их помощи. В один из периодов (во время правления Карла VI), когда во Франции царило большое насилие, дамы и кавалеры страны обратились к королю с жалобами на свои страдания от могущественных лордов и сетовали на то, что галантность настолько выродилась, что ни один рыцарь или оруженосец не пытался их защитить. Поэтому они обратились к королю, как к источнику справедливости, с просьбой предоставить им защиту. Этот призыв пробудил дремлющее рыцарство Франции; и доблестный рыцарь и маршал Бусико[248], чье мастерство шута будет описано далее, собрал вокруг себя двенадцать кавалеров, и это братство объявило себя защитниками угнетенных дам и девиц. О галантности их цели возвестил всему миру изображенный на их щитах образ прекрасной дамы на зеленом поле, а их гербовые грамоты, распространенные по всей Франции, обещали, что они будут помогать всем дамам и кавалерам, которые пострадали в своих почестях или судьбе[249].

Обычай в Англии.

Такое же великодушное чувство согревало сердца английского рыцарства. С этой чертой нашего древнего национального характера мы знакомимся не в сухих монашеских хрониках, а на живых страницах одного из самых ранних и великих наших поэтов. Чосер заставляет всех действующих лиц своей драматической истории говорить в соответствии с их рангом и положением в мире; и он вкладывает в уста своего очень совершенного и нежного рыцаря следующее пылкое описание галантных чувств английских дворян и джентльменов во времена Эдуарда III.

"Для каждого рыцаря, что рыцарство любит,
И хотел бы, чтобы его благодарность носила проходное имя,
Молился о том, чтобы быть в этой игре,
И хорошо было тому, кто был избран!
Ведь если завтра такой случай представится,
Вы хорошо знаете, что каждый похотливый рыцарь
Кто любит *любовь* и силу свою,
Будь то в Англии или в другом месте,
Они, благодарю, будут там.
Сражаться за даму - благодеяние,
Это было бы вожаемое зрелище!" [250].

И так продолжалось во все века рыцарской истории. Благородные рыцари, отличавшиеся отменным мастерством, постоянно убивали себя ради женщины. В 1425 году, когда английский герцог Глостер и Иоанн Брабантский оспаривали право на некоторые территории в Иено от имени дамы Жаклин, эти галантные кавалеры, бастард Сен-Поль и Андре де Юмье, появились в Гесдене с серебряными кольцами на правой руке, провозглашая главенство титула Жаклин[251].

Вот несколько исторических фактов, свидетельствующих о том, что древние романтики не рисовали в своем воображении, когда описывали галантных кавалеров, странствующих по мрачным пустошам феодальной Европы, чтобы возместить обиды и оскорбления, облегчить положение вдов и защитить честь девиц. Иногда рыцарь ехал один, и, подобно доблестному Дон Кихоту, оставлял на усмотрение своего коня, куда ему вздумается. В других случаях они отправлялись в путь по три-четыре человека в поисках приключений. Чтобы удивить врага, которого они искали, они меняли или маскировали свои гербовые отличия. Год и один день - таков был общий срок для предприятий такого рода; по окончании они давали своим государыням отчет о своих приключениях и бесхитростно признавались в своих промахах и несчастиях. Поэтому я возвращаюсь к реалиям рыцарства, которые не менее приятны, чем его вымыслы.

Нерыцарственно брать женщин в плен.

Защита вдов и сирот, а также всех дам с добродетельной репутацией была поистине серьезной обязанностью, которая постоянно возникала в воображении доблестного кавалера. Достойным солдатом считался тот, кто предпочитал сражаться за дам и девиц, а не участвовать в напрасных поединках, и с таким же духом считалось, что смерть - слишком незначительное наказание для того, кто мог бы нанести оскорбление или бесчестье, обмануть или обидеть нежную даму. Из этого великодушного отношения к женщине проистекало благородное рыцарское правило, согласно которому брать дам на войне не справедливо и не вежливо.[252] При взятии города герольды завоевателя провозглашали его волю, чтобы ни одна дама или кавалер не подвергались насилию или неудовольствию. В правление Эдуарда III. Кан перешел в руки англичан, и сэр Томас Холланд уберег многих дам, девиц и монахинь от бедствий, худших, чем смерть. Примерно в то же время замок Пойс был захвачен англичанами, и два благородных рыцаря (один из них - знаменитый сэр Джон Чандос) спасли от посягательств двух прекрасных дам, дочерей лорда Пойса. Дамы были приведены в присутствие Эдуарда, который, ради своей чести, поднял им настроение и позволил перенести их в целостности и сохранности в город, дружественный их семье.[253] И щедрые чувства кавалеров к дамам были благородно вознаграждены. Во время войны гвельфов с гибеллинами император Конрад, как оскорбленный государь, отказал гарнизону Виннисберга в капитуляции; но, как учтивый рыцарь, он разрешил женщинам уйти с тем ценным имуществом, которое они могли перевезти сами. Ворота города были распахнуты, и длинная процессия матрон, каждая из которых несла на плечах мужа, отца или брата, безопасно прошла через аплодирующий лагерь[254].

Нравы рыцарских времен.

Некоторые авторы сурово осуждают нравы рыцарской эпохи, и, по их мнению, все виды разврата практиковались ее дамами и девицами. Это мнение столь же ошибочно, как и то, которое оно заменило: в те времена, о которых мы говорим, каждый рыцарь был храбр, а каждая женщина целомудренна; утверждение, которое на первый взгляд несет в себе больше либеральности, чем правды, учитывая, что оно относится к периоду в семь или восемь веков, и что объектами панегирика была большая часть европейского мира. Со своей стороны, я не стану, подобно рыцарю из Ламанчи, вызывать на *поединок с отступлением* любого невежливого кавалера,

который имеет дерзость заявить, что королева Мадасима была скандально знакома с цирюльником-хирургом; но я думаю, что наше воображение не совсем обманывает нас, рисуя дни рыцарства как дни женской добродетели.

Если рассматривать те времена только с точки зрения их баронских и феодальных черт, то картина будет глубоко окрашена пороком, а романы, из которых черпали обличения дамы прошлых веков, не скупятся на изображения разврата. Но рыцарство было золотой нитью, протянувшейся через все средние века, исправителем порока, олицетворением добродетели. То, что ему не всегда удавалось окрасить своей яркостью окружающий мрак, достаточно верно, и времена оправдывали утверждение одного из персонажей "Амадиса де Галля", что наша страна, как и другие, порождает и хорошее, и плохое. В романах мы видим примеры распутства женщин, а также подлости рыцарей: но как никто не станет утверждать, что рыцарство в целом не внушало своим профессорам чувства чести, так и его добродетельное влияние нельзя отрицать в отношении девиц своей эпохи. Не будем, как говорит Спенсер, обвинять весь пол за вину одной.

"Fair ladies that to love captived are
И целомудренные желанья питают в уме,
Пусть не омрачит ее вина ваши милые привязанности;
Не запятнайте щедрость всего женского рода,
Среди тысяч хороших - одна распутная дама:
Среди роз растут злые сорняки:
Ибо это была не любовь, а похоть, склонная к ней;
Ведь любовь всегда приносит щедрые дела,
И в каждом нежном сердце желание чести рождает"[255].

Писатели-романтики были сатириками, но в них было больше юмора, чем злобы. Каждый из них вводит магическое испытание женской добродетели, кубок для питья, мантию или пояс. Это безвредно, а их общее порицание женщин не имеет смысла; ведь они в большинстве своем были людьми распутных привычек и судили о другом поле по меркам своих собственных пороков.

"В безопасности ее я не нашел ни одной женщины.
Чтоб целомудрием была объята
Но была по другим причинам тверда и надежна;
То ли из-за отсутствия подходящего времени и места,
То ли из-за страха стыда и позора"[256].

Таков груз всех их заявлений против женщин; и Спенсер показал, как мало доверия он им придавал, поскольку не из уст кого-либо из своих кавалеров, а от жалкого распутника, ошибочно названного оруженосцем дам[257].

Как бы ни окрашивали нравы рыцарских веков некоторые восторженные умы, все же неоспоримо, что любовь к рыцарю не была простым порывом страсти, но что это чувство было возвышено и облагорожено уважением. Так как природа всегда верна себе, так как определенные причины действовали во все века и во всех странах, то за чистотой любви должна была последовать соответствующая правильность нравов. У женщин были все основания сохранять и поддерживать добродетели, заложенные в них природой; ведь только в отношении тех, кто имел честную репутацию и честь, рыцарь был вынужден в соответствии со своими принципами достать меч; все остальные были вне рыцарской доблести; И хотя в романах можно найти множество примеров женской неосмотрительности, принцесса в знаменитом романе Тиранта Белого точно описывает общее чувство, когда она соглашается потерять все свои претензии на благородное рыцарское покровительство, если не выполнит обещание выйти замуж, данное ею галантному кавалеру, который ее любил.

Рыцари, хотя и были учтивы до высшей степени утонченности, были жесткими и непреклонными цензорами; и в те времена, как и в наши дни, каждый пол формировал характер другого.^[258] Кавалер в путешествии мог написать на двери замка, где жила дама с запятнанной репутацией, какой-нибудь приговор о позоре; и, напротив, он останавливался у дверей дамы чистой чести и учтиво приветствовал ее. Даже в торжественных и публичных случаях между женщинами проводились различия в вопросах церемониала. Если какая-нибудь дама с запятнанной славой оказывалась впереди дамы яркой добродетели, кавалер выходил вперед и менял порядок, говоря той, которая была смещена: "Дама, не обижайтесь, что эта дама опережает вас, ибо, хотя она не так богата и не так хорошо связана, как вы, ее слава никогда не была опорочена"^[259] Здесь, таким образом, рыцарство подтвердило свою чистоту и показало себя как нравственный путеводитель мира. Его тенденции были благотворными, ибо христианство глубоко проникло во все его институты и принципы, и оно не только распространяло за границей порядок и благодать, но и настраивало тон морали на добродетельные поступки.

Рыцарские героини.

Все дамы не были того мнения, как Амадис де Галль, что их лучшее оружие - вздохи и слезы. То, чем они восхищались, им подражали, и пылкая девица наедине с собой снимала мантию, опоясывалась поясом и, вынув меч из ножен, сражалась с воздухом до изнеможения. Галантные рыцарские юноши называли даму с таким боевым темпераментом - *bel cavalier*. Если бы в романах мы встречали дам, участвующих в смертельной схватке, мы бы сказали, что авторы не совсем верно передали нравы того времени; но такие факты зафиксированы трезвыми летописцами. Две дамы решили несколько ожесточенных споров с помощью меча. Каждая из них призвала на помощь отряд кавалеров, и самые крепкие копы Нормандии не потеряли своего достоинства от того, что ими командовала женщина. Леди Элоиза и леди Изабелла скакали в своих рядах с видом опытных вождей, и их состязание, как и состязание народов, закончилось лишь сожжением и разграблением государств друг друга. В крестовых походах отряды прекрасных и благородных женщин сопровождали рыцарство Европы в Святую землю, очаровывая моря, чтобы те "дали им мягкий проход", и перевязывая раны мужей и братьев после тяжелой битвы с дерзкими мусульманами. Иногда они сами владели пламенем, а во время второго крестового похода особенно выделялся отряд дам, запряженных в дорогие доспехи и сидящих на хороших конях. Леди часто носили меч даже в мирное время, и каждая крупная землевладелица сидела *gladio cincta* среди судей на сессиях и присягах.^[260] В Англии, в частности, этот воинский дух был признан, поскольку во времена Эдуарда Первого леди держала поместье в сарджеанстве, чтобы вести авангард армии короля, когда он шел в Уэльс с одним из них; а по возвращении она была обязана выстроить арьергард.^[261]

Королева Филиппа.

Победа англичан над шотландцами при Невилл-Кроссе в основном объясняется энергичным поведением Филиппы, жены Эдуарда Третьего. При дворе своего отца в Гайно она видела войну в ее великолепном образе - турнире; и теперь, в опасный момент, когда король, ее муж, был далеко, а судьба Англии находилась в ее руках, она показала, что не является недостойной ни своего рода, ни своего союза. Она скакала среди сражений или подразделений своего войска, увещевая их исполнить свой долг, защитить честь своего господина, короля Англии, и во имя Бога умоляла каждого мужчину нести доброе сердце и мужество, обещая им, что вознаградит их

лучше, чем если бы ее господин, король, лично находился в поле. Затем она покинула ряды, рекомендовав своим солдатам защиту Бога и Святого Георгия, этого особого защитника королевства Англии. Это увещевание королевы укрепило сердца английских йоменов, и они пустили свои стрелы так яростно и так вместе, что шотландский боевой топор не смог проявить свою заслуженную мощь[262].

Графиня Марч.

На страницах шотландской истории можно найти замечательный пример героизма женщин. В начале 1338 года Уильям де Монтегю, граф Солсбери, по приказу графа Арундела, предводителя армии Эдуарда III, осадил замок Данбар, главный пост, которым шотландцы владели на восточном побережье своей страны. Замок стоял на рифе скал, которые почти опоясывали море, и те его части, которые можно было атаковать, были укреплены с большим искусством. Граф Марч, его повелитель, отсутствовал, когда Солсбери приступил к осаде, но оборона не испытывала недостатка в его присутствии. Его жена была там, и хотя вульгарным духам того времени она была известна, из-за незаслуженной темноты ее глаз и волос, как Черная Агнесса, рыцарские сыны Шотландии с радостью увидели предводительницу в лице пылкой дочери прославленного Томаса Ранульфа, графа Морей. Графиня Марч выполняла все обязанности умелого и бдительного командира. Она воодушевляла свой маленький отряд своими увещеваниями и благотворительностью; она пробуждала храбрецов к героизму и пристыжала робких к мужеству твердостью своей осанки. Когда воинственные машины осаждающих швыряли камни в крепостные стены, она, презирая, приказывала одной из своих служанок вытереть пыль платком, а когда граф Солсбери приказал выдвинуть к подножию стен огромную машину, называемую "свиноматкой", она насмешливо воскликнула: "Берегись, Монтегю, твоя свиноматка вот-вот опоросится", и тут же по ее приказу с крепостных стен сорвался огромный обломок скалы и разнес машину вдребезги. Многие из тех, кто находился рядом, были убиты, а тех, кто выполз из развалин на руках и коленях, шотландцы насмешливо называли "свиньями Монтегю". Потерпев неудачу, он попытался овладеть замком с помощью предательства: он подкупил человека, присматривавшего за воротами, чтобы тот оставил их открытыми; но тот, верный своему долгу, а также денежным интересам, раскрыл всю сделку графине. Солсбери сам возглавил группу, которая должна была войти; обнаружив, что ворота открыты, он двинулся вперед, когда Джон Коупленд, один из его сопровождающих, поспешно прошел перед ним, португеза была спущена, и Коупленд, принятый за своего господина, остался в плену. Графиня, которая с высокой башни наблюдала за происходящим, воскликнула Солсбери с присущим ей юмором: "Прощай, Монтегю; я хотела, чтобы ты ужинал с нами и помогал защищать эту крепость от англичан".

Англичане превратили осаду в блокаду, но все равно безуспешно. Галантность графини была подкреплена некоторыми благоприятными обстоятельствами, и наконец в июне граф Солсбери согласился на прекращение военных действий и покинул это место[263].

Повесть о Джейн Маунтфортской.

Но самой интересной из всех рыцарских героинь была Джейн графиня Маунтфортская, которая, как говорит Фруассар, обладала мужеством мужчины и сердцем льва. Она была достойным потомком тех германских женщин, которых Тацит описывает как смешивающихся с воинами, угощающих и вдохновляющих их на доблесть. Примерно в 1341 году право на герцогство Бретань оспаривалось между графом Маунтфортом и Карлом Блуа. Вопрос упирался в некоторые моменты наследования, которые граф опасался, что парижский суд решит в пользу его соперника, который был родственником французского короля. Поэтому он искал другого союза и, отправившись в Англию, принес дань за герцогство Эдуарду III.[264] Следующие его шаги были направлены в

Париж, но его поездки не были столь тайными, как он ожидал, поскольку, представ перед королем Филиппом, он был обвинен в том, что признал суверенитет английского монарха. Граф притворился, что его поездка в Англию была связана только с его личными делами, но король не поверил его рассказу и, не доверяя его целям, приказал ему остаться в Париже. Маунтфорт, не менее подозрительный к чести своего государя, совершил побег из города под видом купца. Он отправился в Бретань и занял место в Нантском замке. Решение парижского суда было неблагоприятным для его притязаний, и победивший кандидат, Карл Блуаский, собрал армию и преследовал своего бывшего соперника, который был схвачен при отступлении, доставлен в Париж и поселен в Лувре.

Для тех, кто не знал благородного духа своей графини, дело семьи Маунтфорт казалось безнадежным. Она была в Ренне, когда его взяли в плен, и хотя в ее сердце была огромная печаль, она доблестно утешала своих друзей и солдат, а показывая им своего маленького сына Джона, говорила: "Сэры, не слишком огорчайтесь о графе, которого вы потеряли (он был всего лишь мужчиной): посмотрите на моего маленького ребенка, который по милости Божьей станет его восстановителем, и он продвинет вас всех, а у меня достаточно богатства: вы не будете испытывать недостатка; и я верю, что процветать так, что вы все будете успокоены."^[265] Все ее друзья и воины поклялись умереть на ее службе; затем она отправилась в другие свои крепости и города, пополняя их военными запасами и провизией и выставляя своего маленького сына перед народом, чтобы вызвать преданность друзей своей семьи. Она разместилась в Эннебоне, городе, расположенном у берегов Бретани^[266].

Летом следующего года Карл Блуа при поддержке всего французского войска попытался полностью овладеть Бретанью; но графиня так умело распорядилась своими силами, что вместо того, чтобы захватить всю страну, как они рассчитывали, их задержали перед Ренном, и только после долгих трудов они овладели им. Тем временем графиня отправила одного из своих рыцарей, сэра Амери из Клайсона, в Англию, прося королевской помощи при условии, что сын и наследник графа Маунтфорта женится на дочери короля, которая должна была быть украшена великолепным титулом герцогини Бретани. Эдуард III, всегда стремившийся укрепить свою власть во Франции, принял союз и приказал одному из своих самых знатных рыцарей, сэру Уолтеру Манни, присоединиться к доблестной графине с тремя тысячами лучников. После взятия Ренна Шарлю Блуа посоветовали осадить Эннебон; но прежде чем он достиг этого города, Джейн де Маунтфор узнала о его намерениях и приказала зазвонить в сторожевой колокол, чтобы каждый был вооружен и стоял на своем посту. Когда сэр Чарльз и французы приблизились к городу, они разбили свои палатки, но многие из их доблестных и отважных духом людей отправились на стычку с барьерами. Некоторые из кавалеров Хеннебона не позволили им взмахнуть мечами в воздухе, и только ночные тени разделили этих предвестников битвы. На следующий день французы провели в совете, и было решено предпринять общий штурм барьеров. Соответственно, на третье утро они яростно прижались к внешним укреплениям города и продолжали штурм до полудня, когда отступили с уменьшившимися силами. Владыки Франции подняли своих солдат и вновь призвали к штурму, но те, кто находился внутри, защищались доблестно. Сама графиня, одетая в кольчугу и верхом на прекрасном скакуне, скакала из улицы в улицу, призывая своих людей защищать свои посты; и если в грохоте битвы ее женский голос иногда заглушался, ничто не могло омрачить ее ободряющих улыбок, которые зажигали пламя благородного энтузиазма в каждой галантной груди. Она велела дамам и другим женщинам оборвать свои киртели и нести на стены камни и горшки, наполненные известью, чтобы бросить их на врага. Затем она взобралась на башню и увидела, что лагерь французов опустел. Она немедленно приняла решение: собрала вокруг себя триста лучших рыцарей и, взяв в руки таргу и копье и снова сев на своего доброго коня, выехала из города через ворота, которые враг не заметил. Во главе своего доблестного отряда она сделала короткий круг, а затем ворвалась в жилище французов. Когда

нападавшие, оглянувшись, увидели, что их палатки горят, и услышали крики ужаса нескольких мальчиков и варлетов в лагере, они быстро вернулись в свои домики, чтобы остановить пожар. Графиня и ее благородный отряд не смогли справиться с таким огромным войском, и, отрезав себе путь к городу, она отправилась в замок Брест, где ее приняли с великой радостью. Пять дней добрые воины Хеннебона не знали о судьбе своей доблестной госпожи, но на шестое утро они увидели ее золотые знамена, сверкающие в лучах восходящего солнца, и холм вдали, увенчанный благородным отрядом из пятисот копий, который ее красота и правое дело привлекли на ее сторону в Бресте. С извилистым шагом галантных кавалеров, идущих на турнир, они галантно держали путь к городу, с улыбкой бросая вызов боевому фронту французов, и вошли в Геннебон под звуки собственных труб и ликующие крики народа.

Но французы вели осаду с таким мужеством, а их орудия наносили стенам такие страшные повреждения, что воины Эннебона со временем были обескуражены. Все, кроме графини, хотели сдать город на выгодных условиях, но она надеялась на помощь Эдуарда, и пока ее рыцари и воины угрюмо охраняли стены, обращенные к врагу, одинокий стражник расхаживал по валам, обращенным к Англии. Однажды члены ее совета уже собирались принудить ее к покорности, как вдруг, бросив взгляд на море, куда она так часто смотрела безрезультатно, она увидела темную массу, поднимающуюся из-за горизонта. Ее улыбка страшной радости, прежде чем она узнала, что это английский флот, привлекла внимание ее друзей. Все они бросились к окну, но ее взгляд был самым пронзительным, а сердце - самым тревожным, и она первой воскликнула: "Я вижу, что приближается помощь Англии!" Радостная весть быстро распространилась, стены Хеннебона заполонили горожане, и английский флот вошел в гавань. Когда солдаты высадились на берег, она с большим почтением вышла к ним и гостеприимно их накормила. Она поселила рыцарей и других в замке и в городе, где устроила для них залы и палаты, а на следующий день устроила им большой пир за ужином. О подвигах сэра Уолтера Мэнни и его лучников будет уместнее рассказать в другом месте. Осада Хеннебона была снята, и не лишним будет заметить, как черту нрава, что в один из случаев доблести англичан графиня спустилась из замка с радостным ликованием, подошла и поцеловала сэра Уолтера Мэнни и его спутников, одного за другим, два или три раза, как доблестная леди[267].

Через некоторое время было заключено перемирие между сэром Чарльзом Блуа и графиней Маунтфорт, их помощниками и помощницами, и графиня, по приглашению Эдуарда III, отплыла в Англию в сопровождении графов Ричмонда, Пемброка, Солсбери, Саффолка, Оксфорда, баронов Стэмфорда, Спенсера, Буршье и многих других английских рыцарей и их компаний. Когда они находились у острова Гернси, к ним подошел испанский сэр Лойес со своим флотом. Поначалу графиня полагала, что это было сделано с дружеской целью, поскольку сэр Лойес, будучи союзником Карла Блуа, был фактически связан договором, но вскоре она убедилась в его нерыцарских намерениях. Моряки крикнули рыцарям: "Сэры, вооружайтесь скорее, ибо эти генуэзцы и испанцы скоро нападут на вас". В одно мгновение англичане затрубили в трубы, подняли свои штандарты с великим знаменем Святого Георгия и расположились на палубах кораблей, лучники, как и на суше, были впереди.

"Смотрит вдаль, в океан широкий,
Корабль с отважными знаменами,
И флаг на его верхнем галанте я увидел,
Через море веселое летел;
Прекрасный ветер дул в ее грудь,
И небеса были прекрасны все это время,
И казалось, что она танцует от восторга,
И улыбалась своему счастью"[268].

И в таком галантном строю английский флот обрушился на превосходящие силы своего неблагодарного врага. Стрелы одной стороны и арбалеты другой приводили в исполнение смертоносные приговоры, а когда лорды, рыцари и оруженосцы собрались вместе, битва была столь ужасной, что стала предметом песен для менестрелей Англии и Франции на долгие годы. Графиня в тот день стоила самого храброго рыцаря; у нее было львиное сердце, и, держа в руке острый глайв, она яростно сражалась. Они сражались до тех пор, пока не стало так темно, что один едва мог различить другого. Тогда флоты разошлись, мужчины остались в упряжи, намереваясь возобновить битву на следующее утро. Но в полночь поднялась такая страшная буря, что все подумали о приближении конца света; и те самые кавалеры, которые за несколько часов до этого галантно шли на смерть, теперь отказались бы от своего рыцарства и от своего дела, если бы можно было безопасно высадиться[269]. На следующий день битва не возобновилась; английский флот отплыл в Бретань; войска высадились возле Ванна, который они немедленно осадили, причем графиня всегда была впереди всех. Вскоре после этого Эдуард III отправился во Францию, в борьбе за трон которой дела Бретани были потеряны, и благородная графиня Маунтфорт исчезла со сцены[270], а ее муж бежал из тюрьмы только для того, чтобы умереть от лихорадки в Эннебоне[271].

И о Марции.

Через несколько лет после этого прекрасного проявления рыцарского характера женщины во Франции, мрак войны в Италии был освещен благородной чертой женского героизма. Марция, дама из рода Убальдини, столь прославленного своей добродетелью и благородными жестами, была женой Франческо д'Орделаффи, повелителя Форли, единственного князя в Романье, сохранившего независимость от тирании папской власти. Зная ее твердость и силу духа, он доверил защиту города Чезены своей жене, в то время как сам занимал более важный пост в Форли. В начале 1357 года Марция оторвалась от мужа и, отбросив роскошное одеяние мирной власти, облачилась в каску и кирасу. Она расположилась в Чезене с двумя сотнями воинов, экипированных как рыцари, и таким же количеством простых солдат. Ее сопровождали сын и дочь, а также мудрый советник из рода Орделаффи, Сгариглино де Петрагудула. Армия, в десять раз превосходящая по численности всех защитников Чезены, вскоре осадила это место. В конце апреля некоторые из перепуганных бюргеров открыли врагу ворота нижней части города; но в этот опасный момент Марция вспомнила, что ее муж заявил, что, если папа не заключит с ним почетного договора, он выдержит осаду в каждом из своих замков, а когда потеряет их, то будет защищать стены Форли, а затем его улицы, площади, свой дворец и последнюю башню своего дворца, нежели даст согласие на сдачу того, что принадлежит ему. Марция отступила в верхнюю часть города с теми солдатами и горожанами, которые продолжали хранить ей верность. Теперь она узнала, что Сгариглино был предателем. Справедливость восторжествовала, и голова того, кого никакие чувства чести и галантности не могли удержать на пути добродетели, была скачена с крепостной стены среди осаждающей армии. Марция полностью полагалась на свою мудрость и мужество; она взяла на себя все обязанности губернатора и капитана и, надевая свой кирасу и ночью, и днем, мужественно переносила все те трудности, которые в прежние минуты счастья и легкости она считала бы для себя непосильными. Но осаждающие равнодушно улыбались ее мужеству, потому что их шахтеры медленно и верно разрушали ее. Она была вынуждена отступить в цитадель с четырьмя сотнями солдат и горожан, которые поклялись быть верными до смерти. Шахтеры упорствовали, и в конце концов цитадель почти повисла в воздухе. В этот момент в Чезену прибыл отец Марции, проезд которого был облегчен легатом. Он умолял свою героическую дочь сдаться, поскольку храбрость достигла максимума, а осаждающие все равно постепенно одерживали верх. Ее ответ был прост и тверд: муж поручил ей исполнить долг, и она

должна подчиниться, не высказывая никакого мнения о характере его приказа. Народ не поддержал ее героизм, единодушно заявив о глупости дальнейшего сопротивления. Вынужденная сдаться, она сама начала переговоры; и так умело она действовала, так боялась отчаяния, к которому ее могли склонить, что добилась от легата заключения договора, по которому все солдаты, храбро поддерживавшие ее, могли вернуться домой с оружием и снаряжением. 21 июня она открыла ворота цитадели: она не пожелала просить о какой-либо милости для себя; и легат, не тронутый рыцарским сочувствием к женскому героизму, бросил ее и ее детей в тюрьму[272].

Рыцарские титулы дам.

Почетные титулы дам во времена рыцарства способствовали развитию в женщинах воинского духа. Желу рыцаря часто называли equitissa или militissa, или chevalière. Во Франции дамы, управляя вотчинами, имея право войны, суда и чеканки денег, также могли удостоиться рыцарского звания. Но в целом феодальное право противилось женскому рыцарству, поскольку женщина не могла владеть вотчиной, не предполагалось, что она может возглавлять своих вассалов или сопровождать своего сеньора в поле. Поэтому разбросанные по средневековью примеры отважных женских жестов проистекали из рыцарского духа, а не из какого-либо другого принципа общества. Их всегда восхваляли и с радостью вспоминали; и когда руководство войной было полностью узурпировано мужчинами, мир с меланхоличным удовольствием вернулся к рыцарству женского рода.

"Куда делась теперь античная слава,
Которая так часто появлялась в женщинах?
Где храбрые подвиги, совершенные некоторыми?
Где битвы, где щит и копье,
И все завоевания, которые они вели,
О которых слагали стихи знаменитые поэты,
И хвастливых людей, что так часто слышали?
Неужели все они мертвы и лежат в скорбных гробах?
Или все они спят и снова возродятся?"[273]

Хотя "лупоглазые женщины" были "без страха", этот воинственный нрав никогда не проявлялся в жертву более мягким качествам пола. Та самая леди, которая всаживала копье в покой, в своем замке была нежна и обходительна, оказывала гостеприимство, ухаживала за больными или читала романы в зале и беседке. Ее сердце было таким же нежным, как и у той, что качалась на распутных коленях удовольствий. Изображение влюбленной Бритомарт, своей боевой подруги, у Спенсера представляет весь класс рыцарских героинь:

"Отныне перо в ее возвышенном гребне,
взъерошенное любовью, стало скромным;
И гордая осанка, и княжеский жест,
С которыми она раньше торжествовала, теперь поникли,
Печальна, торжественна, кисла и полна слабых фантазий,
Она не знала ни как, ни почему;
Она не знала, глупая дева, что ей плохо,
Но знала, что не в ладах она с головой,
И думала, что это не любовь, а какая-то меланхолия"[274].

Были и другие моменты в характере женщин в рыцарские времена, на которые вряд ли стоит обращать внимание, поскольку они не были свойственны тому времени. Хитрости и уловки некоторых из них подобали бы более утонченным эпохам. Чтобы подавить самонадеянность влюбленных, когда обстоятельства не благоприятствовали признанию в страсти, они осуждали вздохи и взгляды, которыми притворялись, что видят обмен между юными оруженосцами и девицами за столом; но поклонник дамы иногда принимал это поведение за признак кокетливого духа и оставлял даму сетовать на свою тупость.^[275] Рыцарский дух, располагающий сердце ко всем благородным чувствам, не был универсальным в своем влиянии, и мы, соответственно, читаем о дамах, которые были обезображены настроением зависти и недоброжелательности.

"Тогда была дама в доме
Гордой дамой и злобной,
Hokerfull, iche mis-segging^[276]
Squeamous and eke scorning."^[277]

Благородство рыцарского характера.

Но нет нужды продолжать эту тему, ибо речь идет о женщине, сформированной рыцарскими принципами и не лишенной влияния того благородного духа, черты которого я намерен изобразить. То возвышенное мнение, которым она пользовалась, имело, как мы видели, более отдаленное происхождение, чем времена рыцарства, и этому возвышению можно приписать большую часть ее нравственного достоинства. Но рыцарство спасло ее от полного угнетения в рабство и деградации под тиранией феодализма. Эта отвратительная система стремилась подчинить своей власти даже самые сердечные привязанности; ведь женщина не только не могла выйти замуж без согласия своего государя, но в некоторых странах была обязана принять мужа по его предложению, если только за большую денежную плату он не восстанавливал ее привилегии своего пола. Сохраняя женщину в ее благородном состоянии морального достоинства, рыцарство препятствовало суровому осуществлению феодальных прав. Государь, гордившийся своим рыцарством, никогда не мог оскорбить склонности представительницы того пола, который по своим принципам он обязан был защищать и беречь. Рыцарство питало надежду, что красота - награда за храбрость. Доблестного, но безземельного рыцаря часто приветствовало все боевое братство его страны как достойного руки благородной наследницы, и король не мог в каждом случае отдать ее какому-нибудь приспешнику своего двора. Женщина поддерживалась в своем гордом возвышении добродетелями, которых требовало от нее рыцарство; и мужчина отдавал дань уважения ее уму, а также красоте. Она не была простым предметом удовольствия, которую брали или отбрасывали в зависимости от страсти или каприза, но, будучи источником чести, ее образ всегда смешивался с самыми прекрасными видениями его фантазии, и уважительное внимание, которое она, таким образом, встречала, показывало, что она не была недостойной обладательницей славы. Зафиксированная галантными воинами рыцарства в более благородном положении, чем то, которое отводилось ей вежливыми народами древности, все изящные качества ее натуры расцвели в красоту, а карающее влияние женской мягкости и нежности впервые в своей истории испытал мужчина.

ГЛАВА. VI.

ТУРНИРЫ И ПОЕДИНКИ.

*Красота рыцарских видов спорта... Их превосходство над греческими и римскими ...
Происхождение турниров ... Причины их проведения ... Практика владения оружием ...
Вежливость... Кем они проводились ... Квалификация для участия в турнирах ... Церемонии
турнира ... Прибытие рыцарей ... Публикация их имен ... Причины для этого ...
Замаскированные рыцари ... Списки ... Дамы - судьи турнира ... Деликатная вежливость на
турнирах ... Утро спорта ... Рыцари во главе с дамами, которые подражают одежде
рыцарей ... Характер турнирного оружия ... Рыцари носили дамские фаворитки ...
Подготовка... Встреча ... Какие удары копья выиграли приз ... Завершение спортивных
состязаний ... Фестиваль ... Вручение приза ... Рыцари благодарят дам ... Бал...
Либеральность ... Турниры, против которых выступают папы ... Противники
несправедливы ... Поединок ... Описание поединка до отступления ... Поединок между
шотландским и английским рыцарем ... Поединок из-за любви к дамам ... Один случай ...
Поединок между французским и английским сквайром ... Восхитительное мастерство
поединщиков ... Необычные вопросы о поединках ... Граф Уорик ... Знаменитый поединок в
Сент-Инглеберте ... Поединок между лордом Скейлзом и бастардом Бургундии ...
Романтика поединков ... Передача оружия ... Использование турниров и поединков.*

Красота рыцарских видов спорта.

Превосходство над теми, что были в Греции и Риме.

Все наши самые восхитительные представления о рыцарстве связаны с турниром. В зеркале фантазии мы видим изящного и грациозного рыцаря, демонстрирующего на своем плюмажном коне благородство своей осанки, и даму его привязанности, улыбающуюся его галантному мастерству, в то время как восхищенный народ в грубой и сердечной радости громко кричит свои приветствия. На равнине встретились те, кто был прославлен предками или недавно приобрел известность. Жестокость войны сменилась элегантною, и даже феодализм умерил свою суровость, когда потребовалось проявить нежность к дамам и девицам, украшавшим сцену. Баронская помпезность, рыцарская галантность, женская красота, нарядные капарисоны, богатые наряды и феодальная феерия в диком и великолепном беспорядке проносятся перед глазами, когда мы слышим трубный звон герольда, призывающего рыцарей к выступлению. Именно в турнирах рыцарские народы Европы утверждали свои превосходные притязания на изящество и гуманность; ведь хотя греки могли похвастаться своими Олимпийскими играми, но в них женщина не дарила гирлянду, и хотя матроны смешивались с сенаторами в Колизее, а девственница давала сигнал к началу состязаний, развлечением были мучения и смерть их собратьев.

Происхождение турниров.

Наши предки так гордились троянским происхождением, которое вывели для них историки, что даже считали игры, которые Эней устраивал в честь своего умершего отца Анхиза, истоком своих рыцарских поединков и турниров. Но в этих играх не было ни встречи двух копий, как в поединке, ни учтивого боя между двумя партиями воинов, как в турнире. Этот ученый энтузиазм был ненужным и нелепым; ведь рыцари могли бы найти в природе и

тенденциях обстоятельств, а также в практике своих известных и непосредственных предков достаточно поводов для оригинальности. Римляне имели обыкновение упражняться в шуточных поединках, как и готы[278], но доказать какую-либо связь между этими народами было бы трудно. В средние века война была искусством, и ее ведению предшествовало долгое и мучительное обучение. Она была не только развлечением, но и занятием всего мира; славы[279], богатства и женской любви[280] можно было добиться только с помощью галантного поведения. Поэтому мы видим, что мысли о войне не покидали и в мирное время, а смягченные образы сражений украшали праздничные торжества.

Причины их проведения.

Практика в обращении с оружием.

Любезность.

Воинский дух мира питался подобными обычаями, ибо короли всегда стремились проводить турниры для лучшего обучения солдат ратным подвигам.[281] Благотворная природа турниров заключалась в том, чтобы проливать удобства и любезности мира на ужасный фронт войны. Поэтому существовали правила проведения этих изображений битвы, которые ни один рыцарь не мог нарушить, не лишившись рыцарского звания. Главным в этих поединках была демонстрация обращения, с минимальной опасностью для жизни и конечностей, и поэтому мастерство в реальной войне стало цениться больше, чем грубая жестокость. На турнире извлечь выгоду из несчастья противника считалось бы неблагородным, и поэтому даже в самых смертельных схватках народов ни один кавалерист не воспользовался бы случайностью, произошедшей с его противником.

Кем они проводились.

Военные упражнения, когда в них участвовали две партии кавалеров с безоружным оружием, назывались турнирами. Если повод был высоким и торжественным, глашатаи расходились по разным дворам, объявляя о намерении государя провести военные упражнения в определенное время и приглашая всех, кто ценит свое рыцарство и уважает дам и девиц, отправиться в назначенный город и доказать свое рыцарство[282].

В Германии дела обстояли несколько иначе, и об этом следует сказать особо. За исключением Саксонии (у которой были свои турниры), немцы, имевшие право выступать в турнирных списках, были разделены на четыре компании: Рейнскую, Баварскую, Швабскую и Франконскую. Собравшиеся кавалеры назывались рыцарством четырех стран. Каждая страна по очереди проводила турнир, выбирала своего предводителя или спортивного судью, который назначал трех дам для вручения оружия рыцарям, а трех других - для раздачи призов. Обычно одна из дам была женой, другая - вдовой, а третья - девицей[283].

Квалификация для участия в турнирах.

Первоначально в большинстве стран ни один человек не мог участвовать в турнире, если он не доказывал, что по материнской линии является рыцарем благородного происхождения по четырем нисходящим линиям, и не демонстрировал законный плащ-доспех. Но это правило повсеместно смягчалось в пользу выносливых рыцарей, которые не могли похвастаться родовыми почестями.[284] В ранние времена рыцари, будь то баннерет или холостяк, сражались на равнине; но впоследствии оруженосцам (как последователям рыцаря, так и воинам третьего рыцарского сословия) было разрешено сражаться с рыцарями в поединках или турнирах.

Желающим участвовать в турнире всегда разрешалось безопасно пройти через враждебные земли; а тишину и одиночество страны в те мрачные времена приятно разбавляли группы веселых и забавных кавалеров с цепями оруженосцев и пажей, быстро скачущих ко двору под мелодии веселого хора. Особенно часто новоиспеченные рыцари принимали участие в турнирах, чтобы показать, что они заслужили свои шпоры, и утвердить свою доблесть[285].

Не только простые рыцари участвовали в турнирах. Короли и принцы проносились по равнине в галантных и изящных рядах; хотя их звание освобождало их от выполнения многих рыцарских обрядов, но рыцарский дух презирал гордость своего положения, а их души воспламенялись благородным желанием продемонстрировать свою королевскую власть делами высокого рыцарства.

Церемонии турнира.

Прибытие рыцарей.

Публикация их имен.

Поводы для этого.

Переодетые рыцари.

Рыцари обычно прибывали в соответствующие общежития или палатки, отведенные им королями-оруженосцами и герольдами, за некоторое время до дня турнира; они устанавливали свои гербовые знаки над входами и поднимали свои знамена и вымпелы перед парадами. Рыцари, участвующие в турнирах, были известны по своей геральдике, и эта публикация их имен была сделана с очень благородной целью. Если кто-то из них был виновен в нерыцарском поведении, это можно было доказать перед дамами или другими судьями турнира, и они срывали его знамя. Не мог участвовать в турнире тот, кто хулил Бога или оскорблял дам: тот, кто был неверен благодарности и чести; тот, кто нарушил свое слово или бросил брата по оружию в бою, был недостойн присутствовать на великолепном представлении; и высокая рыцарская вежливость поддерживалась законом, согласно которому никто не мог участвовать в турнире, если он без предупреждения напал на своего врага или косвенным путем опустошил его территорию[286].

Эти правила, однако, соблюдались не всегда; кавалерам часто разрешалось участвовать в рыцарских состязаниях, хотя они и отказывались называть себя герольдам. Если они были новичками в оружии и не очень уверены в своих силах, они скрывали свои имена до тех пор, пока не завоевывали славу; если же случайность игры была против них, зрители не знали, кому не удалось завоевать честь. Барон, проводивший турнир, мог быть врагом галантного рыцаря, который из благоразумия не желал заявлять о себе, если только не мог предстать с дерзким видом завоевателя. Иногда лица рыцарей скрывали не обычные доспехи, а обличья, которые фантазия набрасывала на сказочных рыцарей былых времен. Отряд кавалеров, называющих себя королем Артуром и рыцарями Круглого стола, часто врывался в списки, а на их трубный клич отвечал другой отряд, стремительно несущийся с другого конца и называющий себя Карлом Великим и его паладинами. Это был прекрасный способ воплощения рыцарской романтики. Другие маскировки были не столь похвальны; и я могу лишь констатировать как исторический факт, не пытаясь извинить его безумие и нечестивость, что на турнире, состоявшемся в Вальядолиде в 1428 году, короля Кастилии сопровождали двенадцать рыцарей, которые олицетворяли двенадцать апостолов[287].

Списки.

Местом боя служили списки - большое пространство, окруженное веревками или перилами в один или два ряда. Иногда в списках или на площадке делалось деревянное разделение, чтобы лошади противоборствующих рыцарей не сталкивались друг с другом.^[288] Списки были украшены с пышным богатством феодальной власти. Помимо великолепных геральдических знаков у палаток чемпионов, галереи, предназначенные для размещения гордых и радостных зрителей, были покрыты гобеленами, изображавшими рыцарство как в воинственном, так и в любовном обличье: с одной стороны рыцарь с ярким фалангитом, поражающий врагов, с другой - преклоняющий колени у ног красавицы.

Дамы были судьями на турнирах.

Дамы были верховными судьями на турнирах; если на рыцаря поступала жалоба, они выносили решение без апелляции.^[289] Обычно, однако, они передавали свою власть рыцарю, которого за это отличие называли *Рыцарем Чести*. Он носил на конце своего копья ленту или другой знак женской благосклонности; этим знаком власти он призывал самых свирепых рыцарей к порядку и повиновению.

Глашатаи зачитывали рыцарям правила игры и объявляли, на какой приз им предстоит претендовать. Дамы и девы иногда предлагали в качестве награды за доблесть драгоценности, бриллианты, рубины и сапфиры. Но часто награда за славу была более военной; читатель итальянской истории помнит, что на турнире, проходившем во Флоренции в 1468 году, Лоренцо Медичи унес с собой приз - серебряный шлем с фигурой Марса на гребне. На турнирах было принято, чтобы побежденный рыцарь отдавал свои доспехи и коня победителю.

Изысканная вежливость на турнирах.

Ничто не было прекраснее вежливости рыцарских времен. На военном турнире, проходившем в Смитфилде во времена правления Ричарда II, королева предложила золотую корону в качестве награды лучшему поединщику, если он был чужестранцем; если же похвалы удостоивался английский рыцарь, то его наградой должен был стать богатый браслет. Такое же вежливое предпочтение чужеземцам повлияло на рыцарство Англии, и они пообещали дать лорду лучшей пустыни, если это будет иностранный рыцарь, прекрасного коня с его амуницией; но если он будет из их собственной земли, то наградой ему должен быть только сокол.

Утро спортивных состязаний.

Утро турнира,

"Когда наступил весенний день,
Конь и упряжь, шум и гам,
Повсюду в гостиницах был шум"^[290].

Рыцари во главе с дамами,

Затем рыцари выехали на равнину, где стояли лорды, дамы и девицы, рыцарство и красота страны, верхом на богато украшенных конях и полукровках, чьи попоны расстилались по земле. Иногда прекрасная дама вела коня своего избранного рыцаря, и в песне менестреля уздечка становилась золотой цепью любви. В день, назначенный для веселого турнира, в царствование Ричарда II, из лондонского Тауэра выехали сначала три десятка кавалеров,

наряженных для списков, и на каждом - почетный оруженосец, ехавший мягким шагом. Затем появились три десятка почетных дам, восседавших на прекрасных полукровках, каждая из которых вела за серебряную цепь рыцаря, облаченного в поединковую сбрую. Прекрасный и галантный отряд под звуки кларионов, труб и других менестрелей поскакал по улицам Лондона[291], фасады домов сияли боевой славой в богатых знаменах и гобеленах, которые висели на окнах. Они достигли Смитфилда[292], где на богато украшенных галереях уже сидели королева Англии и многие матроны и девицы. Дамы, которые вели рыцарей, присоединились к ним; почетные оруженосцы сошли со своих коней, и рыцари в полном порядке взошли на них.

подражавшие одежде рыцарей.

Такой способ проведения рыцарей на турнир был не единственной приятной прелюдией к спортивным состязаниям. Поскольку в соответствии с общим тоном рыцарских чувств рыцари должны были облачаться в одежду, которую выбирал или одобрял женский вкус, то дамы и девицы с не меньшей учтивостью подражали в своих нарядах подобию рыцарей. Они часто ехали на турнир с поясами, украшенными золотом и серебром, чтобы походить на воинские пояса, и, спортивно держась, орудовали короткими и легкими мечами, украшенными эмблемами любви и войны.

Характер турнирного оружия.

Когда рыцари добирались до списков, их оружие осматривал констебль; и те, у кого каркас и ткань противоречили рыцарскому укладу, отбраковывались. Копья были без наконечников, острия либо полностью удалялись, либо закрывались широкими кусками дерева, называемыми *ракетами*. Галантные нравы эпохи дали таким копьям название *Glaives Courtois*. Мечи были затуплены и изогнуты. Известны случаи, когда рыцари встречались с мечами из китовой кости, обтянутыми пергаментом, а шлем и набедренная повязка были сделаны из кожи.

Однако очень часто турниры превращались в настоящие сражения. Национальное соперничество прорывалось сквозь ограничения рыцарской мягкости; зависть к воинской доблести или к женской любви находила повод выплеснуть свою страсть; и, несмотря на авторитет короля-оруженосца и герольдов, запрещавших оружие насилия, подкуп и власть, похоже, часто вводили его. Как о характере наступательных доспехов можно судить по оборонительной сбруе, так и по законам страны мы можем судить о состоянии нравов. Практика превращения элегантного турнира в смертельную схватку привела к тому, что на всех рыцарей была наложена клятва, что они будут посещать турниры исключительно для обучения военным упражнениям[293]; а по закону Англии, принятому в конце XIII века, широкий меч для турниров был единственным оружием, которое разрешалось рыцарю и оруженосцу; при этом строго запрещались острый меч, острый кинжал, посох или булава. Рыцари-баннереты и бароны могли быть вооружены муфтами, кушаками, наплечниками и черепной коробкой, не более того. Зрителям запрещалось носить какие-либо доспехи, а королю-оруженосцу, герольдам и менестрелям разрешалось носить только привычные мечи без острия.

Рыцари носили дамские фаворитки.

Наклонные доспехи, в которые облачались рыцари, были, как правило, из легкой ткани и великолепны. Их украшения находились под более мягкой властью, чем у королевских

констеблей и маршалов. Если на поле боя железный передок линии кавалеров часто украшали разноцветные знаки дамской благосклонности, то на турнире эти изящные дополнения к доспехам были еще более уместны. Дамы имели обыкновение украшать шлемы своих рыцарей чашечками или прикреплять ленточки к их копьям[294], и кавалерист, удостоенный такой чести, самодовольно улыбался, глядя на украшенный сюртук своего рыцарского соперника.

Желание понравиться прекрасным дамам составляло самую душу турнира.[295] Каждый молодой и галантный рыцарь носил девайс своей госпожи, а более выносливые рыцарские сыновья несли более яростные знаки своих заслуг: но они не были отмечены светлыми судьями турнира, ибо их глаза могли следить только за их собственными эмблемами любви через печать.

Теперь не было слышно ничего, кроме шума и лязга лошадей и доспехов.

"Да увидишь ты, как придумывают харнеи
Так безлюдно[296], и так богато, и так искусно
Из златокузнецов, из браунинга[297] и из стел,
Шхельды яркие, тестеры[298] и траппуры;
Золотые шлемы, хауберки, ларцы;
Лорды в параментах[299], на своих курсистах,
Рыцари свиты и оруженосцы,
Прибывают копья, а шлемы застегивают,
Гниды[300] шельды, с лаинерами[301] на шнуровке;
Они, как и положено, не были праздными:
Кони на золотых уздечках
Грызут, и быстро оружейники тоже
С напильником и молотом, бьющим туда и сюда;
Пешие старшины, и общинников много,
С короткими посохами, толстыми, как они могли уйти;
Трубы, тромпы, накеры[302] и клариуны,
Что в батайске дуют в кровавые души"[303].

Подготовка.

После того как оружие было осмотрено, "*à l'ostelle, à l'ostelle, to achievement knights and squires to achievement*", - кричали глашатаи из стороны в сторону, и кавалеры, поклонившись дамам, удалялись в свои палатки, чтобы надеть сбрую. При возгласе "Выходите, рыцари, выходите" они покинули свои шатры и, сев на своих добрых коней, расположились у своих знамен. Затем офицеры-оруженосцы осмотрели их седла, ибо хотя они и могли прирасти к своим седлам, но это могло быть законным только благодаря благородному владению лошадью, а не благодаря ремням, скрепляющим человека и лошадь[304].

Поединок.

Когда дамы и галантные зрители расположились вокруг списков, а толпы плебейских соглядатаев были приведены в молчание и порядок, герольды следили за жестами рыцаря чести и, уловив его знак, что можно начинать состязания, кричали: "*Laissez aller*". Шнуры, разделявшие две стороны, тут же ослабили, и кавалеры, прикрепив копья к своим упорам и поклонившись своим господам, бросились в бой, а трубы зазвучали прекрасным рыцарским голосом, призывая каждого мужчину к исполнению его обязанностей[305].

За каждым рыцарем следовали его оруженосцы, число которых в Англии, согласно древнему уставу турниров, о котором уже упоминалось, ограничивалось тремя. Они снабжали своего господина оружием, приводили в порядок его упряжь и поднимали его с земли, если противник сбивал его с ног. Эти оруженосцы выполняли и более приятную задачу - были пажами дам и девиц. Они несли слова любви, чтобы оживить мужество и силу измученного кавалера, а ленту, взятую с груди девы, часто посылали ее избранному рыцарю, когда под ударами копий ее первая благосклонность срывалась с того места, где ее прекрасная рука закрепила ее[306].

Рыцарские отряды были настолько слаженными, что одна схватка редко заканчивалась. Копья ломались, кони и рыцари были повержены, и победа текла в обоих концах списков. Воздух оглашался именами дам. Военные клички сменились более мягкими призывами. Каждый благородный рыцарь призывал на помощь свою госпожу, полагая, что в красоте заключена магия, способная поддержать его силу и мужество. "Вперед, доблестные рыцари, прекрасные взоры взирают на вас!" - так кричали пожилые воины, которые теперь могли только смотреть на рыцарские забавы и руководить ими. Оруженосцы кричали при каждом благородном достижении, "Честь сынам храбрых!"[307] Менестрели вторили им в самых громких нотах своей боевой музыки, а рыцарские зрители отвечали криком "Лояльность дамам!".

Какими ударами копьа был завоеван приз.

Острые и натренированные глаза глашатаев отмечали обстоятельства состязания. Сломать копье между седлом и шлемом считалось одним из пунктов или степеней почета. Чем выше по телу было зацеплено или сломано копье, тем большее внимание уделялось ему; а сломать его о шлем считалось настолько трудным делом, что рыцарь, совершивший этот подвиг, считался достойным десяти очков. Выбить из седла одного противника или вывести его из строя так, что он не сможет присоединиться к следующему ходу, - это достижение заслуживало трех очков. Любопытный вопрос возник однажды на турнире, проходившем в Неаполе. Рыцарь ударил своего противника с такой силой, что лишил его щита, кирасы и шлема, и тот, в свою очередь, был лишен лошади. Судьям было трудно определить, кто заслуживает наименьшего порицания; в конце концов, в соответствии с рыцарскими принципами, было решено, что наибольшее бесчестие выпало на долю того, кто упал с лошади, поскольку хорошее владение лошадью было первым качеством рыцаря. Поэтому считалось, что падение кавалера на турнире вместе с лошадью менее позорно, чем падение в одиночку. Тот, кто нес свое копье ловко и твердо, был более достоин похвалы, хотя и не сломался, чем тот, кто неправильно управлял своим конем и сломался. Тот, кто бежал высоко и сидел устойчиво, равномерно и мягко сопровождая своего коня, был достоин всяческой похвалы. Отнять у противника остаток копьа было более почетно, чем унести любую другую часть его упряжи. Сломать копье о лук или подол седла считалось большим позором, чем нести копье без перелома. Столь же бесчестным считалось сломать копье поперек, или через грудь противника, не ударив его острием; поскольку это могло произойти только от того, что лошадь отклонилась на одну сторону, это свидетельствовало о неумелой езде.[308] Рыцарская вежливость поддерживалась законами, согласно которым тот, кто ударил лошадь или человека, когда тот повернулся спиной или был безоружен, не заслуживал чести. Любой боец мог снять с себя шлем, и пока его шлем не был заменен, никто не мог напасть на него[309].

Завершение спортивных состязаний.

Праздник.

Вручение приза.

Рыцарей благодарят дамы.

Когда все рыцари доказали свою доблесть, хозяин турнира опускал своего стражника[310] или подавал знак герольдам, которые кричали "*Ployer vos bannieres*". Знамена, соответственно, были свернуты, и увеселения закончились. Затем честные и благородные зрители спускались со своих галерей и направлялись к месту праздника. Рыцари, участвовавшие в турнире, облачились в мирные одежды и, войдя в зал под протяжные и высокие звуки труб, уселись под шелковыми знаменами, на которых была изображена древняя слава их семей. Над их головами на жердочках восседали любимые соколы, а старым и верным собакам было позволено присутствовать на этом радостном празднике в честь своего хозяина. Иногда рыцари окружали круглый стол в великодушном равенстве. В других случаях использовался феодальный длинный стол с помостом, или приподнятой верхней частью, а для самых храбрых рыцарей отводились места, которые обычно принадлежали гордым и могущественным баронам. 311] Каждый кавалер из прево имел рядом с собой прекрасную даму. Менестрели настраивали свои арфы, восхваляя любезность и доблесть; и когда веселье достигало наибольшей радости, герольды[312] представляли дамам рыцарей, которые достойно вели себя.[313] Она, которую по согласию ее прекрасных спутниц называли *Ла Ройн де ла Болте и дез Амур*, вручала призы коленопреклоненным рыцарям.[314] Эта королева красоты и любви обратилась к каждому из них с учтивой речью, поблагодарив его за выступление и труды, которые он взял на себя в этот день, вручив ему приз как награду дам за его мастерство и закончив пожеланием, чтобы столь доблестный кавалерист имел много радости и поклонения со своей дамой.[Победа была одержана благодаря благосклонности моей госпожи, которую я носил на своем шлеме", - галантно ответил рыцарь; он всегда стремился возвысить честь своей возлюбленной. Поскольку турниры были сценами удовольствий, рыцаря, появившегося в самом красивом обличье, хвалили; и, чтобы завершить рыцарские любезности, благодарили тех, кто приехал на турнир из дальних стран[316].

Бал.

Либеральность.

Затем последовали танцы, в которых рыцари первенствовали в соответствии с их утренними ратными подвигами. И вот, когда сердце каждого возвысилось от рыцарского пыла, глашатаи возвестили о наградах. Либеральность была добродетелью каждого истинного рыцаря, и офицеры-оруженосцы больше следили за его родословной, чем за тем, чтобы он не переступал границ благоразумной и рациональной щедрости.

Однодневные увеселения не всегда завершали турнир: на второе утро рыцари передавали списки своим оруженосцам, которые садились на коней и надевали доспехи и знаки отличия своих господ. Их также вели юные девы, которые имели право судить и вручать приз самому достойному оруженосцу. В конце дня праздник возобновлялся, и награды вручались. На третье утро происходило состязание рыцарей и эскайров в списках, и к суждению дам снова обращались и считали его решающим[317].

Турниры, против которых выступали папы.

Противодействие было несправедливым.

Таковы были общие обстоятельства и законы турниров во времена рыцарства. Эти воинственные упражнения даже пережили свое главное предназначение, ибо стали предметом наслаждения народов[318] после того, как артиллерия вытеснила с поля боя изящную и личную рыцарскую доблесть.[319] Во все времена их существования папский престол решительно выступал против них, прикрываясь соображениями гуманности. Этому вмешательству было небольшое оправдание, поскольку, хотя копья были без голов, а мечи - с отскоками, удар карьера иногда повергал людей и лошадей, а синяки были столь же смертельны, как и раны от копий. Историки Средневековья, которые в целом повторяли пожелания Ватикана, тщательно фиксировали каждый случай гибели человека на турнире; и, возможно, дюжину таких печальных событий упоминают летописцы всех европейских стран в XIV веке: Это число чрезвычайно мало, если вспомнить о характере конфликта; о том, что время, о котором мы сейчас говорим, было самым полуднем рыцарства; и что ни одно общественное событие, ни один брак среди знати и дворянства страны не был отмечен турниром. Ватикан может громогласно запретить христианское погребение тех, кто упал на опрокинутую землю, но рыцари все равно наденут свои великолепные сбруи, чтобы выиграть медали благородной чевизии. В то время как ученые казуисты заявляли с кафедр, что убитые на турнирах непременно прокляты[320], трубы герольдов при каждом баронском дворе призывали рыцарей и оруженосцев к нежным упражнениям и проверке оружия; и хотя фанатичные монахи могли воображать видения, в которых рыцари погибали в адском пламени[321], галантных кавалеров, горячих и радостных от стремления к славе и женской любви, не могли испугать такие праздные фантазмы.

Однако не из искренних соображений гуманности папы выступали против изящных упражнений века; на знаменитом совете, состоявшемся в Лионе в 1245 году, впервые было открыто заявлено, что турниры незаконны, поскольку мешают рыцарству Европы присоединиться к священным войнам в Палестине. Берега Сирии могут пить потоки христианской крови, а папы будут благословлять землю; но если в течение нескольких столетий в списках мира и вежливости произойдет несколько несчастных случаев, все изящные развлечения Европы будут запрещены, и мир погрузится в состояние варварства, от которого его избавило рыцарство. Турниры также были запрещены из-за их дороговизны. Богатство изливало свои сокровища, а искусство проявляло изобретательность в убранстве баронов, рыцарей и дам; даже чехлы для лошадей были настолько богаты, что могли соперничать с капарисами азиатских коней; но папы не видели никакой пользы для общества во всем этом пышном и расточительном великолепии и желали, чтобы все сокровища Запада были влиты в Святую землю[322].

Поединок.

Поединок был еще одним главным видом военных упражнений. Он настолько уступал турниру, что тот, кто участвовал в турнире и давал щедрые деньги герольдам, мог участвовать в поединке без лишних затрат; но поединок не давал свободы турниру и не был самым любимым развлечением, так как для его проведения не требовалась баронская пышность, и многие поединки проводились без запаса дам, ярко распределяющих призов. Существовало два вида поединков: *поединок на выступление (joute à l'outrance)*, или поединок на выступление, и *поединок на удовольствие (joute à plaisance)*, или поединок мира.

Описание поединка на выбывание.

Поединок между шотландским и английским рыцарем.

И, во-первых, о серьезном поединке. Поединок на поединок выражал одиночный бой между двумя рыцарями, которые, как правило, принадлежали к разным нациям. В строгом смысле слова судебный поединок был *joust à l'outrance*, как и всякий поединок, законный или незаконный; но к таким поединкам рыцарство не имеет никакого отношения[323].

В мирное время, в 1398 году, было проведено множество поединков и сражений между шотландцами и англичанами, чтобы доказать их доблестную активность в ратных подвигах, завоевать славу и почет. Самым примечательным был поединок, который состоялся между сэром Дэвидом де Линдси, первым графом Кроуфордом, и лордом Уэллсом в присутствии Ричарда II и его двора. Они договорились[324] проехать определенные дистанции верхом на лошадях, с копьями наперевес, на жизнь или смерть. Местом, назначенным для этих поединков, был Лондонский мост; день - праздник святого Георгия. Отважные рыцари появлялись, облаченные в прочные доспехи, и садились на могучих боевых коней. Они мчались друг на друга со всей яростью смертельной ненависти; и, хотя они и сбились, оба удержались в седлах. Лорд Кроуфорд удержался в седле с такой удивительной твердостью, что люди закричали, что он, несомненно, заперт в седле. Вскоре этот благородный рыцарь спрыгнул со своего коня и, снова вооружившись, вскочил на спину, поразив зрителей своим совершенным владением лошадью. Сражение возобновилось в пешем строю; мастерство шотландца взяло верх, и жизнь лорда Уэллса оказалась в его власти. Теперь де Линдсей проявил рыцарскую грацию и учтивость: он поднял своего врага с земли и преподнес его в дар королеве, желая, как истинный рыцарь, чтобы милость исходила от женщины. Королева поблагодарила доблестного и учтивого шотландца, а затем дала свободу лорду Уэллсу[325].

Поединки из-за любви к дамам.

Женская любовь была таким же частым поводом для поединка, как и национальное соперничество. Многие рыцари во время перерыва в военных действиях выходили из осажденного города и спрашивали, есть ли среди них кавалерист, который ради любви к своей светлой даме готов совершить какой-нибудь ратный подвиг. "А теперь посмотрим, есть ли среди вас влюбленные[326]", - таково было обычное заключение такого претендента, когда он запрягал своего огненного коня и укладывал копье на место. Такое приглашение обычно принималось; если же оно оставалось без внимания, ему разрешалось вернуться к воротам своего города, ибо не считалось благородным окружить и схватить кавалера, предложившего подвергнуть себя столь благородному риску.

Необычный пример.

Две партии французов и англичан встретились по воле случая возле Шербура, и, подобно доблестным рыцарям, каждый желал сразиться с другим. Все они сошли, кроме сэра Лонселота из Лорриса, который сидел на коне твердо и прямо, копье было в его руке, а щит висел на шее. Он требовал устроить поединок ради своей дамы. Среди присутствующих было много тех, кто прекрасно понимал его; ведь среди английских рыцарей и оруженосцев были такие же влюбленные, как и он. Все засуетились, и каждый бежал к своему коню, желая доказать свою галантность в поединке с благородным французом. Первым из толпы выехал сэр Джон Коупленд, и уже через мгновение его пепельное копье пронзило бок Лорриса и ранило его до смерти. Все оплакивали его судьбу, ведь он был выносливым рыцарем, молодым, веселым и прямо-таки влюбленным[327]; а смерть галантного кавалериста всегда оплакивалась его собратьями по оружию, ведь рыцарское товарищество выше национальных различий.

Поединок между французским и английским оруженосцем.

Это благородное рыцарское чувство очень приятно проявилось в одном событии, произошедшем во Франции в 1380 году. Герцог Бретани воспользовался слабостью и смятением, вызванными смертью короля Иоанна, и легко заключил мир со двором нового монарха. Герцог Бекингем, дядя Ричарда II Английского, выступал в качестве союзника герцога Бретани, но теперь, когда война закончилась, он приготовился отвести большую часть своей армии домой. К нему присоединились несколько рыцарей из Шербура, тогда еще английского города, и в соответствии с новыми военными порядками было решено, что они должны вернуться в свой гарнизон; однако им не разрешили надевать сбрую во время похода. Констебль Франции, находившийся в то время в замке Жослен, обеспечил им безопасную доставку. Обнявшись со своими добрыми товарищами в Ванне, они сели на своих полукровок и двинулись в путь. Через час езды они добрались до Жосселина и немного отдохнули в городе, не заходя в замок, намереваясь лишь пообедать там, а затем уехать. Когда они расположились на ночлег, некоторые компаньоны замка, рыцари и оруженосцы, пришли повидаться с ними, как это было принято у военных людей, особенно англичан и французов.

Французский оруженосец по имени Джон Букмелль обнаружил среди незнакомцев оруженосца по имени Николас Клиффорд, с которым в прежние времена он часто обменивался взглядами и словами неповиновения. Подумав, что представился удобный случай для измены, он воскликнул: "Николас, мы не раз желали и замыслили совершить вместе подвиг, и вот теперь мы нашли друг друга в том месте и в то время, когда можем его совершить. Давайте сейчас, в присутствии коннетабля Франции и других лордов, проведем три дистанции в пешем строю с острыми копьями, каждый против другого".

Николас ответил: "Джон, ты прекрасно знаешь, что мы отправляемся в путь под надежной охраной милорда, вашего коннетабля. Поэтому то, что ты от меня требуешь, сейчас невозможно сделать, ибо я не начальник этого конвоя, а подчиняюсь другим рыцарям, которые находятся здесь. Я бы охотно остался, но они не хотят".

Французский оруженосец ответил: "Этим вы себя не оправдаете: пусть ваши люди уходят, если они желают, ибо я обещаю вам по завету, что, когда мы с вами заключим оружие, я доставлю вас в Шербур без всякой опаски. Не сомневайтесь в этом".

Николас ответил, что не хотел оспаривать его любезность, но не может сражаться, так как он и остальные англичане едут без доспехов.

На это возражение француз с готовностью ответил, предложив свои запасы упряжи; и Николас, хотя и был крайне не расположен к поединку, вынужден был сказать, что если лорды, которых он сопровождал, не разрешат поединок здесь, он обещал, что, как только прибудет в Шербур и получит известие о прибытии Джона в Булонь, он придет к нему и передаст свой вызов.

"Нет, нет, - сказал Иоанн, - не ищите отсрочки: Я предлагал и продолжаю предлагать столько почетных вещей, что вы не сможете уйти и сохранить свое доброе имя, не совершив со мной ратных подвигов".

Затем французы удалились в замок, оставив англичан ужинать в своем жилище.

После ужина странствующие рыцари отправились в замок, чтобы потребовать у коннетабля отряд кавалеров, которые проведут их через Бретань и Нормандию до Шербура. Предмет вызова долго обсуждался французами, и, поскольку его исполнение оказалось в их собственных силах, они убедительно попросили своего предводителя запретить дальнейшее

путешествие англичан, пока оружейный подвиг остается незавершенным. Констебль принял чужеземцев ласково, а затем, смягчив суровость своих слов рыцарской вежливостью, сказал им: "Сэры, я арестовываю вас всех, чтобы вы не уехали в этот день; а завтра, после мессы, вы увидите подвиги, совершенные между нашими оруженосцами и вашими; и вы пообедаете со мной, а после ужина отправитесь с вашими проводниками в Шербур".

Англичане были очень рады, что их позвали на рыцарские состязания, и, выпив вина коннетабля, удалились и вернулись в свой домик.

На следующее утро каждый оруженосец отслушал мессу и исповедовался. Затем они вскочили на коней, и, с одной стороны, лорды Франции, а с другой - англичане, поскакали все вместе на равнину, неподалеку от замка Джосселин.

Джон Букмелль приготовил, согласно своему обещанию, две сбруи, хорошую и плохую, и предложил выбор Николасу; но англичанин не только отказался от своего выбора, но и с еще большей любезностью помог Джону вооружиться. Француз, в свою очередь, помог ему надеть другую упряжь.

Вооружившись, они взяли свои копья и двинулись друг против друга пешком, с противоположных концов списков. Приблизившись, они сошлись копьями, и оружие Николая ударило Иоанна в грудь и, проскользнув под кольчугой, вошло ему в горло. Копье сломалось, а железная дубинка осталась в шее. Английский оруженосец прошел дальше и сел в кресло. Француз, казалось, застыл на месте, а его спутники в тревоге подошли к нему. Они сняли с него шлем, и, вытащив дубинку, бедный оруженосец упал замертво. Скорбь по этому событию была всеобщей, но больше всех горевали Николас и граф Марч: первый - за то, что убил доблестного воина, а второй - за то, что Джон Букмелл был его оруженосцем. Констебль сказал своему благородному другу все слова утешения, какие только могла подсказать его доброта, а затем заставил рыцарских зрителей отправиться в замок, в гостеприимном зале которого отбросили всякую склонность к ревности и мести. После ужина английский отряд распрощался с благородным констеблем и под руководством благородного рыцаря, Барруа из Барреса, взял курс на Шербур[328].

Поединки мира.

Теперь я перехожу к описанию поединков мира (*joust à plaisance*). Поединки такого дружеского толка часто происходили завершении турнира; рыцарь, показавший себя достойным награды, выезжал на своем скачущем коне на арену; и, окрыленный аплодирующими улыбками дам и девиц, он призывал окружающих кавалеров своей доблестью и любовью к дамам сразить его тремя ударами копья.

Мастерство поединщиков.

Чаще всего поединки проводились в специально отведенных для этого местах. Если это были мирные поединки, то способ боя всегда специально оговаривался. Рыцарь часто вызывал другого из любви к своей даме на поединок: три удара копьем, три удара мечом, три кинжалом и три топором.[329] Для рыцарей было правилом наносить друг другу удары только по телу, или в четыре четверти, как выражались в те времена. Нарушение этого правила каралось потерей доброго имени и лишением коня и оружия. Иногда оружие было похоже на то, которое использовалось на турнирах, но чаще это было боевое оружие[330]; и хотя копья были острыми, а яркие мечи не были заточены, в этих поединках редко проливалась кровь, настолько поистине восхитительным было воинское мастерство рыцарских воинов. Турниры

интересны в целом своей пышностью и рыцарской галантностью, но поединки дают нам гораздо более любопытные сведения о древних нравах.

Отдельные вопросы, касающиеся поединков.

Но прежде чем я опишу эти боевые забавы, позвольте мне на несколько мгновений обратить внимание читателя на тонкость ума, с которым обсуждались вопросы, касающиеся обстоятельств, происходивших во время поединков.

Два джентльмена договорились сразиться на лошадях, и тот, кто первым упадет, должен был считаться побежденным. По воле случая случилось так, что они оба упали вместе, и мудрых рыцарских духов взволновал вопрос, кто же должен быть признан победителем. Одни считали, что честь должна достаться защитнику, ибо во всех сомнительных случаях следует отдавать предпочтение тому, кто бросил вызов; другие утверждали, что, поскольку падение претендента может быть вызвано его собственной силой, а не добродетелью противника, решение должно остаться в силе: но лучшим и общим решением было следующее: -если бой происходил для испытания мастерства или любви к дамам, претендент должен был потерять честь; если же он происходил для решения какой-либо смертельной ссоры, бой должен был быть возобновлен в другой день, потому что в таких боях не было победы, пока одна из сторон не была либо убита, либо сдалась в плен, либо собственными устами отрицала слова, из-за которых произошел бой.

В другой раз семь рыцарей договорились с семью своими товарищами пройти определенные дистанции ради чести и любви к дамам. Когда состоялся поединок, пятеро из одной стороны проявили рыцарские качества, но два их брата-триллера были повержены. С другой стороны только двое хорошо справились со своими задачами, остальные же потеряли много копий и бегали очень плохо. Тогда спорили, кому отдать честь - пяти молодцам и двум дурным, или двум молодцам и пяти дурным. Поскольку речь шла не о заслугах какого-то конкретного человека, а о том, какая партия в целом лучше всех справилась с предприятием, утверждалось, что честь должна достаться той партии, в которой было больше всего молодцов, несмотря на падение двух их товарищей. На это мнение ответило общепризнанное оружейное правило, согласно которому падение с лошади от силы или умения врагов - самая позорная случайность, которая может случиться с рыцарем. Поэтому утверждалось, что несчастье только двух человек может с полным основанием означать потерю чести для остальных.^[331] Но дальнейшие подробности рыцарских тонкостей не доставят удовольствия, и, удовлетворившись тем, что показали, что ум наших предков был столь же острым, как и их мечи, мы перейдем к опрокидыванию земли.

Граф Уорик.

Один из графов Уорик отправился во Францию, одетый в мирные одежды, но тайно вез с собой упряжь для поединков. В честь своей дамы он установил три щита на трех павильонах, а его герольды объявили о вызове, очевидно, от трех разных рыцарей, среди лордов, рыцарей и почетных оруженосцев Франции. Устройства на его щитах и имена, которые он взял себе, символизировали любовь и войну. Три искусных французских поединщика в три дня подряд касались щитов, и граф, переодевшись в разные обличья, повергал их всех. Теперь они стали его друзьями: он развлекал их с рыцарским великолепием и дарил всем драгоценности. Для себя он приобрел славу, и это было все, чего он желал; теперь он мог вернуться к своей даме и, показав, как он преуспел в своем рыцарском искусстве, с гордостью претендовать на награду за доблесть.^[332]

Знаменитый поединок в Сент-Ингельбертесе.

"Вы не раз слышали, говорят, как забавы дам и девиц ободряют сердца молодых похотливых кавалеров и побуждают их желать и стремиться к почестям"[333].

Такова красивая и романтическая прелюдия к рассказу Фруассара о весьма интересном поединке.

В 1389 году король Карл V пробыл несколько дней в Монпелье, наслаждаясь времяпрепровождением дам; и кавалеры его двора не преминули подражать его фантазии. Особенно выделялись три кавалера. Это были молодой сэр Бусико, сэр Рейнольд Ройский и лорд Сент-Пай. Их доблесть вдохновляла галантность, и они решили совершить высокие подвиги в ближайшее лето; и если бы рыцарь мог вообразить себе какую-либо другую цель, кроме благосклонности своей государыни, то у галантных рыцарей Франции был очень благородный мотив для предприятия, так как в последнее время английский кавалер затронул их честь. Благородное рыцарство, которое было в них, почувствовало на себе пятно, подобное ране; и это обвинение их чести придало форму и цвет задуманному ими поединку; они решили совершить свои подвиги на границе близ Кале, надеясь, что англичане выйдут им навстречу.

Некоторые члены королевского совета не сочли учтивым проведение поединка в таком месте, ибо полагали, что англичане сочтут это самонадеянностью; а более мудрые и благоразумные рыцари роптали, что не всегда следует соглашаться на замыслы молодых людей, ибо от них часто происходят скорее дурные, чем хорошие события. Однако король, который был молод и отважен, отменил все угрызения совести и приказал, чтобы поединок состоялся, поскольку рыцари обещали и поклялись в этом перед дамами Монпелье.

Тогда король послал за тремя рыцарями в свои покои и сказал им: "Господа, во всех ваших делах разумно учитывайте честь нас и нашего королевства; а чтобы сохранить ваше имущество, не жалейте ничего, ибо мы не подведем вас и за десять тысяч франков".

Три рыцаря преклонили колени перед королем и поблагодарили его милость. Этот поединок был настолько важен для национальной чести, что вызов не публиковался до тех пор, пока не был пересмотрен Карлом и его советом.

Он был составлен в следующей форме: "По великому желанию, которое мы имеем, чтобы прийти к знанию благородных господ, рыцарей, эсквайров, чужестранцев, как из народа Франции, так и из дальних стран, мы будем в St. Ingelbertes, в болотах Кале, 20-го числа мая месяца следующего года, и там продолжать тридцать дней, исключая только пятницы, и доставлять всякого рода рыцарей и оруженосцев, джентльменов, чужестранцев любой нации, кто бы они ни были, которые придут туда для того, чтобы разбить пять копий, острых или ракетных, по их желанию; А у нашего жилища будут стоять щиты нашего оружия, как мирные, так и военные, и кто захочет поединка, пусть придет или пришлет за день до него и жезлом коснется того щита, какого пожелает. Если он прикоснется к щиту войны, то на следующий день он поединкует с тем из трех, с которым пожелает; а если он прикоснется к щиту мира, то будет иметь поединки мира и войны; так что тот, кто прикоснется к любому из щитов, пусть покажет свои имена тому, кто будет тогда ограничен нами, чтобы принять их. И все чужестранные рыцари, которые будут участвовать в поединках, должны привести с собой по одному дворянину, который будет проинструктирован нами, что следует делать в этом случае. И мы требуем от всех рыцарей и оруженосцев, чужестранцев, которые придут и будут сражаться, чтобы они не думали, что мы делаем это по какой-либо гордости, ненависти или злой воле, но что мы делаем это только для того, чтобы иметь их почетное общество и

знакомство, чего мы желаем всем сердцем. Ни один из наших щитов не должен быть покрыт железом или сталью, ни один из их щитов, которые придут на поединок с нами, без какого-либо обмана или нечестного преимущества, но все должно быть приказано теми, кому поручено управлять поединками. А чтобы все господа, благородные рыцари и оруженосцы, до которых это дойдет, были уверены в его незыблемости и стабильности, мы скрепили настоящее письмо гербовыми печатями. Написано в Монпелье в двадцатый день ноября, в год Господа Бога нашего тысяча триста четыреста девятой, и подписано так. Рейнольд дю Рой-Бусико-Сент-Пай".

Когда этот вызов был опубликован, английские рыцари и оруженосцы с большим воображением размышляли, как им поступить; большинство из них считали, что им будет очень обидно и неприятно, если такое предприятие произойдет вблизи Кале, без их перехода через море. Поэтому они благодарили французское рыцарство за то, что оно так учтиво откланялось и провело поединок так близко от английских болот.

Итак, в свежем и веселом месяце мае, когда весна была в самом разгаре, три молодых рыцаря Франции сели на своих резвых коней и спортивно проследовали из Парижа в Булонь. Затем они добрались до аббатства святого Ингильберта и с радостью узнали, что несколько рыцарей и оруженосцев из веселой Англии, подобно добрым товарищам, переправились через море и готовятся к поединку. Французы поставили три зеленых шатра в красивом месте между Сен-Ингильбертом и Кале. У входа в каждый шатер они прикрепили по два щита с оружием рыцарей, один щит мира, другой - войны; и снова объявили, что рыцари, желающие совершить ратные подвиги, должны прикоснуться к одному из щитов или вызвать его прикосновение, в зависимости от того, как ему будет угодно, и он будет доставлен по своему желанию.

В день, назначенный для поединков, все рыцарство Франции и Англии высыпало из ворот Сент-Ингильберта и Кале, жаждая галантного поединка. Те, кто предлагал быть просто зрителями, собрались в дружеском союзе, не обращая внимания на национальные различия. Король Франции присутствовал в маскировочном костюме. 334] Три французских рыцаря удалились в свои павильоны, а оруженосцы надели сбрую. Английские поединщики нарядились и заняли свои места в конце равнины, напротив павильонов. Раздался звук кларионов, возвещающий о начале поединка, и труба герольда возвестила о начале поединка.

Когда все затихли в затаенном ожидании, сэр Джон Холланд, граф Хантингдон, медленным и статным шагом высокородного рыцарства выехал из конца списков, выделенных для английских чужестранцев. Это был галантный кавалерист, и он приказал своему оруженосцу коснуться боевого щита сэра Бусико. Не медля ни секунды, этот благородный рыцарский сын, готовый к бою, покинул свой шатер со щитом и копьем. Рыцари хорошо разглядели друг друга, а затем пришпорили своих коней для поединка. Копье сэра Бусико пробило щит английского рыцаря, но прошло безболезненно через его руку, и их добрые кони понеслись в оба конца равнины. Этот ход был высоко оценен. Второй ход был совершенно безвреден, а при третьем ходе лошади ушли в сторону и не хотели с ним справляться. Граф Хантингдон, несколько уязвленный, пришел на свое место, ожидая, что сэр Бусико возьмет копье; но тот не взял, ибо показал, что в этот день больше не будет выступать против графа, который затем послал своего оруженосца прикоснуться к боевому щиту лорда Сент-Пая. Он вышел из своего шатра, взял коня, щит и копье. Увидев, что граф готов, он пришпорил своего коня, и Сент-Пай не с меньшей силой пришпорил своего доброго скакуна. Они скрестили копья: при встрече их кони скрестились, но при скрещивании копий граф оказался непобежденным. Он вернулся к своим оруженосцам и произвольно охнул. Он взял свое копье, а Сен-Пай - свое,

и они снова побежали, и встретили друг друга копьями в середину щитов. От удара оба едва не упали на землю, но спаслись, ухватившись ногами за лошадей, вернулись на свои места и перевели дух. Сэр Джон Холланд, которому очень хотелось поступить достойно, снова взял копье и понуждал своего коня к ускорению. Когда лорд Сент-Пай увидел его приближение, он бросился вперед на своем коне, чтобы встретить его. Каждый из них ударил другого по шлемам с такой силой, что из них вылетел огонь. С помощью этого удара лорд Сент-Пай был освобожден от шлема, и так они проехали и вернулись в свои места. Этот ход был высоко оценен, и французы и англичане говорили, что эти три рыцаря, граф Хантингдон, сэр Бусико и лорд Сент-Пай, хорошо исполнили свои обязанности. И снова граф пожелал, из любви к своей даме, пройти еще один круг, но ему было отказано, и тогда он смешался с рыцарями и зрителями и уступил место другим, ибо все свои шесть кругов он прошел хорошо и доблестно, так что получил похвалу и честь от всех сторон.

Эти благородные поединки продолжались четыре дня.^[335] Галантные чемпионы собирались после заутрени и не сходили с дистанции, пока колокол аббатства не созывал их на молитву. Из благородной компании рыцарей и оруженосцев мало кто не прибавил себе славы; ведь если рыцарь оказывался без каски, он, возможно, не терял стремени, и его восхищали тем, что он выдержал сильный удар.

Благородство поединщиков было таково, что ни один из них не получал смертельной раны.^[336] Единственным оружием было копье. Сбить спесь с противного рыцаря, ударив его передней частью, было главным подвигом, и в яростной схватке с конями этого могли добиться только самая крепкая сила и самое прекрасное мастерство. Шлемы разили огнем, копья разлетались в щепки, а наконечник копья застревал в щите: но иногда щит противостоял копью, и люди и кони отступали к своим шатрам.

Однако каждый галантный рыцарь,

"возвышался до своего места",

И к такому чудесному делу приводил своего коня.

Как если бы он был слит и раздвоен

С храбрым зверем".

Рыцарство и оруженосцы Англии выслали почти сорок своих бойцов, чтобы защитить свое рыцарство, и они с благородством выступили против самых тупых копий Франции. Был только один рыцарь, который опозорил рыцарский орден. По происхождению он был богемцем, по должности - прислужником короля Англии. Его спросили, с кем бы он хотел сразиться. Он ответил, что с Бусико. Тогда они приготовились и побежали вместе, но богемец задел запрещенную часть доспехов, и его сильно упрекнули, что он так опозорил свой ход. По законам поединка он должен был лишиться оружия и коня, но француз из вежливости к англичанам простил его. Богемец, чтобы искупить свой позор, снова потребовал поединка на один ход. Его спросили, против кого он будет выступать; и он послал потрогать щит сэра Рейнольда дю Роя. Этот галантный рыцарь не заставил себя ждать и ответил ему. Они сошлись на середине щитов, и французский кавалерист сбил своего противника с коня; англичане не были недовольны тем, что он был повержен, ведь он так нехорошо поступил на первом ходу.

Этот сэр Рейнольд дю Рой был одним из лучших егерей во всем королевстве Французском, и неудивительно, ибо наш верный и галантный летописец сообщает, что он жил в любви к юной деве, которая помогала ему во всех его делах^[337]. Одним из самых доблестных его противников был нежный рыцарь из Англии, молодой и свежий, веселый танцор и певец, по имени сэр Джон Арунделл. На первом поле они грубо встретились и ударили друг друга по

щитам, но удержались, не упав, и прошли дальше своим ходом. На втором ходу они ударили друг друга по шлемам; на третьем скрестились и потеряли свои шесты; четвертый ход походил на второй; на пятом они разбили свои копья о щиты, и больше сэр Джон Арунделл в тот день не бежал.

По окончании поединков граф Хантингдон, и граф Маршал, и лорд Клиффорд, и лорд Бомонт, и сэр Джон Клинтон, и сэр Джон Дамбретикур, и сэр Питер Шерборн, и все прочие рыцари, которые в те четыре дня сражались с французскими рыцарями, горячо поблагодарили их за развлечение и сказали: "Господа, все, кто хотел сразиться с нами, исполнили свои желания; поэтому теперь мы откланяемся: Мы вернемся в Кале и переправимся в Англию; и мы знаем, что тот, кто захочет поединка с вами, найдет вас здесь в эти тридцать дней, в соответствии с условиями вашего вызова."

Французские рыцари были благодарны за такую любезность, заявив, что все новые приезжие должны быть с радостью приняты; "и мы предоставим их по праву оружия, как это сделали вы; и, кроме того, мы благодарим вас за милость и галантность, которые вы проявили по отношению к нам".

Таким рыцарским образом англичане отбыли из Сент-Ингильберта и поскакали в Кале, где пробыли недолго, так как в субботу после этого они взяли корабль и отплыли в Дувр, достигнув его к полудню. В воскресенье они отправились в Рочестер, а на следующий день - в Лондон, откуда каждый вернулся к себе домой.

Три французских рыцаря оставались тридцать дней в Сент-Ингильберте, но больше ни один англичанин не пересекал море, чтобы совершить с ними какой-либо подвиг[338].

Поединок между лордом Скейлзом и бургундским бастардом.

Пожалуй, самым интересным поединком в Средние века был тот, что состоялся между лордом Скейлсом, братом королевы Эдуарда Четвертого, и бастардом Бургундским. Многие из обстоятельств, сопутствовавших ему, носят поистине рыцарский характер[339].

17 апреля 1465 года королева и некоторые придворные дамы, в настроении безобидного веселья, прикрепили золотой ошейник, эмалированный богатым сувенирным флюром[340], к бедру этого достопочтенного и любвеобильного рыцаря, Энтони Вудвилла, лорда Скейлза, для проведения конных и пеших состязаний. [Самым знаменитым кавалером в то время был Бастард Бургундский, и лорд Скейлз, соответственно, обратился к нему с учтивой речью, восхваляя его доблесть и клянясь перед Богом и дамами, что его собственное великое желание - соперничать с его славой. Дабы между ними существовали любовь и братство, ставшие рыцарским поклонением, он рассказал об этом приятном приключении при дворе Англии и потребовал от Бастарда, чтобы тот, в знак уважения к рыцарской чести, оказал ему такую услугу, как освобождение его от обязательств. Граф Вустер, лорд Верховный констебль Англии, подтвердил факт доставки сувенирного флюра лорду Скейлзу и разрешение короля его герольду переправиться через море в Бургундию.

Бастард получил письмо в последний день апреля и с разрешения своего отца, герцога Бургундского, согласился помочь лорду Скейлзу в осуществлении его затеи. Лорд Скейлз и весь английский двор с радостью и благодарностью восприняли эту новость, и Эдуард предоставил авантюристу-бургундцу, графу Роше и тысяче человек в его компании

безопасный пропуск в Англию, чтобы совершить определенные подвиги вместе со своим горячо любимым братом Антонием Вудвиллом, лордом Скейлзом и Нуселлом[342].

Бастард отплыл в Англию в благородном сопровождении четырехсот рыцарей из западного рыцарства своего отца. По приказу Эдуарда король-оруженосец Гартер встретил его в Грейвсенде. Галантная эскадра отплыла в сторону Лондона, и в Блэкуолле к ней присоединился граф Вустер, сопровождаемый знатным отрядом лордов, рыцарей и оруженосцев, а также многими олдерменами и богатыми горожанами Лондона. Бургундский лорд высадился в Биллингсгейте и был встречен еще одним представителем знати и торговли Англии (столь велик был интерес к ожидаемому поединку), который провел его верхом через Корнхилл и Чип во дворец епископа Солсберийского на Флит-стрит, который королевская вежливость определила для его проживания. Вскоре после этого лорд Скейлз прибыл в Лондон в сопровождении знати и рыцарства своего дома, и король выделил ему для проживания дворец епископа Ели в Холборне. Знатный незнакомец был представлен Эдуарду, когда тот прибыл в Лондон из Кингстона, чтобы открыть парламент.

Церемонии поединка были организованы опытными рыцарями, и в Смитфилде были возведены крепкие списки, сто двадцать ярдов и десять футов в длину, восемьдесят ярдов и десять футов в ширину, с красивыми и дорогими галереями вокруг. В утро, назначенное для галантного представления, король и королева со всем рыцарством и красотой страны отправились в Смитфилд. Король восседал на троне с богатым балдахином в одном конце списков; с каждой стороны стояли лорды и дамы, а под ним - рыцари, оруженосцы и лучники из его свиты. Затем появились городские магистраты; лорд-мэр кланялся, а булавоносец опускал свой знак власти, когда они проходили мимо короля в своей процессии к другому концу списков, где для них были воздвигнуты эшафоты, похожие по форме, но уступающие по великолепию королевским покоем. Восемь гвардейцев списков въехали на лошадях и получили команду от графа Маршала и лорда Верховного констебля Англии, которые мягко вели своих лошадей к трону и обратно.

Когда все было приведено в порядок, лорд Скейлз появился у ворот списков. Под звуки трубы констебль вышел вперед и потребовал от него ответа. Молодой лорд с рыцарским изяществом и скромностью ответил, что просит оказать ему честь предстать перед своим сеньором королем, дабы совершить свой поход против бургундского бастарда. Тогда по приказу констебля ворота открылись, и в них вошел лорд Скейлз, за которым следовали девять дворян верхом на лошадях, несущих части его сбруи и оружия, и девять пажей, восседающих на богато украшенных конях. Они приблизились к королю и, совершив поклоны, удалились в павильон в одном из концов списка.

В таком же виде лорд Бургундии, сопровождаемый отборным рыцарством своей страны, приблизился к королю, а затем удалился в свой шатер.

Глашатаи приказали соблюдать тишину и запретили кому бы то ни было вмешиваться в дела поединщиков самыми суровыми наказаниями. Два копы и два меча были доставлены к королю, который, убедившись в их пригодности, велел лордам, несущим их, отнести их сражающимся. Незнакомый рыцарь сделал свой выбор и одел свое копьё в покой. Лорд Скейлз приготовился с не меньшей галантностью, и они бросились в бой. Их копы были острыми, но так совершенны были их рыцарские познания, что ни одна рана не была нанесена. Самые искусные судьи не могли отметить разницы в мастерстве, и благородные рыцари поспорили на равных, когда король отпустил своего стражника, и развлечения закончились.

На следующий день двор и город с привычной пышностью отправились в Смитфилд, и зрелище разнообразили поединки на мечах. Однако спортивные состязания были безвременно прекращены тем, что конь лорда Скейлза ударом своего шафрана поверг бастарда Бургундского и его коня; король не позволил продолжить турнир, хотя ушибленный рыцарь галантно заявил о своем желании не подвести товарища по поединку.

Не утомленные двухдневными развлечениями, рыцарство и красота Англии собрались в списках Смитфилда на третье утро. Теперь дворяне сражались в пешем строю с шестовыми топорами. Наконец острие оружия лорда Скейлза попало в поле зрения шлема бургундца, и по галереям пронесся страх, что мирный поединок закончится фатально. Но прежде чем стало ясно, намерен ли лорд Скейлз использовать свое преимущество, король отстранил своего стражника, и маршалы разняли их. Бургундский бастард попросил разрешения продолжить свое предприятие, и лорд Скейлз согласился. Но вопрос обсуждался собравшимся рыцарством; и граф Вустер, тогдашний констебль Англии, и маршал герцог Норфолк заявили, что если дело получит продолжение, то рыцарь Бургундии должен быть, по закону оружия, доставлен своему противнику в том же состоянии, в каком он находился, когда их разняли. Это предложение фактически запрещало продолжение поединка, и поэтому Бастард отказался от своего вызова. После этого труба герольда возвестила о том, что рыцарский поединок окончен; но поскольку время было не только боевое, но и радостное, рыцари и дамы перед расставанием устроили в Мерсерс-холле благородный праздник[343].

Оружейные подвиги в Сент-Ингильбертесе демонстрируют боевой характер поединка, а восторг лорда Скейлза показывает, как красиво любовь может сочетаться с военными образами, и какой интерес у целой нации может вызывать тот факт, что некоторые прекрасные дамы двора повязывают вокруг бедра галантного рыцаря золотой ошейник, украшенный сувенирным флером.

Романтика поединков.

Но еще более ярко высокое романтическое чувство рыцарских времен проявляется, пожалуй, в следующей истории. В начале 1400 года один испанский эскавайр по имени Мишель д'Оррис, преисполненный доблести и любви, прикрепил к своей ноге кусок железа и поклялся, что будет терпеть боль, пока не прославится рыцарскими подвигами. Доблесть английских рыцарей наиболее остро возбуждала его подражание, и в качестве первой меры по борьбе с ней он отправился из Арагона в Париж. Затем он бросил вызов английскому рыцарству в Кале, чтобы оно выполняло пешие упражнения с боевым топором, мечом и кинжалом, а также проехало определенные дистанции на лошади с копьем.

Благородный воин, высокий сэр Джон Прендергаст, спутник лорда Сомерсета, губернатора Кале, желая в равной степени добиться почестей и развлечений, как джентльмен, в меру своих сил принял вызов во имя Бога, Пресвятой Девы Марии и своих господ Святого Георгия и Святого Антония. Как истинный брат по рыцарству, он выразил желание избавить арагонского эскавайра от мучений, которые тот испытывал; и, в соответствии с благородством и скромностью своей профессии, он признался, что рад возможности познакомиться с некоторыми представителями французской знати[344] и научиться у них благородному обращению с оружием; И затем, в прекрасном галантном порыве, он завершает свое принятие вызова молитвой о том, чтобы Автор всех благ даровал нежному эскавайру радость, честь и удовольствие, а также все виды счастья для дамы его привязанности, которой сэр Джон Прендергаст просил рекомендовать ему эти письма.

Политические дела заставили Орриса отправиться в Аррагон, и английский рыцарь, не зная об этом обстоятельстве, написал ему в Париж, настаивая на выполнении предприятия, напоминая, как сильно в этом деле затронута его честь, и умоляя Купидона, бога любви, поскольку Оррис может желать расположения своей дамы, побудить его поторопиться с путешествием.[Ответа на это взволновавшее сердце послание не последовало, и, прождав несколько месяцев, Прендергаст вновь обратился к Оррису, выражая свое удивление тем, что вызов не был принят, а доблестный эскавайр не указал причины его игнорирования. Он не знал, неужели бог любви, вдохновивший его на смелое предприятие, с тех пор недоволен и изменил своим древним удовольствиям, которые раньше заключались в побуждении к ратным подвигам и в поощрении рыцарских прелестей. Он имел обыкновение держать вельмож своего двора под таким хорошим управлением, что, в дополнение к их чести, после совершения любого оружейного подвига они не могли отлучаться из страны, где это предприятие должно было быть осуществлено, до тех пор, пока оно не было полностью завершено. Желая сохранить благосклонность бога любви и уважение к дамам, сэр Джон Прендергаст все еще был готов с помощью Бога, святого Георгия и святого Антония избавить того, кто, как он надеялся, был слугой Купидона; и если в течение короткого времени предприятие не будет завершено, он намеревался вернуться в Англию, где, как он надеялся, рыцари и эскавайры засвидетельствуют, что он не поступил дурно с богом любви, которому он рекомендовал свою собственную даму и даму Орриса[346].

Эскавайр вернулся в Париж, закончив свои военные обязанности в Аррагоне, все еще нося болезненный железный знак. В Париже он нашел все письма Прендергаста. Его рыцарская гордость была уязвлена мыслью о том, что бог любви изгнал его со двора и заставил передумать; и он сообщил своему благородному врагу, что, конечно, без всякого лукавства, он никогда не изменит своего мнения относительно нынешнего предприятия, пока Бог хранит его жизнь; и никогда не было никого из его семьи, кто не поступал бы всегда так, как подобает честным людям и джентльменам.

Несмотря на призывы Орриса к рыцарскому достоинству Прендергаста, никаких подвигов не совершилось. Задержка с ответами на его письма обидела английского рыцаря, а недоразумение, связанное с мелочными приготовлениями к поединку, резко оборвало дело[347].

Передача оружия.

Очень любимым описанием поединка было то, что называлось переходом оружия. Рыцарь и его спутники объявляли, что в определенный день они будут охранять определенную дорогу или мост от всех лиц кавалерийского ранга, которые попытаются проехать.[348] Те, кто брался за такое предприятие, прикрепляли свое оружие к столбам в конце списков с простыми щитами разных цветов, на которых были обозначены характер приключения и описание оружия, которое должно быть использовано, так что тот, кто отправлялся к проезду, намереваясь испытать свое мастерство, выбирал способ боя, касаясь одного из щитов, на котором это было указано. Оружейные офицеры должны были собирать и регистрировать имена тех, кто касался различных щитов, чтобы их можно было назвать в порядке очереди при первом появлении.

Весной 1443 года лорд Шарньи, благородный рыцарь бургундского двора, объявил всем принцам, баронам, кавалерам и эскавайрам без упрека, что для увеличения и расширения благороднейшей профессии и занятий оружием он, совместно с двенадцатью рыцарями, оруженосцев и джентльменов четырех кварталов, имена которых он назвал, охранять и

защищать армейский проход, расположенный на большой дороге, ведущей из Дижона в сторону Эксонны, в конце отвода от упомянутого города Дижона, у большого дерева, называемого Деревом Отшельника, или Деревом Карла Великого. Он предложил подвесить на дереве два щита (один черный, осыпанный золотыми слезами, другой фиолетовый, с соболями слезами), и всех, кто по приказу короля по оружию или преследователя коснется первого щита, обязать совершить двенадцать дистанций верхом на лошади, с ним, господином Шарньи, или одним из его рыцарей и оруженосцев, с затупленными копьями; И если кто-либо из чемпионов, во время двенадцати дистанций, будет сбит с коня прямым ударом копья по его доспехам, тот, кого сбили с коня, должен подарить своему противнику бриллиант любой стоимости, какой ему будет угодно. Те принцы, бароны, рыцари и эскавайры, которые предпочитают пешие ратные подвиги, должны были прикоснуться к фиолетовому щиту и совершить пятнадцать дистанций с боевыми топорами или мечами, как им больше нравится, и если во время этих дистанций какой-либо чемпион коснется земли рукой или коленями, он должен был подарить своему противнику рубин любой стоимости, какой ему будет угодно.

Лорд Чаргни был не только скромным, но и доблестным рыцарем, и просил всех принцев, баронов, рыцарей и эскавайров не истолковывать его намерения как результат гордыни и самонадеянности, ибо уверял, что единственным его побуждением было возвеличить благородное воинское ремесло, а также познакомиться посредством рыцарских подвигов с такими прославленными и доблестными принцами и дворянами, которым было бы угодно почтить его своим присутствием.

В течение сорока дней, последовавших за первым июля, длился поединок, и бургундское рыцарство вело себя очень благородно. Самым искусным их противником был доблестный рыцарь из Испании, высокий мессир Пьер Васк де Суаведра, с которым лорд Шарньи сражался верхом и пешком, и самый зоркий глаз критика не мог определить, кто из них был более упитанным рыцарем. По окончании поединков кавалеры отправились в церковь Богоматери в Дижоне и на коленях преподнесли щиты Деве Марии[349].

Польза турниров и поединков.

Таковы были боевые забавы и упражнения кавалеров. Все благородные и изящные рыцарские добродетели отражались в турнире и поединке, и воин, проявивший их в списках, не мог не ощутить их мягкого и благотворного влияния даже на поле боя. Он мчался по равнине с рыцарским изяществом, словно за ним наблюдала его дама-любовница: мастерство и обращение незаметно смягчали свирепость простого солдата, и вскоре он стал рассматривать саму войну только как великий турнир. Таким образом, турнирные списки стали школой рыцарской добродетели и рыцарской доблести, а пышность и радость зрелищ привели все слои общества к доброму и веселому общению.

На протяжении долгого периода Средневековья турниры были элегантным развлечением Европы, и не только Европы, но и Греции; а рыцарство одержало победу над классическими институтами, когда рыцарские игры стали проводиться в цирке Константинополя. Византийцы научились им у первых крестоносцев, а когда французы и венецианцы в двенадцатом веке стали хозяевами Востока, рыцарские забавы стали общим времяпрепровождением народа и продолжались даже тогда, когда греки вернули себе трон своих предков; они не были отменены до тех пор, пока мусулмане не захватили Константинополь и не уничтожили все христианские и рыцарские черты[350].

На Западе турнир и поединок пережили само рыцарство, чей образ они отражали и скрашивали, ибо изменения в военном искусстве не сразу отразились на нравах; и мир долго хранил любовь к этим великолепным и изящным представлениям, которые придавали свет и элегантность воинам и дамам былых времен.

ГЛАВА. VII.

РЕЛИГИОЗНЫЕ И ВОЕННЫЕ РЫЦАРСКИЕ ОРДЕНА.

Общие принципы религиозных орденов ... Квалификация для них ... Использование этих орденов в Палестине ... Современная история рыцарей-тамплиеров ... Их нынешнее существование и состояние ... Религиозные ордена в Испании ... Орден Святого Иакова... Его цели ... Изменение его целей ... Орден Калатравы ... Изящное рыцарство монаха ... Слава этого ордена ... Орден Алькантары ... Рыцари Дамы Милосердия ... Рыцари Святого Михаила ... Военные ордена ... Подражания религиозным орденам ... Например, Орден Подвязки... Немногие из нынешних орденов имеют рыцарское происхождение... Орден Бани ... Дремлющие ордена ... Орден Банды... Его необычные правила ... Его благородное исполнение рыцарских обязанностей по отношению к женщине ... Орден Бурбонов... Странные титулы орденов ... Сказочные ордена ... Круглый стол... Сэр Лонселот... Сэр Гавейн ... Орден чулок ... Происхождение фразы Синий чулок.

Таковы были институты, с помощью которых формировался характер истинного рыцаря; и мы могли бы теперь возобновить наш исторический курс, если бы нас не задержал вопрос, представляющий значительный интерес, который, поскольку он относится к рыцарству в целом, а не полностью к какому-либо государству в частности, не может нигде рассматриваться с такой уместностью, как в этом месте.

Было показано, что рыцарство возникло из союза религии и оружия, и что защита церкви и продвижение ее интересов были одними из главных целей новой системы принципов и нравов. Но у рыцарства были разные обязанности, и кавалер, которого иногда отвлекало их количество, посвящал свою жизнь единственной цели - поддержанию креста Христова. Так были основаны ордена, названные религиозными рыцарскими орденами, а в подражание им появились братства, названные военными орденами, которые все вписывались в общее поле рыцарства.

Общие принципы религиозных орденов.

Религиозные ордена, как и следовало ожидать, были санкционированы папской властью. По своим общим принципам они были одновременно военными и монашескими, но их внутреннее поведение полностью регулировалось дисциплиной монастыря, и, подобно монашеским учреждениям, они брали за основу какое-нибудь существующее правило любимого святого. Они представляли собой необычное соединение рыцарского и монастырского характеров,

"Прекрасное призвание меча и копья
С грубыми целями и трудом, сгибающим тело.
Бедного братства, что ходит по земле
Жалеют"[351].

Как и монахи, они были связаны тремя великими монашескими обетами - целомудрия, бедности и послушания. Первый из них не нуждается в объяснении[352]; второй означал полное забвение индивидуальности, общину, а не особое владение имуществом; а согласно третьему, члены общины должны были повиноваться главе своего ордена, исключая все другие авторитеты. Эти общие принципы религиозных рыцарских обществ, однако, менялись и приспособлялись к случаям и требованиям общества, ибо, подобно цепям, гибким ко всем движениям тела, рыцарские ордена менялись с каждым изменением европейской жизни. Аскетические лишения сменялись рыцарской галантностью, обет целомудрия смягчался обетом супружеской верности, а когда люди благородного происхождения и большого состояния становились рыцарями святых и доблестных обществ Святого Иоанна, Храма или Святого Иакова, обет бедности отменялся или объяснялся в угоду совестливым угрызням совести. В братстве Храма рыцарю разрешалось владеть поместьями, чтобы после смерти он завещал часть их своему ордену[353].

В другом очень важном отношении религиозные братства подстраивались под общую структуру политического общества. Их независимость от гражданской власти была утрачена по мере того, как папская власть ослабевала, а короли отказывались допускать в свои государства римские буллы без предварительного разрешения. Рыцари религиозных братств стали связаны с государством, исповедуя, что их обязанности перед Богом и отечеством выше и главнее правил и уставов братства; они приняли эту форму выражения скорее для того, чтобы предотвратить предложения злобы, чем из какой-либо существующей необходимости, ибо они утверждали, что рыцарские обязательства, вместо того чтобы противоречить долгу гражданина, придают ему силу, достоинство и изящество[354].

Квалификация для них.

По своему происхождению все военные ордена и большинство религиозных были полностью аристократическими; доказательства благородства происхождения тщательно проверялись; ни один солдат одной лишь силой своей доблести не мог достичь почестей ордена, хотя такое требование допускалось при приеме во всеобщее рыцарское братство. Эти требования к благородству рождения соответствовали политическому состоянию разных стран, поскольку государи Европы и рыцарство не пришли к какому-либо определенному соглашению. Так, французский кандидат в рыцари Святого Иоанна Иерусалимского должен был показать четыре четверти дворянства на своем плаще-доспехе, а в более суровых аристократиях Испании и Германии требовалось не менее восьми геральдических знаков отличия. Однако в Италии, где торговля сдерживала надменность дворянства, не ожидали, что родословная будет столь гордой и полной, и в конце концов старые семьи уступили, а новые семьи были удовлетворены этой уступкой, чтобы сыновья купцов могли свободно вступать в религиозные ордена.

Было бы утомительно и невыгодно подробно излагать историю всех этих рыцарских обществ; и если бы я повторял или сокращал обычные книги на эту тему, то во многих случаях лишь способствовал бы обману, поскольку название "религиозный рыцарский орден" часто неправомерно присваивалось учреждению, тогда как на самом деле это было лишь братство монахов, содержащих на своем жалованье несколько солдат: другие объединения

получали папскую санкцию, но они были малы и незначительны, и их история не влияла на общее состояние страны.

Использование этих орденов в Палестине.

Однако не таковы были благородные братства Святого Иоанна и Храма^[355], а затем, хотя промежуток достоинства был значительным, тевтонские рыцари. Эти религиозные рыцарские ордена своими принципами и поведением прочно вошли в политическую историю мира, ибо они составляли твердый и непоколебимый оплот христианского королевства в Палестине в средние века. Они были его регулярным ополчением и поддерживали Святую землю в промежутках между отплытием одного флота крестоносцев и прибытием другого. Щедрое подражание иногда перерастало в зависть, а пыл и вражда рыцарей Святого Иоанна и Храма нарушали мир в стране; но эти раздоры обычно затихали, когда опасность приближалась к их подопечным, и атабаль мусельманов редко звучал в знак неповиновения на границе королевства без того, чтобы трубы военных орденов в каждой прецептории и командорстве не приняли вызов и не отозвались на него.

Особенно это касается тамплиеров.

Доблесть тамплиеров особенно ярко проявилась в моменты окончательной судьбы королевства; ведь когда христиане Святой земли были сведены к владению Акко, а двести тысяч мамлюкских татар из Египта расположились вокруг его стен, оборона города была поручена Петру де Божо, Великому магистру тамплиеров. И он с честью и рыцарским достоинством выполнил свой высокий и священный долг. Акко пал, но не раньше, чем был убит этот героический представитель христианского рыцарства и большинство благородных последователей его штандарта. Память о тамплиерах запечатлена во всех наших воспоминаниях о прекрасной романтике средневековья, ведь рыцари красного креста были последним отрядом европейского воинства, боровшегося за обладание Палестиной. Немногие из них пережили падение Акры и удалились в Сис в Армении. Их изгнали на остров Тортоса, откуда они бежали на Кипр, и южный берег Средиземного моря больше не звенел от криков религиозной войны.

Происхождение и особый характер этих трех великих религиозных орденов были подробно описаны мною в другой работе, а также их история в той мере, в какой она была связана с крестовыми походами; но в одном вопросе наши нынешние выводы могут быть сделаны дальше: ибо хотя летописи кавалеров Святого Иоанна и тевтонских рыцарей смешаны с общей европейской историей, но тамплиеры стоят особняком. В "Истории крестовых походов" я описал обстоятельства беззаконного и кровавого преследования братства Храма, последующего приостановления их деятельности^[356] и уничтожения всех тех владений, которыми их обогатило уважение всего мира.

Современная история тамплиеров.

Но гонения на тамплиеров в XIV веке не закрывают историю ордена, ибо, хотя рыцари были изгнаны, орден не был уничтожен. По правде говоря, кавалеры не были виновны, братство не было подавлено, и, как ни удивительно это утверждение, рыцари-тамплиеры преемственно существовали с двенадцатого века до наших дней; цепь передачи совершенна во всех своих звеньях. Жак де Моле, Великий магистр во времена гонений, предвидя свою собственную мученическую смерть, назначил своим преемником по власти и достоинству Иоганна Марка Лармениуса Иерусалимского, и с тех пор и по сей день существует регулярная и непрерывная линия великих магистров. Хартия, по которой была передана верховная власть, является судебным и неопровержимым доказательством существования ордена. Эта хартия

с подписями различных вождей Храма хранится в Париже вместе с древними уставами ордена, ритуалами, записями, печатями, штандартами и другими памятниками первых тамплиеров. Братство возглавляли храбрейшие кавалеры Франции, люди, которые, ревнуя о рыцарском достоинстве, не допускали никакого разврата, никаких поддельных копий рыцарских орденов и считали, что щит их благородства обогащается оттиском красного креста тамплиеров. Бертран дю Гесклен был великим магистром с 1357 года до своей смерти в 1380 году, и он был единственным французским командиром, который одержал победу над рыцарством нашего Эдуарда III. С 1478 по 1497 год мы можем отметить Роберта Ленонкура, кавалера из одного из самых древних и доблестных лотарингских родов. Филипп Шабо, прославленный капитан времен правления Франциска I, держал в руках посох власти с 1516 по 1543 год. Прославленное семейство Монморанси - рыцари-тамплиеры, а Генрих, первый герцог, был главой ордена с 1574 по 1614 год. В конце XVII века великим магистром был Джеймс Генри де Дюрас, маршал Франции, племянник Тюренна и один из самых искусных солдат Людовика XIV. Великими магистрами с 1734 по 1776 год были три принца из королевской семьи Бурбонов. Имена и годы правления этих королевских особ, признавших достоинство ордена Храма, - Луи Август Бурбон, герцог Мэн, 1724-1737; Луи Генрих Бурбон Конде 1737-1741; и Луи Франциск Бурбон Конти 1741-1746. Преемником этих принцев на посту великого магистра Храма стал Луи Геркулес Тимолеон, герцог де Коссе-Бриссак, потомок древнего рода, давно прославившегося в истории Франции своей верностью и галантностью. Он принял этот сан в 1776 году и сохранял его до тех пор, пока не погиб, защищая королевскую власть в начале Французской революции. В настоящее время великий магистр ордена - Бернардус Раймундус Фабре Палапрат, а колледжи существуют в Англии и во многих крупных городах Европы.

Современное существование и состояние тамплиеров.

Таким образом, очень древний и суверенный орден Храма в настоящее время ведет полноценное рыцарское существование, как и те рыцарские ордена, которые были либо образованы в подражание ему, либо имели своим источником те же благородные рыцарские принципы. Он как скорбел, так и процветал; но в его природе и конституции заложен принцип жизнеспособности, который пронес его через все бури судьбы. Его существование, как через представителей, так и через титул, является таким же неоспоримым фактом, как и существование любого другого рыцарского братства. Тамплиеры наших дней не претендуют на титул, однако их положение настолько отождествляется с положением других рыцарских орденов, что они утверждают равную чистоту происхождения от одного и того же светлого источника рыцарства. Невозможно также опровергнуть законные претензии на почетную оценку, которые современные братья Храма черпают из древности и первоначального блеска своего ордена, не сотрясая в то же время всю почтенную ткань рыцарской чести"[357].

Религиозные ордена в Испании.

Святая Земля была не единственной страной, давшей начало религиозным рыцарским орденам. Несколько из них возникло в Испании, и их оружие сыграло главную роль в торжестве христианского дела над делом мавров. Война с узурпаторами была первоначальной целью некоторых из этих обществ, в других случаях она основывалась на благотворительности. Девизом всех обществ была вечная вражда с арабскими неверными. В отличие от христианских королей Испании, ордена никогда не ослабляли своей враждебности; они никогда не смешивались с маврами в прелестях мира, и их характер формировался по их собственным правилам и принципам, не затронутым изящными смягчениями восточной роскоши и вкуса.

Орден Святого Иакова.

Самым значительным из испанских религиозных рыцарских орденов был рыцарский орден Святого Иакова из Компостеллы, возникший в результате объединения некоторых рыцарей и монахов в середине двенадцатого века для защиты паломников, которые стекались со всех стран, чтобы поклониться мощам святого покровителя Испании. [358] Монахи принадлежали к обществу святого Элоя, святого, пользовавшегося большой славой среди наших английских предков; ведь скромная настоятельница Чосера была склонна подтверждать свои утверждения, ссылаясь на его авторитет.

"Ее величайшая клятва не иначе как святым Элоем".

Монахи и рыцари жили в дружеском общении, настоятель монастыря регулировал духовные заботы, а великий магистр, выбранный кавалерами, руководил солдатами. Они были взяты под покровительство папского престола, когда давали обеты целомудрия, бедности и послушания; но впоследствии папа Александр Третий уступил главенство монашеской части их характера, поскольку разрешил заменить клятву целомудрия клятвой супружеской верности. Для принятия в орден Святого Иакова требовалось происхождение из двух степеней нежного рода, а христианская кровь должна была быть не загрязнена никакими примесями иудейского или мавританского происхождения.

Цели ордена.

Охрана проходов к святилищу святого Иакова от вторжений мавров переросла в общую защиту королевства от врагов христианского имени; со временем активные военные действия значительно превзошли по значимости и пышности оборонительные войны. Простая цель их объединения была забыта, их слава стала ассоциироваться с самой ранней борьбой христиан за возвращение своего наследия; они претендовали на то, чтобы проследить свою линию вплоть до девятого века, когда сам святой Иаков, сидя на белом коне и неся в руке знамя с красным крестом, помог им разгромить мавров. Крест, заверченный, как лезвие меча, и перевернутый на рукояти, стал эмблемой ордена, а сам орден стал называться *Орден Сантьяго-де-ла-Эспада (La Orden de Santiago de la Espada)*. Центр крестовины был украшен раковиной эскалопа, значком святого Иакова; и ничто так не свидетельствует о популярности его святыни в средние века, как тот факт, что раковина эскалопа была обычным обозначением европейского пальмера. Крест носили на белой крестообразной мантии и окрашивали в красный цвет, согласующийся, как может показаться, со знаменем, о котором уже говорилось. Но дон Родриго Ксиминес, архиепископ Толедо, занимавшийся аллегориями, считает, что причина в том, что меч был красным от крови арабов, а вера рыцарей горела милосердием.

Великий магистр ордена Святого Иакова имел преимущество перед великими магистрами других испанских орденов; но внутреннее управление братством находилось в руках совета, постановления которого были обязательны даже для самого великого магистра. У ордена Святого Иакова было два больших командорства, одно в Леоне, другое в Кастилии; им подчинялись все остальные учреждения. Между этими командорствами постоянно возникали споры за первенство, и короли Кастилии и Леона разжигали их, предотвращая таким образом опасный для государства союз и получая военную помощь в обмен на случайное вмешательство. Благодарность государей обогатила орден различными владениями, но именно его собственные добрые мечи завоевали для него большую часть территорий.

Несмотря на то, что, как и все другие религиозные рыцарские ордена, орден Святого Иакова изначально пользовался независимостью от королевской власти, со временем короли Кастилии получили право вручать каждому новоизбранному великому магистру штандарт ордена. Подчинение было лишь титульным до начала XVI века, когда император Карл V получил от пап Льва X. и Адриана VI. верховное руководство всеми делами ордена, и, следовательно, сан великого магистра стал привязан к короне. Однако власть короля не была абсолютной, так как папы вынудили его согласиться на то, чтобы делами ордена управлял совет с правом апелляции к самому папе. Таким образом, власть испанских королей превратилась в разновидность влияния, а не прямой прерогативы.

Изменение его целей.

После того как цель объединения - изгнание мавров из Испании - была достигнута, этот религиозный орден стал орденом заслуг - пером в плюмаже испанского достоинства. Получить его могли только дворяне; ведь тогда каждый рыцарь должен был доказать благородство своего происхождения, материнского и отцовского, на четыре степени. Старые обеты бедности, послушания и супружеского целомудрия были сохранены, с мысленной оговоркой относительно двух первых.

В 1652 году рыцари Святого Иакова, а также рыцари Калатравы и Алькантары, в пылу своего рвения к тому, что они называли религией, добавили обет защищать и поддерживать доктрину непорочного зачатия Девы Марии. Жители Мадрида были приглашены в три церкви, чтобы стать свидетелями принесения рыцарями клятвы. После отпевания кавалер от имени всех своих братьев произносил обет[359], и каждый повторял его, положив руку на крест и Евангелие. И таким образом орден, который в своем происхождении был благотворительным, а в своем развитии - патриотическим, омрачил яркую славу своих дней чести суеверием[360].

Орден Калатравы.

Следующее место по рангу занимали рыцари Калатравы, которые, учитывая обстоятельства их происхождения, могут считаться более почетным братством, чем братство святого Иакова. Примерно в 1147 году король Испании Альфонсо отвоевал у мавров крепость Калатрава, которая была ключом от Толедо. Король передал ее в ведение рыцарей-тамплиеров. Этот благородный орден христианских воинов находился тогда в самом начале своего почетного пути, а красных крестов в Испании было так мало, что они не могли сдержать нахлынувший поток мусельманской власти. Продержавшись в крепости всего восемь лет, тамплиеры передали ее в руки дона Санчо, преемника Альфонсо, который попытался заручиться ее защитниками, предложив отдать Калатраву и ее земли в вечное владение тем рыцарям, которые возьмут на себя охрану крепости. Рыцарство Испании, помня о том, что храброе ополчение Храма дрогнуло перед маврами, настороженно и с тревогой попятилось назад; и Санчо уже видел, что судьба Калатравы предрешена арабским подчинением, когда в монастыре раздался военный клич, неслышимый в баронском зале.

Изящное рыцарство монаха.

В монастыре Санта-Мария-де-Фетеро в Наварре жил монах по имени Диего Веласкес, который провел утро своей жизни в оружии, но затем сменил увешанную мундирами рясу на монашескую мантию, ибо во времена рыцарства, когда религия была главной пружиной действий, такие обращения были легки и естественны. Мрак монастыря должен был

подавлять воинский дух, но окружающие памятники военного величия, каменные воины, нависающие знамена и перчатки, хотя и доказывали бренность земного счастья, показывали, какие темы желают люди для славы за пределами могилы. пышность хоровой службы, ликующая нота, в которой воспевались победы евреев над врагами Неба, не могли не вызвать в сердце восхищения рыцарской славой, и в минуты энтузиазма многие монахи отбрасывали свою мантию и меняли четки на рыцарский пояс.

Так было и с Веласкесом. Его рыцарский дух был разбужен призывом короля, и он зажег пламя воинского пыла среди своих братьев. Они умоляли настоятеля монастыря принять королевское предложение; и король, который сначала был поражен кажущейся дерзостью этого желания, вскоре вспомнил, что оборона крепости Калатрава не может быть достигнута обычными усилиями храбрости, и тогда он предоставил ее цистерцианскому ордену, и главным образом его станции в Санта-Мария-де-Фетеро, в Наварре. И крепость была поставлена мудро; ведь не только смелые духи монастырей сдерживали мавров в этом квартале, но и доблесть монахов заставила многих героических рыцарей Испании присоединиться к ним. Этим объединившимся монахам и кавалерам король дал титул Религиозного братства Калатравы, а папа Александр III принял их обеты бедности, послушания и целомудрия. Новый религиозный рыцарский орден, подобно рыцарскому ордену святого Иакова Компостельского, стал благородным оплотом христианского королевства.

Дисциплина ордена.

Слава этого ордена.

Ничто не может быть более совершенным, чем простота рыцарей Калатравы. Их одежда была сшита из самой грубой шерсти, а края не были, как у многих монахов того времени, отделаны или украшены вайрой или грисом, или другими видами богатого меха. Их рацион тоже не соответствовал обычной монастырской роскоши, ибо их прокормили плоды земли. В оратории и трапезной царил тишина, лишь один голос произносил молитвы или читал легенду о битве; но стоило стражнику на башне услышать первую ноту мавританского атабала, как монастырь превращался во всеобщую суматоху. Запряжание коней и лязг доспехов нарушали покой обитатели, а смиренная фигура монаха возвышалась до дерзкой и расширенной формы достоинства и силы. Во время всех могучих усилий христиан по восстановлению своего трона твердые и плотные ряды рыцарей Калатравы никогда не запаздывали с появлением на поле боя; королевство же, по мере роста его мощи и величия, затмевало воинов всех религиозных рыцарских орденов. Указом папы Иннокентия VIII великий магистр братства Калатравы был присоединен к престолом Кастилии и Леона, а короли Испании поддерживали рыцарство своего народа, используя кресты и другие эмблемы древнего рыцарства в качестве знаков воинских заслуг[361].

Орден Алькантары.

Уступая по достоинству и силе обоим этим орденам, был орден Алькантары. Он был образован вскоре после основания братства Святого Иакова Компостельского в городе под названием Святой Хулиан Грушевого дерева, недалеко от Сьюдад-Родриго. Древним значком было грушевое дерево, что указывает на происхождение ордена. Рыцари Грушевого дерева были настолько бедны в материальном плане, что рыцари Калатравы взяли их под

свою защиту и подарили им город Алькантара. После этого рыцари Грушевого дерева оставили свой скромный титул ради названия более высокого звучания, хотя с ним были связаны идеи зависимости. В течение почти двух столетий кавалеры Алькантары оставались вассалами и прислужниками рыцарей Калатравы, но дух независимости постепенно поднимался вместе с их доблестью в поле, и примерно в 1412 году их боевой отряд повел в бой их собственный великий магистр. До объединения испанских корон в лице Фердинанда и Изабеллы они соперничали по силе и рангу со своими прежними сеньорами и рыцарями Святого Иакова: затем корона поставила их под свой контроль, и, подобно другим братствам, главной целью учреждения которых было изгнание мавров из Испании, крест ордена Алькантары стал простым украшением знати[362].

Рыцари Богоматери Милосердия.

Наряду с этими религиозными братствами существовали благотворительные учреждения, которые завершали благословения рыцарства в Испании. Опыт жалкого заточения научил Якова I Арагонского сочувствовать несчастной судьбе других; и около 1218 года он объединил в Барселоне несколько доблестных рыцарей и благочестивых церковников, все помыслы и заботы которых должны были иметь своей главной целью использование милостыни благотворителей для освобождения христианских пленников. Рыцари Богоматери Милосердной - таков был их титул; и каждый кавалерист при вступлении в должность исповедовал свою сердечную решимость соблюдать обеты целомудрия, послушания и бедности, прилагать все силы своего ума и чувств к оказанию помощи тем из своих несчастных соотечественников, которые по воле случая оказались в мавританских тюрьмах, и, если потребуется, скорее остаться рабом в руках сарацинов, чем отказаться от своей обязанности содействовать выкупу пленников. Общий ход их жизни определялся правилом святого Бенедикта, ибо рыцарь, как и монах, -

"Когда он безрассуден,[363]
подобен рыбе безводной"[364].

Испанцы с таким рвением продвигали благородные цели этого ордена, что за первые шесть лет его существования было выкуплено не менее четырехсот пленников. Первоначально управление орденом находилось в руках рыцарей, затем священники получили часть командования, а в конце концов и вовсе узурпировали его, что не вызывает особых опасений, учитывая, что цель учреждения не имела никаких военных черт. После полного триумфа христианского дела место действия благотворительности было перенесено из Испании в Африку; любопытно отметить, что орден запятнал беспристрастность своего принципа, освободив сначала монахов, попавших в руки африканских мавров, а затем, но не раньше, мирян[365].

Рыцари святого Михаила.

Суеверие, как и милосердие, породило некоторые религиозные рыцарские ордена. Рыцари Крыла Святого Михаила в Португалии, очень почетный орден в рыцарские времена, возникли благодаря мнению Альфонса, короля Португалии, что Святой Михаил Архангел помог ему в 1171 году одержать великую победу над маврами. Членами этого ордена могли быть только лица благородного происхождения. Рыцари жили в своем монастыре в соответствии с правилами святого Бенедикта. В частной жизни они больше всего заботились о выполнении

рыцарского долга по защите вдов и сирот, а когда выходили на поле боя, девизом на их штандартах была поддержка католической веры[366].

Военные ордена.

Но продолжать эту тему не имеет смысла, ибо религиозные рыцарские ордена заслуживают внимания лишь постольку, поскольку они связаны с защитой Святой земли и изгнанием мавров из Испании.

"Обратимся мы теперь ко всем матерям,
И говорим мы о"

Военные ордена, основанные в подражание тем, чья история только что была описана; не то чтобы я перечислял их уставы или расписывал их костюмы - эти вопросы принадлежат герольду. Задача историка - заметить их существование, проследить принципы, которые их породили, и отметить те части их правил или летописей, которые отражают состояние нравов.

Хотя рыцарей часто создавали перед битвой, чтобы побудить их к высоким подвигам, многих посвящали в рыцари уже после того, как они сражались и доказали, что достойны своих шпор. Но рыцарство настолько распространилось в обществе, что почти перестало быть отличием, и короли и другие правители, желавшие продемонстрировать свою власть или благодарность, были вынуждены придать рыцарскому достоинству новую форму. Религиозные рыцарские ордена представляли собой яркий пример преимуществ тесного братства; и как эти общества часто придавали патриотическое направление рыцарским чувствам, так и короли находили учрежденные ими ордена военных заслуг восхитительными средствами для объединения в узы братства своих высокодуховных дворян. Когда Людовик, король Венгрии, отомстил за убийство своего брата Андрея, он попытался объединить венгерских и неаполитанских дворян, объединив их в братство под названием Орден узла. Орден просуществовал недолго. В ордене Узла было несколько необычных положений: в день Пятидесятницы должно было проводиться ежегодное собрание рыцарей, и каждый рыцарь обязан был передать капеллану ордена письменный отчет о своих приключениях в предыдущем году. Капеллан передавал его королю и совету, которые приказывали заносить те части, которые они одобряли, в большую книгу ордена. Орден аргонавтов Святого Николая в Неаполе был учрежден Карлом Третьим с явной целью братания своих лордов; а в 1579 году, когда рыцарские времена уже можно считать прошедшими, во Франции был учрежден орден Святого Духа: дружеский союз дворянства и прелатов страны был объявлен главной целью ордена. Трон Франции уже был укреплен орденом Святого Михаила, основанным примерно за столетие до этого Людовиком XI, чтобы привлечь к себе симпатии дворянства.

Рыцари, объединенные одним титулом и живущие по единому уставу, на самом деле были товарищами по оружию; и, подобно двум кавалерам, поклявшимся жить в братстве, объединенные рыцари объединялись на благо или горе, и были обязаны помогать друг другу советом и оружием, как если бы существовала совершенная общность интересов. Таков был общий принцип, но он смягчался в пользу рыцарей из чужих стран. Короли часто обменивались орденами, оговаривая при этом, что в случае войны они будут вольны вернуть их. Подобные случаи неоднократно встречаются в истории средних веков; а в последние дни рыцарства принцип товарищества рыцарей был очень искусно применен Генрихом VII для поддержки собственной алчности. Французский король пожелал занять у него некоторую сумму денег для ведения войны с королем Неаполя, но Генрих ответил, что не может с честью помогать какому-либо принцу против государя Неаполя, который получил Подвязку и

поэтому является его спутником и союзником. Оказать такую помощь означало бы поступить вопреки клятве, которую он дал соблюдать устав ордена[367].

Подражания религиозным орденам.

Примером может служить орден Подвязки.

Вознаграждение за благородные достижения в высших слоях общества было принципом, который проходил через все боевые ордена, но они не были исключительно аристократическими, когда простое рыцарство вышло из употребления, а воинское братство представляло собой древнее рыцарство. Эти объединения заслуг переняли многие принципы и обычаи религиозных рыцарских орденов. Несмотря на реальные причины их создания, религиозные цели всегда ставились во главу угла. Братство и вознаграждение за военные заслуги, несомненно, были причинами учреждения благороднейшего ордена Подвязки; и все же в уставе возвеличивание святой веры, католической, объявлено великой целью братства. Это выражено в уставе ордена, обнародованном в правление Генриха Восьмого, и слова, очевидно, скопированы с более ранних авторитетов.[368] Поскольку возвеличивание римско-католической религии, безусловно, не входит в планы современных членов Подвязки, я могу привести эти факты в доказательство моего положения в начале этой главы, что рыцарские ордена всегда были гибкими к изменениям в обществе.

Военные, как и религиозные ордена, имели свои институты священников. Так, к рыцарям-компаньонам Подвязки добавились прелат, канцлер и часовня Святого Георгия в Виндзоре с ее деканом и капитулом. Молитвы и благодарения должны были постоянно возноситься к небесам, а за души усопших компаньонов предписывалось совершать мессы. Некоторые военные ордена, как и их религиозные образцы, не забывали о поощрении благотворительности, и Эдуард Третий с особой уместностью присоединил к основанному им благороднейшему ордену нищих или рыцарей милостыни, людей, которые из-за неблагоприятной судьбы были доведены до такой крайности, что не имели собственных средств для содержания, или жили так богато и благородно, как это положено в военном деле[369].

Каждое военное братство имело среди своих эмблем крест той или иной формы. Высшему ордену за заслуги в Англии полагался крест, как и подвязка; но серебряная звезда из восьми точек, которую Карл I с таким неуместным и убогим вкусом повелел носить рыцарям, делает незначительным первоначальное рыцарское обозначение ордена. Объединения дворян всегда создавались в честь Бога или кого-то из его святых. Так, даже в наши дни рыцаря Подвязки при его учреждении наставляют носить символы своего ордена, чтобы, подражая блаженному мученику и воину Христову, святому Георгию, он мог преодолевать как неблагоприятные, так и благополучные приключения; и чтобы, стойко победив своих врагов как телом, так и душой, он мог не только получить похвалу в этой преходящей битве, но и быть увенчан пальмой вечной победы.

Немногие из нынешних орденов имеют рыцарское происхождение.

Учитывая тот факт, что многие из современных почестей имеют рыцарскую форму, можно предположить, что большинство наших военных орденов восходят к великолепным временам рыцарства. Попытки доказать столь высокое происхождение предпринимались не раз. Рыцари ордена, называемого Древнейшим орденом Чертополоха, справедливо полагают, что основание в XVI веке едва ли заслуживает столь высокого титула. Поэтому они возносятся к временам самого Карла Великого и, хвастаясь союзом между своим королем Фергусом и этим императором, утверждают, что орден Чертополоха был основан в честь

этого славного события. Сторонники этой гипотезы робкими шагами ступают по мрачным тропам древности; другие, более смелые, поднялись на несколько веков выше и вообразили, что видели великую битву между шотландцами и англичанами, когда первые одержали победу с помощью святого Андрея, и что был основан конный орден, правильно называемый орденом святого Андрея, а вульгарно - орденом Чертополоха. С такой же экстравагантностью орден Святого Михаила во Франции претендует на обладание регулярным происхождением от Михаила Архангела, который, согласно просвещенному суждению французских антикваров, был главным кавалером в мире, и именно он, по их словам, основал самый ранний рыцарский орден в самом Раю. Но, по правде говоря, орден Святого Михаила был основан Людовиком XI, королем Франции, в 1469 году, а имя Михаила использовалось потому, что он пользовался во Франции такой же популярностью, как Святой Георгий в Англии. За исключением орденов Подвязки и Золотого руна, один из которых был учрежден в 1344 году, другой - в 1429 году, и уже упомянутого ордена Святого Михаила, рыцарское происхождение не может быть успешно заявлено ни для одного из институтов рыцарства. Так, орден Святого Стефана был основан в 1561 году, Святого Михаила в Германии - в 1618 году, Святого Духа - в 1579 году, а Святого Людовика - в 1693 году; и ни один из этих годов не относится к эпохе рыцарства. Поэтому рассмотрение большинства процветающих ныне военных орденов не входит в рамки данной работы. Однако об одном из них можно сказать несколько слов.

Орден Бани.

Англия, как никакая другая страна, может гордиться рыцарским характером своих военных наград; ее достопочтенный Орден Бани - это возрождение рыцарского института, а ее Благороднейший Орден Подвязки не утратил своего достоинства. Проследившая развитие рыцарства в Англии, я покажу, что рыцарство Бани было честью, отличной от того, что составляло обычное рыцарство меча; и что с очень ранних времен до дней Карла II оно вручалось по случаю определенных торжественных событий, с большим размахом, королевскому роду, принцам королевской крови, нескольким дворянам, главным офицерам и другим лицам, выдающимся по своему рождению, качеству и личным заслугам. Георг I. в 1727 году не только возродил этот рыцарский орден, но и преобразовал его в регулярный военный орден.

От любопытных церемоний, связанных с самой баней, отказались, но во многих других отношениях подражание было достаточно точным. Было постановлено, что знамя каждого рыцаря должно быть вывешено над ним, а табличка с его гербом, шлемом и мечом должна быть прикреплена к его стеле в часовне Генриха VII в Вестминстерском аббатстве. Все романтические ассоциации ранних времен были приятно учтены; на печати ордена должны были быть изображены три императорские короны *Or*, которые обычно приписывают знаменитому королю Артуру. Рыцарская любовь должна была быть отмечена в ошейнике; его семнадцать ручек, покрытых белой эмалью, которые соединяли имперские короны из золота и чертополоха, должны были представлять белые кружева, упомянутые в древней церемонии вручения рыцарства Бани, которые носили до тех пор, пока рыцарь не достигал какого-то высокого успеха или пока они не были удалены рукой какой-нибудь прекрасной и благородной дамы. Воротник, однако, является почетным отличием ордена, в то время как белые шнурки считались клеймом. Форма старой клятвы также была строго сохранена, даже с единственным пунктом, что рыцарь будет защищать девиц, вдов и сирот в их правах; и, как говорилось в старые времена, новоиспеченному компаньону наставляли использовать свой меч во славу Божью, в защиту Евангелия, для поддержания права и чести своего государя, а также справедливости и правосудия, насколько это в его силах. По окончании церемонии,

уже за дверями аббатства, королевский повар сделал ему обычное напутствие: "Сэр, вы знаете, какую великую клятву вы дали; если вы ее сдержите, это будет для вас большой честью; но если вы ее нарушите, я буду вынужден, по долгу службы, отрубить вам шпоры с пяток".

Недействующие приказы.

О тех орденах, которые либо бездействуют, либо вымерли, нужно рассказать лишь вкратце, ибо их история содержит мало причудливых или поучительных сведений. Просвещенное любопытство не найдет удовлетворения в исследовании летописи исчезнувшего ордена Святого Антония из Хайно, или ордена Меча Кипра, и тысячи других, чья история, представляющая лишь список великих магистров, и церемонии посвящения в рыцари, ничего не добавляет ни к нашему удовольствию, ни к нашим знаниям.

Орден Оркестра.

Его необычные правила.

Из этого мнения можно сделать несколько исключений. В 1330 году Альфонсо XI, король Испании, привлек многих дворян к своим интересам, основав орден заслуг, который из-за того, что каждый рыцарь носил красную ленту шириной в три дюйма через грудь и плечо, был назван орденом ленты или шарфа. Некоторые из правил этого учреждения чрезвычайно интересны, поскольку отражают состояние нравов и мнений в Испании в четырнадцатом веке. Статуты ордена не только прививали обязанности патриотизма и верности, но и, как это ни странно для истории Испании, воспитывали добродетель при дворе, ибо каждому рыцарю предписывалось говорить своему государю только правду, отвращаться от плутовства и лести. Он не должен был молчать, когда кто-либо говорил против чести короля, под страхом изгнания со двора и лишения своей дружины; но он должен был быть всегда готов обратиться к королю за общим благом страны или по конкретным делам любого человека; и если предположить, что его патриотическая добродетель может быть сдержана привязанностью к своему государю, наказанием за пренебрежение этой обязанностью было лишение всего своего достоинства и вечное изгнание. Из двух крайностей молчаливость должна была быть предпочтительнее болтливости: его скорее "проверяли за молчание", чем "облагали за речь"; а если в разговоре он произносил неправду, то должен был месяц ходить по улицам без меча. Он должен был хранить свою веру, кому бы он ее ни поручил; но общаться он должен был только с людьми воинского звания, презирая разговоры механиков и ремесленников.

Каждому рыцарю предписывалось всегда иметь хорошие доспехи в своей комнате, хороших лошадей в своей конюшне, хорошие копья в своей зале и хороший меч при себе; он не должен был садиться ни на мула, ни на другую неприличную повозку, ни ходить за границу без своей группы, ни входить во дворец короля без своего меча; он должен был избегать всех аскетических занятий, так как ему было особенно предписано не есть в одиночестве. Пороки лести и насмешки должны были быть изжиты, а за их совершение рыцарь должен был месяц ходить пешком и еще месяц находиться в своем доме. Хвастовство и недовольство были запрещены: упрек великого магистра и пренебрежение к нему со стороны его товарищей должны были наказывать нарушителя. Рыцарю не разрешалось жаловаться ни на какие обиды[370]; и даже когда его калечили хирурги того времени, он должен был держаться со стoiceй стойкостью. При ходьбе по двору или городу походка рыцаря должна была быть

медленной и торжественной; его увещевали сохранять сдержанное и серьезное поведение, когда какой-нибудь тщеславный и глупый человек насмехался над ним и презирал его.

Обязанности по отношению к женщинам.

На рыцарских обязанностях по отношению к женщинам в этом ордене настаивали больше, чем в любом другом. Если рыцарь возбуждал иск против дочери брата-рыцаря, ни одна придворная дама или кавалер не становилась впоследствии его возлюбленной или женой. Если же ему случалось, проезжая верхом, встретить какую-нибудь придворную даму или кавалера, он был обязан сойти с коня и предложить ей свои услуги под страхом потери месячного жалованья и благосклонности всех дам и девиц. Это обстоятельство едва ли было возможно, но устав ордена, чтобы предусмотреть все мыслимые и вероятные проступки, постановил, что тот, кто откажется выполнить любую услугу, которую прикажет прекрасная дама, должен быть заклеен титулом "Рыцарь-неудачник".

Уставы вторили голосу природы во всех ее обращениях к сердцу, и поэтому каждому кавалеристу предписывалось выбрать из придворных дам ту, на ком он мог бы остановиться, ту, кто должна была стать для него светом, ведущим его вперед по благородному рыцарскому пути. За неповиновение этому приказу не полагалось никакого наказания, ибо неповиновение, похоже, считалось невозможным. Предполагалось, что все высшие рыцарские поступки, связанные с преданностью своей даме, рыцарь должен совершать сам; а чтобы показать, что его повседневные обязанности перед орденом должны уступить место вниманию к своей госпоже, ему предписывалось, когда бы она ни вышла на прогулку, сопровождать ее пешком или верхом, оказывая ей все возможные почести и услуги. Когда своими доблестными подвигами против мавров он доказал, что достоин ее любви, день его свадьбы стал праздником для его братьев-рыцарей, которые сделали даме богатые подарки и отметили бракосочетание кавалерийскими играми и представлениями. На этом щедрое отношение к женщине не заканчивалось: когда рыцарь умирал, его оставшиеся в живых братья должны были просить короля о выделении семье таких земельных и денежных пожалований, которые позволили бы вдове сохранить свое состояние и обеспечили бы брачные доли его дочерей.

Повязка умершего рыцаря, согласно общему обычаю военных орденов, должна была быть вновь передана королю, которого просили одарить ею одного из сыновей ее последнего владельца. Король должен был выбирать рыцарей из числа младших сыновей знатных людей в стране, но ни старший брат, ни другой наследник не могли быть приняты, поскольку целью основателя было улучшить судьбу благородно рожденных, но плохо обеспеченных джентльменов его двора. Только один вид исключений был сделан из этой формы вступления. Чести ордена удостоивался любой незнакомый рыцарь, одолевший одного из соратников в поединке или турнире. Это постановление было принято ради общей рыцарской чести и поощрения благородного поведения среди рыцарей группы. Это был дерзкий вызов, и на него редко отвечали^[371].

Нельзя обойти вниманием и орден Бурбонов, называемый Чертополохом и Богоматери. Он был учрежден в Мулене, в Бурбонна, в 1370 году Людовиком II, герцогом Бурбонским, которого за его добродетели называли Добрым герцогом. Его целью было завоевание чести рыцарскими поступками. Эмблемой ордена был золотой щит; когда его вручали рыцарям, их увещевали жить как братья и умирать друг за друга, если того потребует случай. Им говорили, что все добрые дела, которые считаются рыцарскими, должны совершать рыцари Бурбона. Прежде всего их увещевали почитать дам, не позволяя никому говорить о них клеветнические слова, потому что от них, после Бога, исходит вся честь, которую могут

приобрести мужчины. Ничто не может быть более низменным, чем очернять тот пол, который не имеет сил исправить свои обиды. Рыцарям было предписано не злословить друг о друге, ибо это самый подлый порок, в котором может быть обвинен дворянин или джентльмен; и в заключение, как итог их долга, их увещевали исповедовать веру и верность и уважать друг друга, как подобает рыцарям похвалы и добродетели[372].

Странные титулы орденов.

Случаи возникновения титулов многих военных орденов более интересны, чем взгляд на внешние признаки их рыцарства. Несмотря на надменность рыцарства, один из самых знаменитых орденов получил свое название отнюдь не из рыцарского источника. Орден был учрежден Филиппом, герцогом Бургундским, который назвал братство рыцарями Золотого руна в благодарность за торговлю шерстяными изделиями, благодаря которой он и его семья так обогатились. В XV веке во Франции прославился орден Дикобраза; свое необычное название он получил благодаря фантазии основателя (Людовика герцога Орлеанского, второго сына Карла V, короля Франции), который решил таким знаком отметить тот факт, что он был оставлен друзьями в беде, и что он мог защищаться собственным оружием. Если во Франции любимым орденом был дикобраз, то в Германии был известен орден поверженного дракона, и этим свирепым титулом император Сигизмунд хотел выразить свою победу над ересью и расколом. Герцоги Мантуи считали, что обладают тремя каплями крови Спасителя, и в 1608 году в Мантуе был учрежден рыцарский орден, получивший название "Орден Драгоценной Крови Спасителя нашего Иисуса Христа".

Сказочные ордена.

Рыцарские народы Европы придавали не меньшее значение орденам, существовавшим лишь в их пылком воображении, чем тем, чья родословная была достоверна. Константину Великому приписывалась честь изобретения первого военного рыцарского ордена. Великие капитаны его двора, как говорят, были объединены под названием ордена константиновских рыцарей-ангелов Святого Георгия, который в Греции, как и в Англии, был покровителем военных людей. Великий магистр оставался в императорской семье. После падения Восточной империи орден перешел в Италию, и рыцари этой страны вообразили, что существуют папские буллы, которые позволяют великим магистрам сидеть за одним столом с папами, чеканить деньги, присваивать почетные титулы, будь то дворянство или ученость, и пользоваться всеми прерогативами независимых князей. Но было бы напрасно допытываться об именах этих знатных спутников Папы; ни в одном кабинете курьезов нет монет, которые они чеканили в подтверждение своей власти.

Память о великой победе Карла Мартела над маврами сохранялась в средние века во Франции верой в то, что завоеватель основал рыцарский орден, называемый орденом Геннета; составлялись списки кавалеров и уставы, свидетельствующие лишь о любви французов к рыцарским отличиям. Испанцы с удовольствием воображали, что их ранние победы над маврами были отмечены орденом, названным в Наварре Орденом Дуба и основанным по случаю того, что Святой Крест, обожаемый бесконечным числом ангелов, явился готскому вождю, возглавившему христиан.

Круглый стол.

Но из всех этих воображаемых орденов ни один не представляет такого интереса, как Круглый стол, учрежденный Утером Пендрагоном, королем Британии, и достигший своего совершенства боевой славы в правление его сына Артура. В то время как наши древние историки преувеличивали до героизма патриотические усилия последнего из британских королей, менестрели, певшие в баронских залах, добавляли очарования рыцарским обстоятельствам. Со времен Адама Бог не создал человека совершеннее Артура - таково было излюбленное мнение; а когда в 1189 году в аббатстве Гластонбери были обнаружены его останки, люди, полагая, что доблесть всегда соответствует размеру конечностей, решили, что его кости имеют гигантский каркас[373].

Двор Артура считался семинарией военной дисциплины для рыцарей всех стран; считалось, что его сто пятьдесят[374] добрых спутников считают своим главным долгом защищать вдов, девиц и сирот[375], не только в Англии, но и во всех странах, куда их могут пригласить. Они были поборниками общественного блага и, как львы, давали отпор врагам своей страны. Их обязанностью было укреплять репутацию чести и подавлять все пороки, облегчать страдания людей, пострадавших от несчастия, бороться за святую церковь и защищать паломников. Предполагалось, что им также предписывалось хоронить воинов, нуждающихся в погребении, освобождать пленных, выкупать пленников и лечить людей, получивших ранения на рыцарской службе и в своей стране. Помимо этих патриотических и гуманных обязанностей, считалось, что они образовывали постоянный суд для возмещения обид; ведь Артур, если к нему поступала какая-либо жалоба, обязан был послать одного из своих рыцарей для ее удовлетворения.

Сэр Лонселот.

Добродетели рыцарей Круглого стола были зеркалом, в котором отражалось рыцарство Англии. Эти добродетели прекрасно описаны в плаче сэра Эктора над мертвым телом сэра Лаунселота Озерного, самого лучшего из всех спутников Артура: - "Ты не сходил с руками ни одного земного рыцаря; и ты был самым красивым рыцарем, который когда-либо обнажал щит; и ты был самым верным другом своей возлюбленной, которая когда-либо скакала на коне; и ты был самым верным любовником грешного мужчины, который когда-либо любил женщину; и ты был самым добрым человеком, который когда-либо наносил удары мечом; и ты был самым хорошим человеком, который когда-либо находился среди толпы рыцарей; и ты был самым кротким человеком и самым нежным, который когда-либо ел в зале среди дам; и ты был самым суровым рыцарем для твоего смертельного врага, который когда-либо всаживал копье в остальных." [376] Следующим по рангу после сэра Лонселота был его друг сэр Тристрам, история походов и любви которого так широко вошла в фантазии и разговоры наших предков. Затем шел сэр Гавейн, племянник Артура, яркий образец вежливости, добродетели, которая так высоко ценилась в рыцарские времена. Чосер делает очень приятную аллюзию на него в "Рассказе сквайра". Описывая появление странного рыцаря, наш старый бард говорит, что он

"Приветствует короля и повелителей аллеи
По приказу, когда они сидели в зале,
С таким почтением и соблюдением,
Как в речи, так и в облике,
Что Гавейн с прежней вежливостью,
Хоть он и прибыл из фейри,
Ни словом не мог его поправить"[376].

Самой выдающейся из всех рыцарских добродетелей, которую олицетворяли институты Артура, было братство: ведь считалось, что за одним огромным и таинственным столом, подаренным чародеем Мерлином, Артур и все его пэры сидели в полном равенстве; и с этой идеей можно связать то обстоятельство, что дружеское общение рыцарского круглого стола разрушило железные различия феодальной надменности, и не только "смягчило королей в соратников, но и возвысило частных людей до соратников королей". Местность отпирает ворота памяти, независимо от того, хранятся ли в ней сокровища воображения или более суровых сил разума; и с более серьезным интересом, чем тот, с которым современный путешественник следует за Дон Кихотом в Сьерра-Морене, наши предки были склонны отмечать Винчестер и Виндзор, Камелот в Сомерсетшире, Карлион в Монмутшире, где

"Сын Утера,

"Сын Утера, в сопровождении английских и арморских рыцарей".

устраивал свои торжественные пиры вокруг Круглого стола.

Орден чулок.

Происхождение фразы "Синий чулок".

Многие ордена, историями которых заполнены страницы трудов о рыцарстве, не претендуют на свое место; ведь они были лишь объединениями кавалеров без королевской или понтификальной власти и не носили ни значков, ни крестов, кроме как в воображении писателя. Только одно из этих братств заслуживает упоминания. Общество де ла Кальца (Чулок) было создано в Венеции в 1400 году, в честь инаугурации дожа Микеле Стено. Занятиями членов были беседы и празднества; и столь великолепны были развлечения с музыкой и танцами, что веселые духи из других частей Италии с нетерпением ждали чести занять место в обществе. Все их уставы касались только церемоний бала или театра, и члены, решив неукоснительно выполнять их, давали в церкви клятву в этом направлении. У них были знамена и печать, как у уполномоченного рыцарского ордена. Их одежда была настолько великолепной и элегантной, насколько позволяли венецианская роскошь и вкус; и, в соответствии с необычным обычаем итальянцев отмечать академии и другие интеллектуальные объединения некоторыми внешними признаками глупости, члены, когда они встречались для обсуждения литературных вопросов, отличались цветом своих чулок. Иногда цвета причудливо смешивались, а иногда преобладал один цвет, особенно *синий*. Общество де ла Кальца просуществовало до 1590 года^[377], когда пижонство итальянской литературы приняло другой символ. Отвергнутое название перешло через Альпы и нашло благоприятную почву в легкомыслии и литературных пустяках парижского общества, и особенно заклеимило женский педантизм как самую сильную черту в характере французского притязания. Из Франции оно перекочевало в Англию и некоторое время обозначало тщетность небольших достижений в литературе наших женских клубов. Но теперь уместность его применения постепенно исчезает, поскольку во всех кругах мы видим, что достижения в литературе могут быть достигнуты без потери женской скромности. Именно в этой стране, прежде всего в других, знание утверждает свое право на всеобщее господство, или утверждает, что если она является поддерживающей энергией одного пола, она образует легкое очарование, изящную драпировку другого.

ГЛАВА. VIII.

РАЗВИТИЕ РЫЦАРСТВА В АНГЛИИ ОТ НОРМАННСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ ДО КОНЦА ПРАВЛЕНИЯ ЭДУАРДА II.

Рыцарство, связанное с феодализмом ... Рыцари-стипендиаты ... Рыцарство как обязательная честь ... Прекрасные примеры рыцарства в правление Эдуарда I ... Эффект рыцарства в правление Стефана ... Трубадуры и писатели романсов в правление Генриха II ... Рыцарские нравы того времени ... Кёр де Лев - первый рыцарский король ... Его рыцарское происхождение ... Джон и Генрих III ... Эдуард I ... Его галантность на турнире ... Его нерыцарские жестокости ... Он не обладал рыцарской вежливостью ... Изображение старинных манер ... Эдуард II ... Рыцарские обстоятельства в битве при Бэннокберне ... Особый эффект рыцарства в царствование Эдуарда II.

В первой главе мы проследили, с помощью немногих сохранившихся источников, как зарождалось рыцарство в Европе. Теперь мы можем проследить его развитие, и, чтобы избежать неудобств, связанных с частыми переходами, будет лучше проследить исторический путь в каждой рыцарской стране, чем пытаться составить один общий сборник рыцарских событий. И сначала о его влиянии в Англии.

Многие рыцарские принципы и обычаи были известны англосаксам^[378] и в определенной степени повлияли на характер нации.^[379] Многие элементы рыцарства были принесены в Англию норманнами, и со временем они были оформлены, благодаря энергии, которая была в них заложена, в справедливую и благородную систему. Авантюризм рыцарства хорошо сочетался с народом, который, покинув негостеприимные берега Скандинавии, наложил отпечаток на свои завоевания во Франции, Италии и даже Греции. Нормандская нация представляла собой одно огромное братство, и поэтому для них было естественным питать принципы рыцарского братства.^{380]} О них рассказывают, что они принесли с севера любовь к великолепию, а, научившись у французов вежливости, они были способны восхищаться рыцарскими зрелищами и галантностью.^[381] Они, правда, презирали религиозную часть саксонских церемоний посвящения в рыцари, но вскоре переняли их; мы видим, что сам Уильям Руфус был посвящен в рыцари архиепископом Ланфранком^[382].

Рыцарство, связанное с феодализмом.

Стипендиальные рыцари.

Рыцарство стало частью национальной конституции, когда Вильгельм Завоеватель разделил страну на около шестидесяти тысяч рыцарских наделов с правом военной службы. Духовенство, как и миряне, было вынуждено предоставлять вооруженных рыцарей на лошадях в качестве платы за свои владения, когда король отправлялся за границу против своих врагов; и, следовательно, рыцари стали прикрепляться к каждому церковному фонду. Эти служители церкви, как правило, были младшими членами баронских семей; а поскольку для них постоянно находился повод, рыцарство превратилось в военную профессию. В Англии, как и в любой другой стране, феодальное войско оказалось недостаточным для внешних войн и широкомасштабных внутренних восстаний; ведь немногие сражения можно

было закончить за сорок дней, а это был тот короткий срок, который в самые ранние феодальные времена был установлен для продолжительности военной службы. Когда мелкие государства превратились в королевства, а их государственные операции стали обширными, многие военные предприятия распались, не достигнув цели, потому что время службы истекло. Рыцари так часто требовали платы за службу, что были рады компенсировать ее денежными штрафами. Государи были непомерны в своих поборах, чтобы иметь возможность оплачивать стипендиальные замены; но одно из важнейших положений Магна Харты давало только парламенту право налагать этот эскулапский или военный налог.^[383] Когда возник обычай эскулапа - вопрос, который не выяснен никакими античными исследованиями. Статья в Магна Чарта показывает не только его существование, но и то, что он использовался как инструмент тирании; и в этом аспекте рыцарской истории правление Иоанна очень важно. Большинство из этих зависимых лиц были рыцарями со своим вооружением и лучниками, и государь имел обыкновение заключать договоры со своими баронами на их сопровождение в его зарубежных походах. Таким образом, рыцарство и феодальное владение перестали быть взаимозаменяемыми понятиями; однако дух рыцарства надолго пережил упадок форм феодальных обязательств, поскольку практика эскулапа была полностью установлена во времена Эдуарда III, и это была самая яркая эпоха английского рыцарства.

Рыцарство - обязательная честь.

В Англии рыцарство всегда считалось необходимым отличием людей с определенным достатком и состоянием.^[384] В царствования трех первых Эдуардов рыцарский ценз варьировался от земли стоимостью от сорока до пятидесяти фунтов в год. Король был сувереном и верховным судьей рыцарства, и он мог наделять рыцарством любого, кого пожелает. Он мог заставить достойных людей стать рыцарями, поскольку рыцарство было почетно для королевства. Как и исполнение любой другой обязанности в любом обществе, рыцарство могло быть компенсировано деньгами; и королевское приглашение к почету было настолько обширным, что это было неудобно; в царствование Эдуарда II был принят закон, согласно которому король на некоторое время откладывал выплату штрафов для тех людей, чье положение в мире делало рыцарство необходимой частью их существования. Кроме всех этих способов формирования рыцарства в Англии, следует добавить обычай возводить в рыцарское достоинство людей, прославившихся боевыми подвигами. Это был действительно способ, более чистый по принципу и, следовательно, более почетный, чем любой из упомянутых нами.

Военные нужды многих наших государей способствовали росту рыцарства. Вильгельм Руфус приглашал к своему двору лучших кавалеров из всех стран^[385]; поскольку его отец подчинил Гарольда не только феодальной силой Нормандии, но и наемными солдатами, естественной политикой королей норманнской династии было прикрепление к своей особе доблестных людей, не связанных природными узами с народом.

Прекрасный пример рыцарства в правление Генриха I.

Принципы и чувства рыцарства прочно утвердились в Англии в царствование Генриха I и придали тон и характер нашим внешним военным действиям. Это положение вещей интересно подтверждается одним обстоятельством, произошедшим во время войны Генриха с Людовиком, французским королем. Читатель помнит, что последний выступал на стороне Вильгельма, сына Роберта, старшего брата Генриха, которого дядя удерживал от законного наследования Нормандии. Рыцарский анекдот таков: Две армии приближались друг к другу возле Ауделей, когда, вместо того чтобы броситься в бой всей массой, пятьсот рыцарей с

английской стороны и четыреста с французской приготовились к поединку, к поединку на словах. Около восьмидесяти норманнов, друзей французского короля, атаковали центр линии Генриха с истинно рыцарским огнем. Английский монарх был тяжело ранен в голову, но норманны не смогли пробить крепкий строй англичан, и все они были взяты в плен. Триста оставшихся рыцарей Людовика предприняли прекрасную попытку выкупить своих товарищей по оружию. И снова английская линия была непробиваема, а отдача от удара рассеяла французов. Теперь воины Генриха стали нападающими; они так яростно отстаивали свое преимущество, что даже французскому королю едва удалось спастись^[386].

Влияние рыцарства в правление Стефана.

Рыцарский характер оказал большое влияние на Англию во время беспокойного правления Стефана. Когда его покинули бароны, он призвал иностранных кавалеров, чтобы те помогли ему в борьбе с императрицей Мод. Их доблесть была вознаграждена пожалованием поместий; так возник новый порядок дворянства, чтобы поколебать высокомерие старого; и новые мнения, чувства и манеры смешались с английскими обычаями.

Трубадуры и писатели-романтики, правление Генриха II.

Рыцарские нравы того времени.

Рыцарское оружие заржавело за время долгого и невоинственного правления Генриха II; но многие из более мягких рыцарских качеств были культивированы благодаря любви к письмам, которую питали государь и его королева. Трубадуры нашли в Англии королевское и, в силу примера, благородное покровительство; и как бы оскорбительно для классического уха ни звучали их измышления и напыщенность, все же, поскольку они относились к любви как к делу фантазии, а не как к аппетиту, они способствовали очищению нравов эпохи. По другому каналу литература содействовала делу оружия. Романтика с ее смелыми вымыслами и великолепными красками внушала самым скромным сердцам любовь к приключениям. Те предания и басни об Артуре и рыцарях Круглого стола, которые сохранились в памяти жителей Британии (этой древней колонии Англии), были собраны архидиаконом Уолтером из Оксфорда и вошли в латинскую историю Великобритании, написанную во времена Генриха I Джеффри из Монмута. Уэйс, главный переводчик эпохи, переложил ее на англо-норманнский лад, добавив к ней все истории о своем герое, которые витали в умах англичан. Сюжет соответствовал военному вкусу того времени; а поскольку теперь книга была переведена на язык высших слоев общества, она попала в баронский зал и дамскую беседку. Это был самый ранний из французских метрических романов; до конца двенадцатого века дворяне не читали ничего, кроме романов об Артуре и его рыцарях. А спорт и упражнения того времени питали рыцарский дух. Один из писателей тех дней дал нам их наглядное описание. "Каждое воскресенье Великого поста, сразу после обедни, толпы благородных и энергичных молодых людей, верхом на боевых конях, великолепно обученных выполнять все их повороты и эволюции, выезжают в поле отдельными группами, вооруженные копьями и щитами, и демонстрируют изображения сражений, и проходят через все свои боевые упражнения. Многие из молодых дворян, еще не получивших рыцарского звания, выходят из королевского двора, из домов епископов, графов и баронов, чтобы испытать свою храбрость, силу и умение владеть оружием. Надежда на победу поднимает дух этих благородных юношей; их пылкие кони ржут, ржут и бьют по крупу. В конце концов подается сигнал, и состязания начинаются. Молодые люди, разделившись на противоположные группы, сталкиваются друг с другом. В одном месте одни летят, а другие

преследуют, но не могут их догнать. В другом месте одна из групп догоняет и перегоняет другую"[387].

Кер де Лев, первый рыцарский король.

Воинская отвага, поощряемая и поддерживаемая таким образом, вспыхнула с новой силой в царствование Ричарда Кёр де Льва; и Англия, которая до этого лишь частично и от случая к случаю участвовала в крестовых походах, теперь взялась за эти священные и опасные предприятия с пылом французов. Ричард был первым королем Англии с рыцарским характером; ибо я не могу, как некоторые писатели, отнести Вильгельма Руфа к числу наших рыцарских государей. Вместе с ними я не вижу ничего великодушного в том, что он принял под свои знамена вражеского солдата, который оседлал его и намеревался убить, потому что тот объявил себя королем Англии. Поведение солдата заслуживало награды, и Вильгельм поступил лишь из обычного эгоизма, приняв на службу столь хорошего воина. Руфус обладал просто жестокой храбростью, но это качество не было характерно для рыцарства. Его храбростью не руководили ни религия, ни любовь к славе, она не была закалена в добродетели благотворительностью жизни. Когда вместе с Робертом он осаждал замок своего брата Генриха, Руфус совершил один из самых нерыцарских поступков в истории. У Генриха закончились запасы воды, и он попросил немного у своих братьев, руководствуясь истинно рыцарским принципом, что доблесть должна решать исход битвы и что недостойно гордости воина одерживать победу только благодаря тому, что его противники испытывают недостаток в предметах первой необходимости. Роберт, проявив рыцарскую щедрость, снабдил своего брата, к большому сожалению Вильгельма, который высмеивал и сердился на его простодушие[388].

Его рыцарская осанка.

Но в Ричарде весь рыцарский характер предстал во всем своем воинском достоинстве и великолепии. Его храбрость была не просто дикарской уверенностью в превосходстве сил, а прекрасным проявлением рыцарских упражнений. Такова была мощь его руки и такова свирепость его духа, что он мог сметать с поля боя целые эскадры рыцарей. Когда мы видим его копье, поражающее турок на стенах Акры[389], подвиги греческих героев перестают казаться поэтическими выдумками; а когда он появляется на равнинах Палестины, выхватывает копье и скачет от крыла к крылу сарацинского войска, не встречая врага, осмелившегося встретить его карьеру, истории об Артуре и Круглом столе кажутся спокойными отношениями правды.

Никто не был более внимателен к рыцарским правилам, чем Ричард. Во время крестового похода на него напали несколько деревенщин, против которых рыцарю запрещалось применять меч. Он бил их плоской частью меча, пока тот не сломался, а затем взял камни и прогнал их прочь.[390] В сознании Ричарда царил самый лучший дух рыцарского либерализма. Его щедрость, как для собственных воинов, так и для воинов его союзника Филиппа Августа, находившихся в Сицилии во время их путешествия в Палестину, была столь величественной, что было признано, что за месяц он раздал больше сокровищ, чем его предшественники за год[391].

Подобно романтическим рыцарям, он наслаждался роскошью и великолепием, а при его дворе звучали светские песни менестрелей. Один из провансальских поэтов последовал за ним в Палестину: он не нуждался в том, чтобы чужие умы смягчали его воинственный дух, ибо часто его собственная фантазия играла поэтическими образами. В истории рыцарских увеселений Ричард - важный персонаж. Все его предшественники на посту правителя запрещали поединки и турниры, и их абсурдные предписания были нарушены только во

времена Стефана. Когда Ричард был в Святой земле, он заметил, насколько английское рыцарство уступает французскому: его собственные рыцари были грубыми солдатами, не обладавшими ни ловкостью, ни мастерством своих братьев-крестоносцев, которые можно было приобрести только на турнирах, в школах войны. Ричард преодолел ревность к перениманию чужих обычаев и, как политичный монарх, разрешил и поощрил своих воинов заниматься боевыми упражнениями[392].

Эти обстоятельства и другие события его рыцарской жизни, которые я подробно описал в другой работе, дополняют подлинный образ нашего львиного короля, ибо я не смею наделять суровую простоту истории теми золотыми вымыслами, которыми романтики с удовольствием осыпают историю его восточных достижений.

Иоанн и Генрих III.

В характере и поведении его брата и преемника короля Иоанна не было ничего рыцарского, иначе он не допустил бы, чтобы у него отняли иностранные владения английской короны. В правление Генриха III рыцарское пламя поддерживалось некоторыми английскими рыцарями, которые помогали императору в его миланских войнах и чья доблесть была самой выдающейся на тот момент. Крестовые походы в Святую землю не были полностью забыты, но страница нашей истории отмечена особым позором, когда английские рыцари помогали французам в их бесчеловечной войне с альбигойцами.

Эдуард I.

Его галантность на турнире.

В Эдуарде I было много рыцарского характера. Он был прилежным читателем древних романов; и как только его посвятили в рыцари, он отправился к иностранным дворам, чтобы продемонстрировать свою доблесть.[Ради обретения воинской славы он обнажил свою персону в Святой Земле, и, во время путешествия на родину, будучи больным и изможденным дорогой, он проявил замечательный героизм на турнире в Савойе. 394] Его соперником был граф Шалонский; но если бы папская власть могла уничтожить рыцарство, рыцари никогда бы не встретились. Папа опасался, что возникла угроза вражды, и убедительно отговаривал Эдуарда от турнира. Он предупредил его об опасности: увещевал его, как сына церкви, отказаться от этих поединков, которые церковь запретила; и добавил, что, поскольку Эдуард теперь король, он может отказаться от вызова, так как короли не имеют обыкновения рисковать своей персоной в таких опасных схватках. Но большинство из этих причин лишь подстегивали его мужество: чем больше опасность, тем больше честь, и было ниже галантности его поведения бросать свое звание как щит перед рыцарством. В сопровождении тысячи оружных людей и конных и пеших лучников Эдуард направил своего скакуна на выбранную равнину, и граф Шалонский встретил его с таким же духом и почти вдвое большим числом спутников. Английский король вскоре обнаружил, что ни возвышенная вежливость, ни любовь к рыцарским упражнениям не повлияли на французского лорда. Изящный турнир вскоре превратился в смертельную схватку. Дело чести восторжествовало, и рыцари Шалона были либо убиты, либо изгнаны с поля боя. После того как многие кавалеристы с каждой стороны были выведены из строя, лорды обеих сторон столкнулись. Их копья встретились и задрожали; если бы Шалон был вежливым рыцарем, он бы отошел на другой конец равнины и взял новое копье, чтобы продолжить свое предприятие; но, взбешенный тем, что его оружие не работает, он бросился на Эдуарда, пытаясь раздавить его своим огромным весом. В этот момент лошадь Эдуарда рванулась вперед, и граф упал на землю. Его спутники подняли его, но он так сильно ушибся при

падении, что взмолился о пощаде. Его поведение выводило его из рамок рыцарского достоинства, поэтому Эдуард обращался с ним как с ничтожеством. Он избил его плоской частью своего меча; отказавшись взять его в плен, он заставил его отдаться человеку низкого происхождения[395].

Его нерыцарские жестокости.

Он не обладал рыцарской вежливостью.

Любовь Эдуарда к рыцарским упражнениям была подхвачена его дворянством. Турниры и поединки проводились в разных частях страны, а Кенилворт особенно известен своим Круглым столом, на который съезжались рыцари из всех стран.[396] Поэтому в шотландских войнах его армии не испытывали недостатка в рыцарской храбрости. В битве при Фалкирке сила шотландцев была пешей, а англичан - конной, и неоднократные атаки рыцарства Эдуарда решили судьбу того памятного дня. В своих валлийских войнах он запятнал свою репутацию рыцарского великодушия, выставив на всеобщее обозрение голову своего злейшего врага, Ллевелина ап Гриффита, последнего государя Уэльса[397]; а его известное поведение с Уоллесом свидетельствовало о таком отсутствии всякого благородства духа, что он лишился права на рыцарское внимание. Красивые детали, украшения рыцарства были подчинены его честолюбию. Перед второй войной в Шотландии он поклялся в аббатстве Весминстер Богом, а также двумя лебедями, которых с большой помпой и пышностью внесли в собрание, что накажет шотландский народ за нарушение веры и за смерть Комина. Рыцарские любезности также не украсили Эдуарда: королева Брюс и ее дамы попали в его власть, и вопреки всей рыцарской галантности, он обращался с ними как с пленницами. Было что-то особенно свирепое в его обращении с графиней Бьюкен, которая также была его пленницей. Ее проступок заключался в том, что она короновала Брюса. Эдуард воскликнул с нарочитой злобой: "Поскольку она не использовала меч, она не погибнет от меча; но за свой незаконный заговор она будет заключена в каменную и железную камеру, круглую, как корона, которую она подарила; а в Бервике ее подвешат под открытым небом, чтобы она была зрелищем для путешественников и вечным позором"[398] И английский Тамерлан не успокоился[399].

Картина древних нравов.

Завершение правления Эдуарда I примечательно великолепной сценой, иллюстрирующей древний способ создания рыцарей и рыцарские нравы наших предков. Перед тем как отправиться в свое последнее и роковое путешествие в Шотландию, Эдуард объявил по всей Англии, что все лица, имеющие право на рыцарскую честь по обычаю наследственного престолонаследия или обладающие поместьями, достаточными для поддержания этого достоинства, должны в ближайший праздник Пятидесятницы явиться в Вестминстер, и каждому из них будет выдано из королевского гардероба за счет короля праздничное и инаугурационное рыцарское одеяние.

Соответственно, в назначенное время и в назначенном месте состоялся честный и галантный смотр трехсот молодых джентльменов, сыновей графов, баронов и рыцарей, и среди этих претендентов на рыцарство были в изобилии розданы, в соответствии с их различными званиями, пурпур, виссон, меха и мантии, расшитые золотом. Королевский дворец, хотя и был великолепно просторен, не мог вместить всех этих молодых эскулапов с их свитой из йоменов и пажей. Многие из них отправились в Новый храм, где, вырубив деревья и выровняв стены сада, поставили свои шатры и павильоны, отважно подражая настоящим военным действиям. Они совершали свои бдения в церкви Темпла, в то время как

принц Уэльский, по приказу короля-отца, провел ночь в молитве в Вестминстерском аббатстве.

На следующий день король надел на сына военный пояс и передал ему герцогство Аквитания. Принц, посвященный в рыцари, отправился в аббатство, чтобы оказать такую же воинскую честь своим спутникам. Вокруг главного алтаря собралось такое количество зрителей, что два рыцаря были задушены, а несколько потеряли сознание, хотя каждого из них поддерживали три рыцаря, обладающие большой доблестью. Принц, сопровождаемый отцом и высшей знатью, подошел к алтарю, и его стража пропустила друзей, чтобы они приняли рыцарское звание из его рук. После того как он окрестил и обнял их всех, его сопровождающие внесли двух лебедей, покрытых золотыми сетями, которые были украшены и украшены золотыми шипами. Это была самая радостная часть церемонии в глазах народа, и его грубые и радостные крики заглушали звуки труб. Король, как уже говорилось, поклялся небом и лебедями, что отправится в Шотландию; и даже если он погибнет в этом предприятии, то отомстит за смерть Комина и за поруганную веру шотландцев. Затем он заверил принца и дворян, а также свою дружину рыцарей в их верности и рыцарстве, что если он умрет во время путешествия в Шотландию, то они понесут его тело вперед и не похоронят его до тех пор, пока его сын не установит свое господство. Все сердца согласились с этим высоким решением, и церемония завершилась. В тот день рыцари пировали в королевском дворце; и пока они пили мускадель в честь рыцарства и дам, менестрели в своих песнях напоминали им об их долге поклясться перед лебедями совершить несколько редких подвигов. Принц поклялся, что никогда не будет отдыхать две ночи на одном месте, пока не исполнит высокое повеление своего отца; другие рыцари дали различные фантастические клятвы для достижения той же цели[400].

Эдуард II.

Рыцарские обстоятельства в битве при Бэннокберне.

Поражение английского рыцарства в битве при Бэннокберне (24 июня 1315 года) стало самым примечательным событием в царствование Эдуарда II. В предыдущий день Дуглас[401] и сэр Роберт Кит, маршал Шотландии, были отправлены Робертом Брюсом из основной части его армии, чтобы узнать, не приближается ли враг.

"И вскоре они увидели великое войско,
Где щиты так блеснули,
И корзины ярко горели,
Что давали против солнца великий свет.
И увидели они столь феле[402] бравурных[403] знаменосцев,
штандарты, и вымпелы, и копыя,
И так много рыцарей на конях,
Все пылают в своих травах.
И так фелины[404] бичи[405], и так широки,
И так просторно они скакали.
Что самый большой отряд, и самый крепкий
Христианства и величайшие
Должны были бы абайтить[406], чтобы увидеть
их врагов в таком количестве".

The Bruce, vol. ii. p. 111.

Английский авангард, которым командовали графы Глостер и Херефорд, вскоре появился в общем поле зрения. Появление армии Эдуарда описано Барбуром в богатом рыцарском стиле.

"Солнце было ярким и сияло ясно,
И доспехи блестели,
Так блестели от солнечного луча,
Что вся земля была в леме[408],
Знамена прямо-таки безукоризненны[409],
И пенсели на ветру развевались"[410].
Barbour, xi. 188-193.

Брюс ехал верхом на полуторке и собирал своих людей, когда сэр Генри де Бохун выехал из противоположной части войска и бросился на него верхом. Сэр Генри был скорее свирепым, чем галантным рыцарем, иначе он не стал бы давить своим боевым кормом противника, который ехал верхом на .[411] Но его недостаток рыцарской галантности был справедливо наказан.

"И когда Глоситер и Хертфурд были,
И приближалась их битва,
Перед ними все верхом ехали,
Со шлемом на голове и копьем в руке,
Сэр Генри Бун, достойный,
Который был рыцарь рыцарский и выносливый;
И графу Хертфурду двоюродный брат;
Вооружен хорошо и прекрасно;
Приезжал на коне, стрелял из лука,
раньше всех остальных, кто там был.
И знал король, что видел он
Он так выстроил своих людей в ряд;
И по короне, что была надета
И по короне, что на груди его,
И к нему он поспешил.
И король, так открыто
Увидел, как он пришел, все его свирели[412]
В ги[413] к нему коня он направил.
И когда сэр Генри увидел короля.
Come on forouting abaysing,[414]
К нему он поскакал в полном вооружении.
Он подумал, что должен легко
Завоевать его и завладеть им по своей воле,
Раз уж он его так плохо видел.
Вскоре[416] они подъехали к лингаму,[417]
Сэр Генри пропустил благородного короля.
А он, что в стремях стоял,
С топором, что был тверд и хорош,
С таким огромным ударом, что ни шапка, ни шлем не могли его стиснуть,
Что ни шапка, ни шлем не могли устоять,
И не могли устоять ни шапка, ни шлем,
Что у головы к сбруе прилипли.

Ручной топор древко фрущит[420] на буксире;
И он спустился к ярду.
Все флатлинги[421], для него неудачные.
Это был первый удар в поединке".
Barbour, vol. ii. p. 122.

Великодушие рыцарства было очень благородно проявлено еще в одном обстоятельстве, которое предшествовало великой битве. Главной целью англичан было перебросить подмогу в замок Стирлинг; поэтому Эдуард приказал сэру Роберту Клиффорду с восемью сотнями всадников объехать низины на востоке и приблизиться к замку. Брюс, предвидя намерения англичан, поручил Рэндольфу, командовавшему его левым крылом, не допустить освобождения Стирлинга; увидев, что английские войска беспрепятственно продолжают свой галантный путь, он воскликнул: "Роза упала с твоего венчика, Рэндольф"[422] и горько упрекнул его в недостаточной бдительности. Ничто, кроме крайней отчаянной доблести, не могло смягчить этот позор; собрав вокруг себя несколько сотен смельчаков, шотландский генерал выступил против англичан. Клиффорд в своей рыцарской гордости думал, что сможет быстро рассеять отряд легковооруженных пехотинцев, которые сейчас выстроились в круг, упираясь копьями в землю, острия которых торчали во все стороны. Англичане бросились в атаку, но сопротивление оказалось более галантным, чем они предполагали. Тем не менее, шотландцы, казалось, постепенно сдавали позиции, и Дуглас, видя опасность, попросил у короля разрешения пойти и присоединиться к нему. "Вы не сдвинетесь с места, - вскричал король, - пусть Рэндольф выкручивается как может. Я не стану менять свой боевой порядок и терять преимущество своей позиции". Но Дуглас повторил свою просьбу и вырвал разрешение у короля. Он помчался на помощь своему другу. Но прежде чем он достиг его, он увидел, что англичане впали в беспорядок, и что упорство Рэндольфа взяло верх над их стремительной храбростью. "Стойте, - вскричал Дуглас, как великодушный рыцарь, - эти храбрецы отразили врага; давайте не будем уменьшать их славу, разделяя ее".

О самой битве при Бэннокберне мне мало что нужно говорить, поскольку в ней не было ничего рыцарского. Некоторые историки описывают поражение англичан, как, в основном из-за того, что шотландская кавалерия привела в замешательство тылы их лучников. Другие утверждают, что Брюс, видя недостаточность собственной кавалерии для борьбы с английской, сформировал баталии или дивизии своей армии исключительно из пеших солдат и вырыл траншеи перед своей линией, слегка прикрыв их дерном и препятствиями. Галантные рыцари Англии, освещая солнцем свои блестящие шлемы и золоченые щиты, двинулись в атаку на ошетилившийся фронт шотландцев: но дерн просел под напором ног их лошадей, и люди вместе со своими конями оказались на милости у врага. То одно, то другое из этих обстоятельств переломило ход сражения, и шотландский резерв, грамотно подтянутый, довершил победу. Во всех отношениях полководческое искусство Брюса было достойно восхищения: но судьба битвы никак не отразилась на личном характере английского рыцарства; ведь они не потерпели поражения в схватке копыта с копьём и коня с конем. Храбрость одного английского рыцаря не должна остаться незамеченной. Сэр Джайлс Д'Арджентин, увидев, что некоторые из его друзей замерли в тревоге, воскликнул, что не привык летать, и, пришпорив своего боевого коня, галантно погиб в самой гуще схватки. Это был не единственный пример мужества; даже Эдуард, казалось, на мгновение проникся огнем Плантагенетов. Он бросился в ряды противника и был силой отвлечен графом Пембруком, когда мужество уже явно было бесполезно[423].

Особое влияние рыцарства на его правление.

Хотя рыцарский характер поддерживался Эдуардом II лишь в течение одного мгновения его жизни, все же он был слишком глубоко укоренен в национальном сознании, чтобы умереть из-за пренебрежения к нему со стороны какого-либо отдельного монарха. Есть одно необычное обстоятельство, иллюстрирующее силу этого чувства. Во время войны с баронами, которую спровоцировала его система беспринципного фаворитизма, один из лордов отказал королеве в гостеприимстве своего замка. Этот акт индивидуального оскорбления имел общие последствия. Бароны и рыцари, испытывая отвращение к делу, к которому примешивалось столько нелюбезности, немедленно собрались вокруг штандарта короля; его оружие полностью восторжествовало, и Спенсеры были отозваны[424].

КОНЕЦ ПЕРВОГО ТОМА.

Лондон:

Printed by A. & R. Spottiswoode.

New-Street-Square.

Сноски:

[1] История Италии от падения Западной империи до начала войн Французской революции. Джордж Персеваль, эск. 2 vols. 8vo. 1825.

[2] Третий том был добавлен в 1781 году, который также носит название "Mémoires sur l'ancienne Chevalerie"; хотя более половины тома относится к охоте, которая является скорее баронской или феодальной, чем рыцарской темой.

[3] The Troubadour, &c. Л. Э. Л., автор "Импровизатрицы". 12mo.

[4] Жан Фруассар, прозванный сэром Жаном Фруассаром (титул "сэр" в средние века был общим для всех, кто состоял в святом церковном или рыцарском орденах), родился в Валансьене в 1337 году, а умер в 1397-м.

[5] Пролог в переводе Фруассара - лорда Бернерса.

[6] Я привожу латинскую версию арабского отрывка, приведенного Шультенсом в книге Bohadin, vita et res gestæ Saladini, с. 127. p. 209. "Cupere Anglum ut Almalichus Aladilus sororem ipsius in matrimonium duceret (eam e Sicilia cujus functo domino nupta fuerat, secum avexerat frater, quum insulam illam trajiceret)."

- [7] Латинская версия Абульфеда у Рейске такова: "Illuc commeabant Francorum pacis causa legati, eam offerentes conditionem, ut Malec-al-Adel, frater Sultani sororem Regis Angliæ in matrimonium, et Hierosolymas in regnum acciperet." Abulfeda, vol. iv. p. 111.
- [8] Tacitus Germania, sec. 6. Cæsar de Bello Gallico, lib. i. s. 48.
- [9] Tacitus Germania, s. 13. Mallet's Northern Antiquities, vol. i. p. 197.
- [10] Tacitus Germania. Cæsar, lib. 6. s. 14.
- [11] Ammianus Marcellinus, lib. 16. c. 13.
- [12] Chron. Saxon, 57 и др. Флоренция, ad an. 784. Уильям Мальмсберийский, 7.
- [13] Athenæus, lib. iv. c. 36.
- [14] Трактат о добродетели женского пола.
- [15] Tacitus Germania, s. 18. c. 19.
- [16] Ibid.
- [17] Strabo, lib. iv. Tacitus Historia, lib. iv. c. 61. 65. Pomponius Mela, lib. iii. c. 6.
- [18] Tacitus, Hist. lib. iv. c. 18. Жизнь Агриколы, с. 32. Germania, s. 7.
- [19] Barthol. p. 54. цитируется по Warton, Dissert. I. О происхождении романтической фантастики в Европе, в первом томе последнего замечательного издания его "Истории английской поэзии".
- [20] Любопытно также, что этот удар, как говорят, был обычным: "Dato eisdem, sicut consuetudinis est, manu colapho."
- [21] Не совсем по форме, поскольку к этому времени пояс с вставленным мечом опоясывал военного кандидата, а не вручал ему копье. См. предыдущую страницу.
- [22] Уильям Мальмсберийский, lib. ii. c. 6.
- [23] Ingulph, p. 512.
- [24] Saxton, Fayts of Arms and Chivalry, глава под названием "О чести, которую следует оказывать рыцарю".
- [25] Spencer's Fairy Queen, book v. canto 5. st. 37. В романе "Морте д'Артур" говорится, что в ранние времена не было отшельников, но были люди, обладавшие культом и доблестью; "и отшельники вели большое хозяйство и освежали людей, которые были в беде". Lib. 18. c. 10.
- [26] Читатель найдет в словаре Джонсона этимологию слова *sir*. Когда это слово, признающее власть и превосходство, было впервые использовано в качестве рыцарского титула, я не знаю. Есть примеры вплоть до царствования Генриха II.
- [27] Coke, Instit. 4. В отчетах комитетов лордов, касающихся пэража (напечатано 2 июля 1821 года), часто высказываются сомнения относительно значения слова Banneret. Немного внимания к разнице между личным рыцарским дворянством и дворянством, которое возникло как франшиза, приложенная к земле, позволило бы избежать подобных сомнений, и можно было бы сделать вывод из принципов, вместо того чтобы гадать на основе прецедента, что титул баннерета не имеет отношения к достоинству лорда парламента.

Комитеты лордов, кажется, удивлены тем, что бароны иногда должны были дополнять рыцарей, а в другое время - баннеретов, но на самом деле шевалье был титулом, который охватывал все остальные, и, как и слово "лорд", использовался в общем смысле".

[28] См. Дю Канж, Диссертация 9. о Жуанвиле. Этот ученый комментатор, кажется, склонен путать рыцарей-баннере с баронами, рыцарство с дворянством; и стадо последующих авторов, развивая его ошибку, серьезно поместили рыцарей-баннере как орден или класс общества, промежуточный между дворянством и рыцарством.

[29] Некоторое состояние, однако, всегда считалось необходимым для поддержания достоинства рыцаря-баннерета. В 28-й год правления Эдуарда III. Джон де Кобхэм был сделан баннеретом и получил пожалование в 100 марок из доходов графства Норфолк, специально для лучшей поддержки этого достоинства. Dugdale's Baronage, vol. ii. p. 66. Многие подобные случаи упоминаются в Парламентских списках.

[30] Заметка Уотерхауса о Фортескью проиллюстрирует это. "Титул франклина - "хороший человек"; и все же у них часто есть рыцарские поместья. Многих из них называют по вежливости "господами" и даже "джентльменами"; их сыновья получают образование в придворных трактирах и принимаются в рыцарские и оруженосческие ордена".

[31] Незаконнорожденность, похоже, не имела ни малейшего значения. Фруассар. ii. 26.

[32] Favyn. i. 6.

[33] Когда Дон Кихот был провозглашен рыцарем, хозяин дома спросил его, есть ли у него деньги. "Ни креста, - ответил рыцарь, - ибо я никогда не читал ни в одной рыцарской истории, чтобы рыцарь-рант носил при себе деньги" - "Respondio Don Quixote que no traia blanca, porque él nunca habia leído en las historias de los caballeros andantes, que ninguno los hubiese traído." Это была очень необычная ошибка Сервантеса, поскольку в "Амадисе Гальском", который он характеризует как лучшее произведение своего класса и который, очевидно, является одним из его учебников, мы читаем, что королева дала Адриану Карлику достаточно денег, чтобы Амадис Гальский был его хозяином в течение целого года. Книга III. с. 6.

[34] Froissart, i. c. 448.

[35] Froissart, ii. c. 49.

[36] Таким образом, как замечает Брактон, если злодея делают рыцарем, он тем самым сразу же получает право на владение, а значит, считается джентльменом, l. iv. f. 198. b.

[37] Froissart, i. 384.

[38] Дю Канж говорит, что третий рыцарский орден состоял из эсквайров; но он, очевидно, считает их личными сопровождающими рыцарей, поскольку называет их *infancons* или *damoiseaux*. Похоже, он не считал, что когда-либо существовал старый, добропорядочный оруженосец.

[39] -- "Mais le dit escuyer s'excusa; et dit qu'il ne pouvoit trouver son bacinet."--Froissart, i. 211.

[40] благосклонность.

[41] скоро.

[42] усердно.

[43] пытаться.

[44] против.

[45] правило.

[46] искусство менестрелей.

[47] пошел.

[48] знал.

[49] Geste of Kyng Horn, v. 233.

[50] Заметка мистера Роуза о романе Партенопекса из Блуа, с. 51.

[51] Caxton, Fayt of Armes and of Chyvalrye, с. 9., Mémoires du bon Messire Jean le Maingre, dit Boucicaut, Maréchal de France, с. 5, 9. в шестом томе большого собрания французских мемуаров.

[52] L'Histoire de Guerin de Montglaive.

[53] L'Histoire et plaisante Cronique du petit Jehan de Saintré, vol. 1. с. 3-6. Я пользуюсь авторитетом сэра Вальтера Скотта и других известных писателей о рыцарстве, чтобы приводить этот роман как хорошее доказательство законов и нравов рыцарства. Он был написан в 1459 году; первое издание было напечатано готическим шрифтом в 1523 году и переиздано в трех томах, 12мо. в 1724 году.

[54] Caxton, Fayt of Armes and Chevalrye, с. 9.

[55] *Damoisel et Eescuyer sont arrivés à Novandel demandant chivalarie, lequel layant reçu n'est plus appelé de tels tiltres, ains seulement des tiltre de chevalier.*-Amadis de Gaul, liv. 3. с. 3.

[56] Fauchet de l'Origine des Chevaliers, liv. 1. ch. 1. Monstrelet, vol. 1. с. 138. L'histoire de Bertrand du Guesclin, с. 1.

[57] Paulus Warnefridus, lib. 1. с. 23.

[58] Eximinus Petri Salonava Justitia Arragonum. Lib. de privilegiis baronum et riccorum hominum.

[59] Froissart, vol. 2. с. 31.

[60] Froissart, vol. 2. с. 92. У графа Оксенфорда были причины раскаиваться в своем высокомерии. Сэр Джон Чандос, замечает Фруассар, хорошо подметил все, что произошло между его оруженосцем и графом, и молчал, пока принц не отошел от них, а затем, подойдя к графу, сказал: "Сэр Томас, вы недовольны тем, что я выпил перед вами? Я констебль этой страны; я вполне могу пить раньше вас, раз уж мой господин принц и другие лорды здесь довольны. Это правда, что вы были в битве при Пуатье; но все, кто там был, не знают так хорошо, как я, что вы делали. Я расскажу об этом. Когда мой господин принц совершил путешествие по Лангедоку и Каркассону до Нарбонны и вернулся в свой город Бурдо, вы решили отправиться в Англию. Что сказал вам король по прибытии, мне хорошо известно, хотя я и не присутствовал при этом. Он спросил вас, закончили ли вы свое плавание и что вы сделали с его сыном принцем. Вы ответили, что оставили его в Бурдо в добром здравии. Тогда король сказал: "Как вы осмелились вернуться без него? Я приказал вам и всем остальным при отъезде, чтобы вы не возвращались без него, а вы осмеливаетесь снова приехать в Англию. Я строго приказываю тебе, чтобы в течение четырех дней ты избежал

моего королевства и вернулся к нему, и если на пятый день я найду тебя в этом моем королевстве, ты потеряешь свою жизнь и все свое наследие навеки". И ты убоялся слов короля, как разумного, и покинул королевство, и так удача твоя была хороша, ибо действительно ты был с моим господином принцем за четыре дня до битвы при Пуатье. В день битвы у тебя было сорок копий, а у меня - четыреста. Теперь вы можете посмотреть, должен ли я пить перед вами или нет, поскольку я констебль Аквитина". Графу Оксенфорду стало стыдно, и он с радостью уехал бы в то время; но он был вынужден остаться и выслушать этот упрек от благородного рыцаря, сэра Джона Чандоса.

[61] Королева фей, кн. 1. канто 10. ст. 7.

[62] Фруассар, 1. с. 269. М. Paris, 873.

[63]

"Les prisons firent arreter,
Et en lieu seur tourner,
A leurs escuyers les liverent
Et à garder les commandement."

[64] Ulrich von Lichtenstein, p. 70. Ульрих - немецкий рыцарь, живший в XIV веке и написавший собственные мемуары. Они часто дают нам любопытные проблески древнего рыцарства.

[65] Чосер, рисуя своего оруженосца, несомненно, имел в виду отрывок из своей любимой поэмы "Ромашка с розой".

"Si avoient bien a Bachalier,
Que il sache de vieler,
De fleuter et de danser".

Я обращаю внимание на это обстоятельство не из-за литературного совпадения, а чтобы показать, что сквайр во Франции и сквайр в Англии были, по мнению Чосера, одним и тем же персонажем.

[66] Du Cange, Dissert. 7. au Joinville, и Menage, Dict. Et. in verb.

[67] Королева фей, кн. 2. канто 3. ст. 46.

"Так к своему коню он сел и поехал,
Как непригодный, чтоб все видели.
Он не был обучен рыцарскому искусству;
Что хорошо заметил тот доблестный скакун;
Ибо он презирал ступать по росе,
Но с отвагой яростной и суровой,
И быть облегченным от этой тяжелой ноши все же желал".

В старинной поэме "Осада Карвалерока" рыцаря хвалят за то, что он не выглядит на коне как спящий человек.

"Ki kant seroit sur le cheval,
Ne sembloit home ki someille."

[68] Чосер, Пролог к "Кентерберийским рассказам". Selden, Titles of Honour, part 2. с. 3, 6.

[69] Froissart, vol. 1. с. 321. В тот день лорд Лангурант творил чудеса в оружии, так что его собственные люди, а также чужаки дивились его деяниям. Он так продвинулся вперед, что подверг свою жизнь большой опасности, ибо в городе (у стен которого он стоял на лестнице) чистой силой подняли его шлем с головы, и так бы он и умер без всяких средств, если бы там не было его оруженосца, который следовал за ним так близко, что закрыл его своей мишенью, и лорд и он вместе спускались по лестнице мало-помалу, и, спускаясь, они получили по своей мишени много больших ударов. Их очень хвалили все, кто их видел" - Бернер о Фруассаре.

[70] Froissart, liv. 2. с. 24.

[71] Rigordus in Du Chesne, vol. 5. p. 59. Мистер Матурин в своем мощном и великолепном романе "Альбигойцы" очень удачно использовал приведенный выше пример с оруженосцем Филиппа Августа.

[72] Эта странная практика преобладала, говорит мистер Эллис (Specimens of early English Poetry, vol. i. p. 325.), в то время, когда дневная одежда обоих полов была гораздо теплее, чем в настоящее время, она была обычно оторочена и часто подбита мехами; настолько, что в окрестностях Лондона было создано множество варрантов для снабжения его жителей кроличьими шкурками. "Возможно, - продолжает мистер Эллис в своем обычном приятном стиле, - именно эта теплая одежда позволяла нашим предкам, наперекор северному климату, исполнять серенады своим любовницам с таким же упорством, как если бы они жили в зоне торридов".

[73] Это обстоятельство, как читатель должен помнить, было сатирически описано Сервантесом, который не всегда щадил само рыцарство в своей добродушной сатире на рыцарские романы.

[74] Дю Канж, статьи "Barbani radere" и "Capilli". Рыцари не часто соглашались на полное обривание головы. Обычно считалось достаточным, если отрезалась прядь волос.

[75] В Фаблио рыцарского ордена увещевание несколько иное, и это неизбежно, поскольку кандидат был сарацином. Не следовало ожидать, что он поклянется уничтожить своих заблуждающихся братьев. Это увещевание заслуживает того, чтобы быть извлеченным, поскольку содержит некоторые особенности, не замеченные в том, что я вставил в текст. Независимо от того, упоминается ли в нем специально или нет, посещение церкви и служение дамам всегда считались основными обязанностями рыцаря.

"Все же к истине направь сильное стремление твое,
И беги от воздуха, где обитает лжец:
Не отступай от мессы, там с преподобными ногами
Каждое утро приступай к ней и не скупись на подношения:
Каждый шестой день недели постом покоряй свой ум,
Ибо это день ПАССИИ для человечества:
Иначе пусть какой-нибудь благочестивый труд, какой-нибудь благотельный поступок
С заменой достоинств:
Поспеши туда, где дамы жалуются на несправедливость,
Поддерживайте их правоту и будьте сильны в их деле.
Ибо нет там ни одного дурня, если я прав,
Кто надеется на заслуженное уважение,
Но к дамам преданностью сильной привязан,

Их дело поддерживает, не падая духом ни от трудов, ни от ран".

Way's *Fabliaux*, vol. i. p. 94.

Выразительная лаконичность увещевания о рыцарских обязанностях в романе Изаи ле Тристе достойна восхищения. "Chevalier soies cruel a tes ennemys, debonnaire a tes amys, humble a non puissans, et aidez toujours le droit a soustenir, et confons celluy qui tort a vefves dames, pources pucelles et orphelins, et pources gens aymes toujours a ton pouvoir, et avec ce aime toujours Sainte Eglise."

[76] Чем более выдающимся было звание претендента, тем более выдающимися были те, кто выдвигался, чтобы вооружить его. В романах часто говорится, что щит был подарен рыцарю королем Испании, меч - королем Англии, шлем - французским государем и т. д.

[77] Слово *dub* имеет чисто саксонское происхождение. Французское слово *adouber* похоже на латинское *adoptare*, а не *adaptare*, поскольку рыцарями становились не путем приспособления к ним рыцарских одежд, а путем их получения или принятия в орден. Многие писатели полагали, что акколада - это последний удар, который солдат мог получить безнаказанно: но такое толкование неверно, ведь оруженосец так же ревностно относился к своей чести, как и рыцарь. Происхождение акколады проследить невозможно, но она явно считалась символом религиозных и моральных обязанностей рыцарства и была единственной церемонией, которая использовалась, когда рыцари становились на ноги в местах (например, на поле боя), где время и обстоятельства не позволяли проводить много церемоний".

[78] Caxton, *Fayt of Armes and Chivalry*, c. 49. Favyn *Theatre of Honour*, liv. i. c. 6. Daniel, *Hist. de la Milice Francaise*, liv. i. c. 4.

[79] Froissart, vol. i. c. 364. Писатели-романисты делали странную работу из этой склонности кандидатов в рыцари получать желанные почести из рук отважных героев. В одном из них некий человек хотел, чтобы его посвятил в рыцари знаменитый сэра Ланселот Озерный. Однако он был мертв, но это обстоятельство не имело значения, так как в правую руку скелета вложили меч и опустили его на шею стоящего на коленях оруженосца, который тут же стал рыцарем.

[80] Pinkerton's *History of Scotland*, vol. i. p. 71.

[81] Favyn, liv. iii. c. 12. Monstrelet, vol. vi. p. 82. Honoré, *Dissertations Historiques et Critiques sur la Chevaliere*. 4to. Paris. 1718. p. 55.

[82] Селден сравнивает деградацию рыцаря с деградацией священнослужителя по каноническому праву, перед тем как передать его светскому магистрату для наказания. Предполагалось, что орден духовенства и рыцарский орден будут спасены от позора таким изгнанием недостойного члена. Selden, *Titles of Honour*, p. 787.

[83] Segar, *Of Honour*, lib. ii. c. 5.

[84] Stow's *Chronicle*.

[85] Железо из Пуату особенно славилось тем, что из него делали восхитительные наконечники копий; его также не любили использовать в качестве щита. Так, один старый французский поэт говорит

"Et fu armé sor le cheval de pris,
D'Aubere, et d'iaume, d'escu Poitevin".
Дю Канж, арт. Ferrum Pictavense.

Железо из Бурдо часто упоминается Фруассаром как отличное для изготовления доспехов.
liv. 2. с. 117. 4. 6. А в старой хронике Бертрана дю Гесклена говорится

"Un escuier y vint qui au comte lanca
D'une espée de Bourdeaux, qui moult chier li cousta."

[86] Menage, Diction. Etym. in verb.

[87] Не стоит много говорить о простых словах. Добавлю лишь, что знамя иногда называли Гонфаноном.

"Li barons aurent gonfanons
Li chevaliers aurent penons".

[88] Этот боевой топор очень забавно описан в метрическом романе Ричарда Кёр де Льва:...

"Король Ричард I понял,
Или он вышел из Англонда,
Пусть он сделает топор для нонов,
Чтоб кости сарасинские ломать.
Голова была выточена как надо,
В ней было двадцать фунтов стали,
И когда он пришел в землю Кипра,
Топор он взял в руку.
Все, что он ударил, все расколол,
Грифонов он быстро уложил.
Тем не менее многих он рассекал,
И жили они там без благодарности,
И в тюрьму, когда он пришел,
Топором своим он пробил насквозь,
Доры, барры и железные цепи,
И избавил своих людей от мук".
Строка 2197 и т. д.

[89] Monstrelet. Johnes' edit. vol. 5. p. 294.

[90] Так, великан Пандаро в "Английском Пальмерине" носил огромный молот, но мне нет нужды умножать примеры.

[91] En loyal amour tout mon сœur - излюбленный девиз на хвостовике шпор.

[92] Ritterzeit und Ritterwesen, vol. 1. p. 193.

[93] Chronicle of the Cid. p. 46.

[94] Ritterzeit und Ritterwesen, vol. 1. p. 201.

[95] Hoveden.

[96] Заметки Пеллисера о Дон Кихоте, изд. Madrid, 1798. Dillon's Travels in Spain, p. 143.

[97] Роберт из Брюна.

[98] Wormius, Lit. Run. p. 110. Hickes Thes. vol. 1. p. 193.

[99] Представление о применении слова *jocosé* к мечу приятно расширяет Сен-Пале. "Ils ont continuellement repandu sur alles les images de la guerre un air d'enjouement, qui leur est propre: ils n'ont jamais parlé que comme d'une fête, d'un jeu, et d'un passe-temps. *Jouer leur jeu*, ont-ils dit, les arbalétriers qui faisoient pleuvoir une grêle de traits. *Выбирайте большую игрушку*, чтобы дать бой. *Jouer des mains*, et une infinité d'autres façons de parler semblables se recotent souvent dans la lecture de recits militaires nos écrivains."

[100] Ellis' Metrical Romances. 2. 362.

[101] Таким образом, щит по своей форме был приспособлен для того, чтобы нести раненого рыцаря с поля боя, и для этого он часто применялся. На другое назначение щита намекается в энергичном начале "Сказания о нежном холостяке".

"Что за нежный холостяк
С мечом на поле брани,
Укачанный и укрытый щитом,
Whose infant food a helm did yield."

[102] Malmsbury, p. 170.

[103] Доктор Мейрик в своем огромном труде о доспехах разделяет виды этой ранней почты на ржавую, чешуйчатую, шпалерную, пурпурную и тегулярную. Серьезная точность этого перечисления позабавит любопытного исследователя бесконечной делимости материи.

[104] В мастерской диссертации о древних доспехах, опубликованной в шестидесятом номере "Квартального обозрения", говорится, что "хотя цепная почта была непроницаема для удара мечом, она не защищала от ударов тяжелого боевого топора и мартеля; она не всегда выдерживала удар длинного или перекрестного лука и тем более не могла отразить удар копья или длинноконечного меча" - здесь небольшая ошибка. Все хорошие почтовые плащи состояли из дублированных колец, и их непроницаемость для удара копья была неотъемлемым качеством. "Induitur lorica incomparabili, quæ maculis duplicibus intexta, nullius lanceæ ictibus transforabilis haberetur." Mon. l. 1. ann. 1127.

[105] Фруассар описывает сэра Джона Чандоса как одетого в длинную мантию, ниспадающую до земли, с изображением его рук на белом сарценете, аргенте с полем *gules*, одна на груди, другая на спине.

[106] Дю Канж, Диссертация первая о Жоанвиле. Экстравагантность людей Средневековья в отношении мехов является предметом постоянных жалоб современных авторов. По двум статутам английского парламента, состоявшимся в Лондоне в 1334 и 1363 годах, всем лицам, не имеющим возможности тратить сто фунтов в год, запрещалось носить меха.

[107] Du Cange, ubi supra.

[108] Montfaucon, Pl. 2. xiv. 7. и Gough i. 137.

[109] Королева фей, кн. 1. канто vii. ст. 31, 32.

[110] Shakspeare, Henry V. Act iii. sc. 7.

[111] Fairy Queen, Book i. c. 7. st. 29.

[112] Lay of the Knight and the Sword.

[113] Froissart, livre i. c. 342.

[114] Ellis's Specimens of Metrical Romances, i. 328. 366.

[115] Monstrelet, Johnes's edition, vol. v. p. 121. 126., et prestement un nommé Olivier Layet à l'ayde de Pierre Frotier lui bouta une espée par dessous son haultbergeon tout dedans le ventre, &c.-En apres le dessusdit duc mis à mort, comme dit est fut tantost par les gens du Daulphin desuestu de sa robbe, de son haultbergeon, &c. Monstrelet, vol. i. c. 212, 213.

[116] Книги о военном костюме могут проиллюстрировать истину, насколько важным является занятие каждого человека в его собственных глазах. Старый французский писатель Фоше посвятил несколько страниц описанию регулярного процесса одевания, и его примеру последовали некоторые из наших английских антикваров.

[117] В трех громоздких кварто доктора Мейрика о доспехах есть один интересный момент: он показывает, что знаменитый титул Черного принца, который принц Уэльский получил за свои достижения в битве при Кресси, не возник, как принято считать, из-за того, что в тот день он носил черные доспехи, да и вообще не похоже, что он когда-либо носил черные доспехи. Его обычной одеждой были простые стальные доспехи, а на сюртуке красовался герб Англии. На турнирах во Франции или Англии он появлялся в сюртуке со щитом, а его конь - в черном чепраке с белыми перьями на нем; так что цвет покрытия доспехов, а не сами доспехи, давали ему титул. Доктор Мейрик считает ошибочной распространенную историю о том, что страусиные перья на гербе наших принцев Уэльских появились в результате того, что юный Эдуард снял это украшение со шлема короля Богемии, убитого им в битве при Кресси. Он утверждает, что перья были *украшением* на знамени монарха, а не на шлеме, потому что плюмажи из перьев не использовались в качестве гербов до XV века. То, что доктор Мейрик не смог найти ни одного случая, когда их носили таким образом, лишь в малой степени доказывает отрицательное утверждение. С другой стороны, мы знаем, что лебединая шея, перья любимых птиц, таких как павлин и фазан, были украшениями на щитах, и в то же время постоянно украшали шлем, а страусовые перья, с которыми западный мир был знаком со времен крестовых походов, вполне вероятно, могли использоваться таким двойным образом. Как носил его король Богемии, мы не знаем с исторической достоверностью, но очень трудно поверить, что он или наши рыцарские предки с их любовью к пышным украшениям довольствовались бы размещением страусовых перьев в качестве простого украшения на щите, а не закрепили бы их там, где они устанавливали все вещи, отличающиеся особым изяществом, - на вершине шлема.

[118] Очень яркий пример неудобства тяжелых доспехов произошел в 1427 году, во время войны между миланцами и венецианцами. Венецианский генерал Карманьола искусно расположил свою армию за мором, поверхность которого, благодаря сухости сезона, была способна выдержать вес пехоты. Захватив на их глазах деревню Макало, он подстрекнул противника (миланцев) к нападению, но не успела их тяжелая кавалерия двинуться по пересекающей болотистую местность дороге, которую он специально оставил незащищенной, как его пехота обрушила на них ракеты с обоих флангов. Пытаясь отразить их, миланские кюрасиры погрузились в трясины: их колонна была скоплена на узком проходе и приведена в замешательство, а пехота Карманьолы, пробравшись среди них по дамбе и заколов их лошадей, взяла в плен восемь тысяч сбитых кюрасиров, которые лежали беспомощные под огромным весом своих непробиваемых доспехов. Perceval's History of Italy, vol. ii. p. 77.

[119] Quarterly Review, No. lx. p. 351.

[120] Отмечая прогресс рыцарства в Италии, я еще не раз буду иметь случай заметить превосходство миланских доспехов.

[121] Примечание 8. о Мармионе, канта 5.

[122] Grose, ii. 246.

[123] Saxton, Fayt of Armes and of Chyvalrye, с. 62, &c. Если читателю интересна информация об аллегориях, которые были созданы на основе доспехов и одежды рыцарей Подвязки и Бани, он найдет ее в "Реестре Подвязки" Анстиса, с. 119, 120, и в "Истории рыцарства Бани", с. 77-80.

[124]

Asturco dextrarius est, Astur caput ejus
Nam prius Astur equum dextrandi repperit usum.
Ebrardus Betuniensis in Græcismo, с. 7.

[125] Арабская лошадь.

[126] Слабый.

[127] Lockhart's Spanish Ballads, p. 66.

[128] William of Newbridge, с. 11. lib. ii. Брунет в "Thesauro", MS. part 1. с. 155, говорит: "Il y a chevaus de plusieurs manieres, à ce que li un sont déstreir quant pour li combat, li autres sont palefroy pour chevaucher à l'aise de son cors pour li autres son roueis pour sommes porter," &c. а продолжатель Нангиса говорит: "Et apres venoient les grans chevaux et palefrois du roy tres rechement ensellez, et les valets les menaient en dextre sur autres roussins."

[129] History of the Crusades, vol. i. p. 357. note.

[130] Чтобы читатель не блуждал в догадках относительно цели вооружения лошади, я приведу несколько строк из "Хронологического исследования древних доспехов" д-ра Мейрика, т. ii. с. 126, для назидания и просвещения. "Главной причиной вооружения лошади пластинами, как и ее всадника, было сохранение ее жизни, от которой зависела жизнь или свобода самого вооруженного человека; ведь когда он был без лошади, вес его собственных доспехов не позволял ему быстро прийти в себя или уйти с дороги, находясь под животным. Кроме того, сохранив таким образом лошадь, можно было сэкономить на другом человеке". Замечательно!

[131] Устав тамплиеров, с. 37.

[132] Vincent de Beauvais, Hist. lib. 30. с. 85.

[133] Из "Локи Ленна", или "Страданий Лока", приведенных в примечаниях к сэру Тристрему, р. 350; St. Palaye, "Memoires sur l'ancienne Chevaliere", partie 3; Du Cange, Twenty-first Dissertation on Joinville; Glossary, Arma Mutare, "Товарищество в горе и радости, санкционированное религиозными торжествами, все еще существует среди албанцев и других народов восточного побережья Адриатики. Этот обычай вплетен в очень интересную историю в "Повести об Анастасии", т. I, с. 7.

[134] Juv. des Ursins anno 1411. Vraye fraternité et compagnie d'armes, - частое выражение у старых писателей для обозначения этого рыцарского союза.

[135] Kennet's Parochial Antiquities, p. 57. Цитируется по Henry's History of England, vol. iii. p. 360. 4to.

[136] Роман об Амисе и Амилионе. Он сокращен г-ном Эллисом в третьем томе его "Образцов ранних английских метрических романсов" и подробно изложен г-ном Вебером во втором томе его собрания. Читателя может позабавить тот факт, что мать детей была настолько покладиста со своим мужем, что одобрила его решение перерезать им горло.

"О, леф лиф!" - сказала она,
Бог может послать нам детей!
О них ты не заботься.
И если бы это было по сердцу мне,
За то, чтобы брата твоего обуть,
Я бы жизни своей не пожалела.
Ни один человек наших детей не увидит,
Ибо к утру их похоронят,
Как и были мертвы.
Так та дама, прекрасная и светлая,
Утешала своего господина своей силой,
Как вы можете понять.
Они отправились оба прямо
К сэру Амилиону, этому милому рыцарю,
Который когда-либо был свободен.
Когда сэр Амилион проснулся,
Все его проделки ушли.
По милости Божьего Сына.
Тогда он был таким же прекрасным человеком.
Чем когда-либо прежде.
Since he was in londe".

Заключение рассказа свидетельствует о вере писателя в то, что небеса одобряли такие жертвы дружбе.

"Тогда они все были счастливы,
Их радость никто не мог унять,
Они благодарили Бога в тот день.
Как вы можете меня перечислить и [пересказать](#).
В палату они пошли свитой.
Там лежали дети.
Без ран, без ран,
Всех детей там они нашли,
И лежали вместе в игре.
От радости они пошли туда, стояли
И благодарили Бога мягко.
Их заботы были все позади".

[A] После.

[B] Что когда-либо можно было встретить.

[C] Теперь вы должны меня выслушать.

[D] Быстро.

[E] Шрам.

[137] Можно также заметить, что заграждения города, или его внешние укрепления, описываются Фруассаром как решетчатые палисады, решетки шириной около полуфута.

[138] Остальную часть истории этого рыцаря следует рассказать, хотя она и не относится к теме текста. "В предместье его постигла неприятная встреча, ибо, проезжая по мостовой, он увидел перед собой бочера, большого человека, который хорошо видел, как этот рыцарь проезжал мимо, и в руках у него был острый тяжелый топор с длинным острием; и когда рыцарь возвращался и не обращал внимания, этот бочер налетел на него и нанес ему такой удар между шеей и плечами, что он упал на своего коня, но все же пришел в себя; И тогда бочер ударил его еще раз, так что топор вошел в его тело, так что от боли рыцарь упал на землю, а его конь убежал и пришел к оруженосцу, который жил у своего господина на улице; и тогда оруженосец взял коня и очень удивился, что стало с его господином, ибо он видел, как тот ездил к барьерам, и бил там своей секирой, и снова возвращался. Тогда он проскакал немного вперед и вскоре увидел, что его хозяин лежит на земле между четырьмя мужчинами, которые наносят ему удары, как наносят удары по наковальне. И тогда оруженосец так испугался, что не посмел ехать дальше, ибо увидел, что не сможет помочь своему господину. Поэтому он вернулся так быстро, как только мог; там и был убит упомянутый рыцарь. И рыцари, стоявшие у ворот, приказали похоронить его в святой земле". Фруассар лорда Бернерса, с. 281.

[139] Froissart, vol. i. c. 278.

[140] Froissart, c. 281.; Gray's Descent of Odin.; Herbert's Icelandic Translations, p. 39; Scott's Minstrelsy, vol. 1. p. 45.

[141] Froissart c. 384.

[142] Froissart, c. 28. "Et si avoit entre eux plusieurs jeunes bacheliers, qui avoient chacun un œil couvert de drap, à fin qu'ils n'en puissent veoir; et disoit on que ceux là avoient voué, entre dames de leur pais, que jamais ne verroient que d'un œil jusques à ce qu'ils auroient fait aucunes prouesses de leur corps en royaume de France." Склонность рыцарей давать клятвы была прекрасной темой для насмешек Сервантеса. "Скажите ей, - продолжал я (Дон Кихот), - что когда она меньше всего этого ожидает, она придет послушать, как я дал клятву, как маркиз Мантуанский, когда нашел своего племянника Болдуина готовым умереть в горах, никогда не есть со скатерти и еще несколько других подробностей, которые он поклялся соблюдать, пока не отомстит за его смерть. Таким же торжественным образом я поклянусь никогда не прекращать обходить обитаемый шар и объезжать все семь частей света с большей неутомимостью, чем это когда-либо делал принц Педру Португальский, пока не освобожу ее от чар". Дон Кихот, часть 2. с. 23.

[143] Каждый истинный рыцарь говорил, как он в "Морте д'Артуре": "Пусть рыцарь никогда не будет таким лживым, но я никогда не убью его спящим, ибо я никогда не разрушу высокий рыцарский орден". И еще: "Ну что ж, я могу считать, что я дам ему упасть. Ибо это не мастерство, ибо я и мой конь - оба свежие, а его конь и он - нет, и будьте уверены, что он

примет это за большую недоброту, ибо каждый хороший не любит ставить другого в невыгодное положение".

[144] Истинный сын рыцарства был похож на Банко, о котором Макбет сказал,

"Многое он смеет;
И в этом бесстрашном нраве его ума
Он мудрость имеет, что направляет его доблесть
Чтобы действовать безопасно".

Сэр Филип Сидни превосходно описывает природу рыцарской отваги. "Их храбрость направлялась умением, а умение вооружалось храбростью; ни твердость не омрачала их ума, ни ум не охлаждал их твердости: оба были доблестны, как люди, презирающие смерть, и оба были уверены в себе, как не желающие быть побежденными. Ноги их были тверды, руки усердны, глаза бдительны, а сердца решительны". Arcadia, p. 28. Редактировать. 1590.

[145] Морт д'Артур. 1. 7.

[146] Argentré, Histoire de la Bretagne, p. 391.

[147] Лимож восстал из-за налога, который был наложен на английские владения во Франции, чтобы оплатить расходы на войну, целью которой было восстановление Петра Жестокого.

[148] Froissart, liv. 1. c. 283. "Тогда принц, герцог Ланкастерский, граф Кембриджский, граф Пемброк, сэр Гискар Дангл и все остальные со своими ротами вошли в город, а все остальные пешие люди были готовы, чтобы творить зло, грабить и разбойничать в городе, убивать мужчин, женщин и детей, ибо так им было приказано. С великой жалостью смотрели мужчины, женщины и дети, которые на коленях обращались к князю за милостью, но он так разгорелся гневом, что не обращал на них внимания, так что никто из них не был услышан; но всех предавали смерти, как только встречали, и тех, кто ни в чем не был повинен. Не было жалости к бедным людям, которые никогда не совершали никакой измены; однако они покупали ее дороже, чем великие люди, совершившие зло и преступление. В городе Лиможе не было столь жестокого сердца, если он хоть немного помнил о Боге, но оно жалобно плакало о великом несчастье, которое они видели перед своими глазами: ведь в тот день было убито более трех тысяч мужчин, женщин и детей. Господи, помилуй их души, ибо, как я полагаю, они были мучениками". Перевод лорда Бернерса.

[149] Роман о Гае Уорикском.

[150] Роман о сэре Отуэле. А в "Морте д'Артур" сказано: "И вот, по согласию обоих, они дали друг другу отдохнуть, и так они уселись на два кротовых холма там, возле места битвы, и каждый из них расстегнул свой шлем и подхватил холодный ветер, ибо любой из их пажей был ими поставлен, чтобы прийти по их зову зашнуровать их сбрую и снова надеть ее по их приказу." Morte d'Arthur. lib. 8. c. 17.

[151] Романс о сэре Ферумбрасе.

[152] Froissart, liv. 2. c. 24. Эта история Фруассара напоминает историю Мортимера,

"Когда на нежном берегу Северна
В едином противостоянии, рука об руку,
Он спутал лучшую часть часа
В смене упорства с великим Глендауэром:

Три раза они дышали и три раза пили,
По согласию, из стремительного потока Северна;
А потом, напуганные их кровавым видом,
В страхе бежал среди трепещущих камышей,
И спрятал голову в пологом берегу,
Запятнанный кровью этих доблестных бойцов".
Генрих IV. Часть 1. Акт 1. Sc. iii.

[153] Froissart liv. 1. c. 107.

[154] Froissart, liv. 2. c. 145.

[155] Froissart, liv. 2. c. 146.

[156] Froissart, liv. 1. c. 149. 233.

[157] Froissart, liv. 1. c. 235. 371. liv. 2. c. 152.

[158] Так, Дон Кихот с удовольствием говорит в своем перечислении рыцарских качеств: "Тот, кто владеет рыцарской наукой, должен быть сведущ в законах и понимать распределительную и коммутативную справедливость, дабы исправить все человечество".

[159] Королева фей, книга iii. канто 1. ст. 3; а Тассо, с таким же вниманием к истине, так описывает долг рыцаря.

Premier gli alteri, e sollevare gli imbelli,
Defender gli innocenti, e punir gli empì,
Fian l'arti lor.
La Ger. lib. 10. 76.

[160] Пирс Плаумен, первое видение.

[161] M. Paris. 45.

[162] Matthew of Westminster, p. 353.

[163] Фруассар, 1. c. 361. 2. 124. 202. 203.

[164] Froissart, 1. 46.

[165] Королева фей, книга ii. канто c. st. 41.

[166] Даже такой рассудительный писатель, как г-н Данлоп, говорит (Hist. of Fiction, vol. ii. p. 144.), что энергичная дисциплина была нарушена из-за отсутствия единства командования. Сен-Пале, у которого недостаток знакомства с предметом менее извинителен, говорит: "Если абсолютная власть, если единство командования - единственный способ укрепить дисциплину, то ни в коем случае она не должна быть менее прочно закреплена и так часто нарушаться, как во времена наших шевалье. Какая путаница, в конце концов, может возникнуть при наличии стольких шефов, у которых принципы, мотивы и интересы не всегда совпадают, и которые не имеют права на повиновение?" Memoires sur l'Ancienne Chevalerie, partie 5.

[167] Froissart, vol. ii. c. 26.

[168]

"Then said the gud Erl of Derby,
Вот прекрасное зрелище.
Более прекрасное зрелище может увидеть человек,
Чем рыцарь или оруженосец, кем бы он ни был,
Пока шлем его так не шрайв?
Когда я уйду из этой жизни,
Я бы хотел, чтоб Бог по милости своей
Мне такой же конец".
Wyntown's Cronykil of Scotland, book viii. c. 35.

[169] Caxton, Fayt of Armes and Chevalrie, fol. 40.

[170] Ibid. c. 48.

[171] Malmsbury, p. 186.

[172] Lai of Aucassin and Nicolette.

[173] Froissart, livre 1. c. 87. Рыцарские романы полны историй, выражающих эту черту рыцарского характера. В "Морте д'Артуре" можно найти не менее забавную историю, чем любая другая. "Пришла ко двору дама, высокая, как Владычица Озера. И приехала она верхом на коне, богато одетая, и приветствовала короля Артура, и попросила у него подарок, который он обещал ей, когда она дала ему меч. "Так и быть, - сказал Артур, - я обещал тебе подарок. Проси, что хочешь, и ты получишь его, если в моей власти дать его. - Хорошо, - сказала дама, - я прошу голову рыцаря, который носил меч, или голову девицы, которая его принесла. Я не возьму силу, хотя у меня есть обе их головы, потому что он убил моего брата, доброго и верного рыцаря, а эта девица была виновницей смерти моего отца". - "Поистине, - сказал король Артур, - я не могу дать ни одной из их голов при моем поклоне, поэтому проси, что хочешь, и я исполню твое желание". - "Я не буду просить ничего другого", - сказала дама. Когда Балин собрался уезжать, он увидел Владычицу Озера, которая своими руками убила мать Балина, и он искал ее три года; и когда ему сказали, что она просит у короля Артура его голову, он пошел к ней на стрелит и сказал: "Злая ты нашлась, ты хотела получить мою голову, а потому потеряешь свою", - и легким мечом отрубил ей голову перед королем Артуром. Увы, позор, - сказал Артур, - за что ты так поступил? Ты опозорил меня и весь мой двор; ведь это была дама, которой я был обязан, и сюда она пришла под моим конвоем. Я никогда не прощу тебе этого прегрешения". - "Сэр, - сказал Балин, - я предчувствую ваше неудовольствие; ведь эта дама была самой нечестной из всех живущих, чарами и колдовством она погубила многих добрых рыцарей, и из-за ее лживости и вероломства сгорела моя мать". "Какая бы ни была у тебя причина, - сказал Артур, - ты должен был простить ее в моем присутствии; поэтому не думай об обратном, ты расскаешься в этом, ибо такой другой злобы я никогда не имел при моем дворе, поэтому удаляйся от моего двора со всей поспешностью, какая только возможна". Morte d'Arthur, lib. ii. c. 3.

[174] Malmsbury, p. 184. Quem cuilibet, quamvis infestissimo inimico negare, laudabilium militum mos non est.

[175] Froissart, vol. ii. c. 162.

[176] Froissart, ii. 26.

[177] Это было частью увещевания короля Португалии, посвящавшего в рыцари своего сына, согласно португальскому историку, приведенному в "Истории Генриха II" лорда Литтлтона, т. ii. p. 233. 4to.

[178] Morte d'Arthur; первая книга сэра Тристрама, с. 34.

[179] Caxton, с. 66.

[180] Необходимость вежливости в манерах была настолько важна в сознании старых поэтов, что они приписывали ее не только каждому любимому герою, но даже животным, реальным или воображаемым. Наш поэт-моралист Гауэр так излагает вежливость дракона.

"Со всей бодростью, на которую он способен,
К постели, где она лежала,
Пока он не подошел к ее постели,
А она лежала тихо и не плакала;
И все свои дела он делал честно,
И был обходителен и дебошир".
Confessio Amantis, lib. 6. fol. 138.

[181] Extrait de l'Histoire de Du Gueslin, par P. H. Du Chastelet, p. 39, &c.

[182] Froissart, vol. ii. с. 47. Трудно представить себе экстравагантную степень оценки, в которой ястребы находились в рыцарские века. Как говорит мистер Роуз в одном из своих примечаний к роману Партенопекса Блуасского, они считались символами высокого положения, и поэтому их постоянно носили с собой представители знати обоих полов. Барклай в своем переводе из Брандта жалуется на непристойное обыкновение приносить их в места, предназначенные для общественного богослужения; эта практика, которая в случае некоторых лиц, по-видимому, признавалась как право. Казначей церкви Осера пользовался привилегией присутствовать на богослужении в торжественные дни с соколом на кулаке, а лорд Сассаи имел привилегию садиться на алтарь. Ничто не считалось более позорным для человека высокого ранга, чем отказаться от своих соколов, и если бы его взяли в плен, он не отказался бы от них даже в качестве цены за свободу".

[183] Романс об Ипомидоне.

[184] Froissart, vol. i. с. 177; и примечание сэра Вальтера Скотта к "Роману о сэре Тристреме", р. 274.

[185] Это изложение целей менестрельного искусства взято из рукописи, цитируемой Тирвиттом, Чосер, ii. 483. Это брань язвительного фанатика, желающего уничтожить все безвредные удовольствия жизни. Но мы можем извлечь пользу из его общения, презирая его мрачность.

Я добавлю еще одно описание различных тем менестрелей из Lay le Fraine.

"Одни рассказывают о войне, другие - о горе,
А некоторые о радости и веселье;
А некоторые о предательстве и коварстве,
О былых приключениях;
И о шутках, и о рибауди;
И много сказок;
Из всего, что видят люди,
Больше всего любви, как говорят, там".

[186] Sir Orpheo.

[187] Froissart, vol. ii. с. 26. 52. 163. В "Истории вин" д-ра Хендерсона, стр. 283, говорится, что наши предки добавляли в вино мед и специи, чтобы исправить его резкость и кислотность и придать ему приятный вкус. Верно, но следовало бы также заметить, что специи не всегда смешивались с вином, а подавались на блюде сами по себе. Этот обычай подтверждается забавным отрывком из Фруассара, который затрагивает и другой момент, связанный с манерами. Описывая ужин в замке Толуз, на котором присутствовал король Франции, наш летописец говорит: "Это был большой ужин и хорошо набитый всякой всячиной; и после ужина и произнесенной милости они занялись другими развлечениями в большой палате и слушанием инструментов, где граф Фуа был в большом восторге. Затем принесли вино и пряности, граф Харкорт подал королю свою тарелку с пряностями, сэр Жерар де ла Пайен - герцогу Бурбону, а сэр Моннаут из Нуайя - графу Фуа". Vol. ii. с. 264. Другой отрывок не менее выразителен: "Король прибыл в свой дворец, который был уже готов к его приходу. Там король пил и принимал благовония, а также его дяди и другие прелаты, лорды и рыцари". Так и на праздновании ордена Золотого руна в Генте в 1445 году Оливье де ла Марш, описывая обед, говорит: "Долго длилось блюдо и служба. Здесь играли и звучали менестрели и тромпетты; и геральдики выносили большие доны, и кричали много; и на левых столах подавались напитки, и принцы и шевалье получали напитки и вина, и т. д.". Memoires, d'Olivier de la Marche, in the vol. ix. с. 15. of the great collection of French Memoirs: and in the Morte d'Arthur it is said they went to Sir Persauntes pavilion, and drank the wine and eat the spices.

[Он был великой личностью, если богатство могло наделить его достоинством. Госпиталь и приорство святого Варфоломея в Смитфилде (Лондон) были основаны Ройером или Рахерусом, королевским менестрелем, в третий год правления Генриха I. 1102 г. н. э. Percy, Essay on the Ancient Minstrels, p. 32. Сержант менестрелей - еще один титул главы королевского менестреля. Обстоятельство, произошедшее в царствование Эдуарда IV, свидетельствует о конфиденциальном характере этого офицера и его доступности для короля в любое время и по любому поводу. "И когда он (король Эдуард IV) находился в северной стране в сентябре месяце, когда он лежал в своей постели, один, по имени Александр Карлайл, который был *сержантом менестрелей*, пришел к нему с большой поспешностью и велел ему встать, потому что к нему приближались враги". Этот факт упоминается Вартоном на основании исторического фрагмента. ad calc. Sportti Chron. ed. Hearne, Oxon, 1729.

[189] Wordsworth's Excursion, book ii.

[190] Wood, Hist. Antiq. Un. Oxon. 1. 67. sub anno 1224; и Percy, Notes on his Essay on the Ancient Minstrels, p. 64.

[191] Froissart, vol. ii. с. 31. Писатели о рыцарстве слишком часто утверждали, что менестрели, кроме пения, декламации и игры на музыкальных инструментах, добавляли развлечения в виде прыжков через канаты, игры с подвесной шпагой и других жонглерских и шутовских подвигов. То, что так иногда происходило во все эпохи существования менестрельного искусства, вполне вероятно, ведь низшие менестрели находились в ужасающем состоянии нищеты. Но позорный союз поэзии и жонглирования не был распространен в лучшие рыцарские века. Чосер четко отделяет менестреля от жонглера.

"Там можешь ты увидеть кароли,
И народный танец, и веселый бен,
И много честных турниров
На зеленой траве весенней.
Там ты мог бы увидеть этих флейтистов.

Minstrallis and eke jugelours".
Romaunt of the Rose, l. 759, &c.

Другие отрывки того же содержания собраны в Anstis Order of the Garter, vol. i. p. 304; и Warton, History of English poetry, vol. ii. p. 55. По мере упадка рыцарства менестрелям стали делать скидки, а их профессора, упавшие в общественном почете, были вынуждены заниматься другими искусствами, кроме поэзии и музыки.

[192] Dunlop, History of Fiction, vol. i. p. 142.

[193] Уэйс, каноник из Байе и один из самых плодовитых риторов, когда-либо занимавшихся поэтическим искусством, постоянно напоминал великим людям о пользе, которую они получают, покровительствуя поэтам.

"Bien entend conuis e sai
Que tuit morrunt, e clerc, e lai;
E que mult ad curte decree,
En pres la mort lur renumee;
Si per clerc ne est mis en livre,
Ne poet par el dureement vivre.

Suvent aveient des barruns,
E des nobles dames beaus duns,
Pur mettre lur nuns en estroire,
Que tuz tens mais fust de eus memoire".

MS. Bib. Reg. iv. c. 11. Цитируется г-ном Тернером, History of England, vol. i. p. 442. 4to.

[194] Это описание (Спенсером) рыцарских нравов печально озадачило его комментаторов. Однако они вполне согласны в одном: целовать руку прекрасной даме (что обозначалось словом *basciomanì*) не было обычаем, исконно присущим Англии, но завезенным сюда из Италии или Испании. Превосходный кавалер былых времен был бы возмущен таким оскорблением оригинальности своей галантности".

[195] Froissart, vol. ii. c. 26.

[196] Жизнь Ипомидона, Fytte, 1.

[197] Так, в романе "Персефорест" (цитируется по Ellis, Notes to Way's Fabliaux, vol. i. p. 220) говорится: "За столом сидело восемьсот рыцарей, и не было ни одного, у кого не было бы дамы или девицы на тарелке!"

В сказке "Мул без узды" говорится,

"Наполненная этими взглядами, она посылает сопровождающего ее карлика:
Перед рыцарем гном почтительно склоняется;
Любезно приветствует гостя своей госпожи,
И молится, чтобы его присутствие украсило ее пир.
Рыцарь не медлит; на ложе, убранном
С пышным великолепием прекрасная возлежала.
Высоко над ее головой возвышались серебряные колонны,
И гордый павильон, усыпанный драгоценными камнями, сиял.
Она сама была образцом во всех отношениях,

казалась суверенной красавицей, украшенной с самым изысканным искусством.
Со сладкой улыбкой снисходительной гордости
Она усаживает учтивого Гавейна рядом с собой,
Внимательно следит за каждым ее желанием,
Кормит из своего блюда партнера!"

[198] М. ле Гран в своей ценной "Истории частной жизни французов" приводит весьма любопытные сведения о способе приготовления этой выдающейся птицы. "Обычно, - говорит он, - ее подавали зажаренной. Вместо того чтобы ощипывать птицу (замечает "Полная домохозяйка" прежних времен), снимите с нее кожу, осторожно, чтобы не повредить перья; затем отрежьте ноги, набейте туловище специями и сладкими травами; оберните голову тканью, а затем плюньте птицу. Посыпайте ткань все время, пока она жарится, чтобы сохранить ее хохолок. Когда птица достаточно прожарится, снова свяжите ей ноги, снимите ткань, положите гребень, замените кожу, расправьте хвост и подавайте к столу. Некоторые, вместо того чтобы подавать птицу в перьях, доходят в своем великолепии до того, что покрывают павлина сусальным золотом: у других есть очень приятный способ порадовать гостей. Перед тем как подать блюдо, они набивают клюв павлина шерстью, натертой камфарой: затем, когда блюдо ставят на стол, они поджигают шерсть, и птица мгновенно извергает пламя, как маленький вулкан".

[199] Du Chesne, House of Montmorenci, liv. i. p. 29, &c. M. de Couci, (c. 7.) 664, &c. Olivier de la Marche, p. 412. Hist. de Boucicaut, ed. de Godefroi.

[200] Как сэр Гискар Дангл, граф Хантингдон, который, по словам Фруассара, обладал всеми благородными добродетелями, которыми должен обладать рыцарь, ибо "он был весел, правдив, любвеобилен, мудр, сластолюбив, либерален, прелестен, вынослив, отважен и рыцарственен", т. I. с. 384.

[201] См. стихи дез Эскаса, трубадура при дворе короля Арагона.

[202] Рыцарь Тауэра, гл. "Как благовоспитанные женщины должны держать себя учтиво".

[203] Сэр Тристрам, Фите второй, ст. 13. и примечание Скотта.

[204] Сквайр низшего разряда.

[205] Сэр Дегор.

[206] Роман о Гае Уорикском.

[207] Рыцарь Тауэра, гл. "Как юные девы не должны легкомысленно поворачивать голову то туда, то сюда".

[208] Рыцарь Тауэра, гл. под названием "О тех, кто не хочет надевать свои хорошие одежды в высокие праздники и святые дни" и "Как дочь рыцаря потеряла свой брак". Мемуары Луи де ла Тремуйля, глава xii. стр. 169 и т. д. в 14-м томе большого собрания французских мемуаров.

[209] Королева фей, кн. 2. канто 11. ст. 49.

[210] Нравы его времени могли, возможно, послужить источником этой картины, поскольку даже в царствование Елизаветы среди достижений придворных дам упоминается, что старшие из них - искусные хирурги. Описание Англии Харрисона, приложенное к Холиншеду.

[211] Королева фей, книга iii. канто 5. ст. 31. 33.

[212] До 1680 года, когда в Англии впервые появились кареты, как замечает Перси, дамы ездили в основном верхом, либо в одиночку на своих полукровках, либо вдвоем за кем-нибудь на подушке. Но на случай болезни или плохой погоды у них были запряжки лошадей и даже средства передвижения, называемые креслами, а также каррами или чаррами".
Примечание к Нортумберлендской хозяйственной книге.

[213] Очевидно, что добрый король Венгрии был приятным собеседником, и мы можем предположить, что он полагал, что склонности его дочери схожи с его собственными, исходя из весьма распространенного и естественного чувства. Из грозного перечня вин, который он приводит, некоторые названия очень четко заявляют о своем происхождении; из остальных я полагаю, что под вином Румни подразумевается вино из Ла Романе, виноградника в Бургундии. Доктор Хендерсон, однако, предполагает, что это андалузское вино. Мальмесин - греческое вино, из Мальвагии в Морее, первоначального места произрастания винограда Мальмси. Вернаж, возможно, был тосканским вином. Osey - эльзасское вино. Respice (vin garé) - это продукт из необрушенного винограда, а Bastard - сладкое испанское вино.

[214] Запеченное мясо было обычной пищей наших предков. Так, Чосер говорит о своем Франкелейне (современном деревенском сквайре),

"Без печеного мяса никогда не было его дома".

[215] Станция.

[216] Два вида ястребов.

[217] Шитье или стегание.

[218] Ренн в Бретани славился производством льна.

[219] Инкрустированный драгоценными камнями.

[220] Современная принцесса, как говорит мистер Эллис (Specimens of the early English Poets, vol. i. p. 344), возможно, возражала бы против того, чтобы дышать дымом перца, гвоздики и ладана во время сна; но пристрастие наших предков к этим, да и вообще ко всем видам духов было чрезмерным. Мистер Эллис добавляет, что в вышеприведенном описании развлечений добрый король Венгрии забыл об одном, которое, похоже, было столь же любимым у англичан и французов, как и у турецких дам; это баня. Она считалась, и с большим основанием, лучшим из всех косметических средств; и мистер Стратт извлек из старого MS. прогнозов, написанных во времена Ричарда II, медицинское предостережение для женщин, чтобы они не "ходили в баню для красоты" в течение месяцев марта и ноября. Женщины также часто мылись вместе, чтобы пообщаться. Читатель знает, что общественные бани не всегда использовались в таких здоровых и невинных целях.

[221]

"Vos, modo venando, modo rus geniale colendo
Ponitis in varia tempora longa mora.
Aut fora vos retinent, aut unctæ dona palæstræ;
Flectitis aut fræno colla sequaris equi.
Nunc volucrem laqueo, nunc piscem ducitis hamo.
Diluitur posito serior hora mero.
His mihi submotæ, vel si minus acriter utar,

Quod faciam, superest, præter amare, nihil.
Quod superest, facio; teque, o mi sola voluptas,
Plus quoque, quam reddi quod mihi possit, amo."
Овидий. Ep. Hero Leandro.

[222] Дон Кихот утверждал, что ни в одной истории нет упоминания о рыцаре, который не был бы влюбленным; ибо если бы любой рыцарь был свободен от порывов этой великодушной страсти, он не мог бы считаться законным рыцарем, а был бы непутевым злоумышленником и тем, кого не пустили в рыцарский дом у дверей, а перепрыгнули через ограду и ворвались внутрь, как вор и разбойник. Вивальдо, беседовавший с доном, в противовес этому мнению утверждал, что у дон Галаора, брата Амадиса де Галля, никогда не было особой любовницы, которая могла бы его порекомендовать, и, тем не менее, от этого он не стал менее уважаемым. Дон Кихот, позаимствовав одну из пословиц Санчо о том, что одна ласточка не делает лета, ответил, что он знает, что дон Галаор в частном порядке очень влюбчив; что же касается того, что он обращается к красавицам везде, где встречается, то это следствие его природной склонности, которую он не может легко сдерживать. Неоспоримая истина, заключил дон, что у Галаора была любимая дама, которую он по своей воле короновал императрицей; и ей он часто рекомендовал себя наедине, так как не мало ценил свою осторожность и скрытность в любви. Эта защита Галаора очень забавна, и Вивальдо с ней согласился. Но ему следовало бы привести мнение безумного рыцаря и веселого болтуна Круглого стола, сэра Динадана, который удивлялся, что сэру Тристраму и многим другим его спутникам не нравится, что они постоянно вздыхают о женщинах. "Почему, - сказала красавица Исо, - ты рыцарь, а не любовник? Тебя нельзя назвать хорошим рыцарем, если ты не затеваешь ссоры из-за дамы". "Боже, защити меня!" - ответил Динадан, - "ибо радость любви так коротка, а печаль ее и то, что за ней следует, так долго длится".

Morte d'Arthur, lib. i. c. 56.

[223] Королева фей, кн. iv. канто 9. ст. 21.

[224] Gower's Confessio Amantis, book iv. p. 103, &c.

[225] Froissart, vol. ii. c. 117 и 118.

[226] Essais Histor. sur Paris, by St. Foix, vol. iii. p. 263, цитируется Strutt. Спорт и развлечения и т. д. "Случилось так, что сэр Паломидис взглянул на нее (la belle Isaud), когда она лежала в окне, и увидел, как она смеется, и тут он так обрадовался, что поразил копьем и мечом всех, кого когда-либо встречал, ибо при виде ее он был так очарован ее любовью, что ему казалось в то время, что если бы сэр Тристрам и сэр Лонселот были оба против него, они бы не снискали его поклонения". Morte d'Arthur, book x. c. 70.

[227] Любимец.

[228] Жил.

[229] Романс об Ивейне и Гавине.

[230] Froissart, c. 249. "Le duc de Lancastre avoit de son heritage en Champagne: c'est assavoir un chastel entre Troye et Chalons, qui s'appelait Beaufort, et duquel un escuyer Anglais (qui se nommoit le poursuivant d'amour) estait capitaine."

[231] Froissart, liv. i. c. 7.

[232] Barbour's Bruce, book vi. Hume's (of Godscroft) History of the House of Douglas, p. 29, &c.

Описание доброго лорда Джеймса Дугласа в книге Барбура Брюса небезынтересно.

"В лице его было немного седины,
И волосы у него были черные, как я слышал,
Но конечности у него были хорошо сложены,
С большими костями и плечами.
Тело его было хорошо сработано и длинно,
Как говорили мне те, кто видел его.
Когда он был в возрасте, он был прекрасен
И кроток, и мил в обществе.
Но кто в бою мог его увидеть
У него был другой лик.
И в речи он немного хромал,
Но это его здорово выручало".
The Bruce, p. 13.

[233] Spenser's Fairy Queen, book i. canto 4. st. 1.

[234]

"E se la us fa gelos
E us en dona razo,
E us ditz c'ancre no fo
De so que dels huelhs vis,
Дигуац Дон. En suy fiz
Que vos disetz vertat,
Mas yeu vay simiat".

Имя джентльмена, который таким образом соглашался не доверять свидетельствам своих чувств, - Аманье де Эскас, любимый трубадур Испании XIII века. Один из "уставов" в "Суде любви", согласно рассказу Чосера, выдержан примерно в том же духе:

"Но подумай, что она, столь щедрая и справедливая,
Не может быть лживой, представь себе этот алгат,
И думай, что языки злые ее поносят,
Клевещут на ее имя и благородное сословие,
А любители правдиво вести споры,
И если ты видишь ошибку, то прямо в глаза,
Оправдывай его небрежно, и лоснись красиво".
Chaucer, Urry's edit. fol. 563.

[235] Мистер Скоттоу в своих "Эссе о Шекспире" (эссе, которые сделали больше для правильного понимания великого драматурга, чем все работы его комментаторов от Теобальда до Мэлоуна) отмечает, что в пьесе "Троил и Крессида" рыцарский рыцарь часто предстает под именем троянского героя. Следующий вызов Гектора задуман и выполнен в истинно рыцарском духе.

"Короли, принцы, лорды,
Если есть такой среди прекрасной Греции,
Кто честь свою ценит выше, чем простоту;
Кто ищет похвалы больше, чем боится опасности;
Кто знает свою доблесть, но не знает страха;

Что любит свою любовницу больше, чем признание,
(С клятвами, произнесенными ее устами, которые он любит).
И смеет признать ее красоту и достоинства,
В других руках, чем ее, - ему этот вызов.
Гектор, взирая на троянцев и греков,
Должен сделать это хорошо, или приложить все усилия, чтобы сделать это.
У него есть дама, мудрей, справедливей, верней,
чем когда-либо греки в его объятиях;
И завтра он позовет ее своей трубой,
Между шатрами и стенами Трои,
Чтоб разбудить грека, что верен в любви:
Если кто придет, Гектор ему честь воздаст;
Если же нет, он скажет в Трое, когда уйдет,
Что гречанки на солнце сгорели и не стоят
Осколка копья".
Troilus and Cressida, act i. sc. 3.

[236] Cronique de Saintré, vol. iii. c. 65.

[237] Об этом обществе кающихся любви упоминает шевалье из Тауэра, чью книгу я так часто цитировал в качестве иллюстрации рыцарского характера.

[238] The Lai of Sir Gruélan.

[239] Way's Fabliaux, vol. ii. p. 170. *Мораль* "Сказания Аристотеля" заставляет вспомнить две знаменитые строки Вольтера под статуей Купидона: - "Qui que tu sois".

"Qui que tu sois, tu vois ton maitre,
Il l'est, le fut, ou le doit être."

[240] Illustrations of Northern Antiquities, p. 8, &c.

[241] Ibid. p. 41.

[242] Lai of the Canonesses and the Gray Nuns.

[243] L'Histoire et plaisante Cronicque du petit Jehan de Saintré, vol. i. c. 7.

[244] Lai графини Верги.

[245] Romance of Guy of Warwick.

[246] Illustrations of Northern Antiquities, p. 104.

[247] Романс о сэре Бевисе. В "Ариосто" героиня Брадаманте желает, чтобы Руджеро крестился, а он с великой галантностью отвечает, что ради ее любви готов опустить голову не только в воду, но и в огонь.

Non che nell' acqua, disse, ma nel foco
Ради твоей любви портить капот я не собираюсь.
Orlando Furioso, canto xxii. st. 36.

[248] Сам Дон Кихот был не большим идолопоклонником дам, чем доблестный маршал Бусико, который, однако, довел свой страх перед дерзким вторжением до более романтического уровня, чем, возможно, нравилось дамам, ибо он даже не позволял

рыцарям своего знамени второй раз смотреть на окно, где сидела прекрасная женщина. Mémoires, partie 3. с. 7.

[249] Boucicaut, Mémoires, partie i. с. 38, 39. Начало писем этих рыцарей даме в зеленом поле достойно того, чтобы его вставить из-за его рыцарского тона. "A toutes haultes et nobles dames and damoiselles, et à tous seigneurs, chevaliers, et escuyers, apres tous recommandations, font á sçavoir les treize chevaliers compaignons, portans en leur devise l'escu verd à la dame blanche. Прежде всего, для того, чтобы каждый кавалер имел право охранять и защищать честь, поместье, имущество, репутацию и славу всех дам и дамуазель благородного происхождения, и чтобы все остальные были полны желания исполнять их волю, les prient et requierent que il leur plaise que si aulcune ou aulcunes est ou sont par oultraige, ou force, contre raison diminuées ou amoindries des choses dessus dictes, que celle ou celles à qui le tort ou force en sera faicte veuille ou veuillent venir ou envoyer requierir l'un des dicts chevaliers, tous ou partie d'iceux, selon ce que le cas le requerra, et le requis de par la dicte dame ou damoiselle, soit un, tous ou partie, sont et veulent estre tenus de mettre leurs corps pour leur droict garder et deffendre encontre tout autre seigneur, chevalier, ou escuyer, en tout ce que chevalier se peut et doibt employer au mestier d'armes, de tout leur pouvoir, de personne à personne, jusques au nombre dessus dicts et au dessoutes, tant pour tant. Et en breifs jours après la requeste à l'un, tous ou partie d'iceux, faicte de par les dictes dames ou damoiselles, ils veulent presentement eulx mettre en tout debovir d'accomplir les choses dessus dictes, et si brief que faire se pourra. Et s'il advenoit, que Dieu ne veuille que celui au ceulx qui par les dictes dames ou damoiselles seroient requis, eussent essoine raisonnable; a fin que leur service et besongne ne se puisse en rien retarder qu'il ne prist conclusion, le requis ou les requis seront tenus de bailler prestement de leurs compaignons, par qui le dict faict seroit et pouvoit estre mené à chef et accompli."

[250] The Knight's Tale, l. 2108, &c. Ниже приводится версия Драйдена на вышеприведенные строки. Дух последних двух строк Чосера полностью утрачен.

"Рядом с чемпионами, все высокородные,
Кто рыцарство любил и рыцарские подвиги,
Толпились в списках и с завистью смотрели
Имена других, не своих, зачисляли.
И это не кажется странным, ведь каждый благородный рыцарь
Кто любит прекрасное и наделен силой,
В такой ссоре с гордостью бы сражался".

[251] Monstrelet, vol. vi. p. 167. Boucicaut, Memoirs, с. 382.

[252] Froissart, liv. i. с. 389.

[253] Froissart, liv. ii. с. 6.; liv. i. с. 124, 125. "Puis passerent outre destruisans le pais d'entour et vindrent ainsi jusques au chastel de Poys: ou il y avoit bonne ville, et deux beaux chasteaux: mais nul des seigneurs n'y estait, fors deux belles damoiselles, filles au Seigneur de Poys: qui tost eussent esté violees, si n'eussent esté deux chevaliers d'Angleterre; messire Jehan Chandos, et le sire de Basset: qui les deffendirent: et pour les garder les menerent au roy: qui pour honneur leur fit bonne chere, et leur demanda ou elles voudroyent estre, si disent à Corbie. Là les fit le roi conduire sans pareil."

[254] Я взял эту историю у Гиббона (Antiquities of the House of Brunswick, Miscellaneous Works, vol. iii. p. 530), который говорит, что она рассказана (если он не ошибается) Зрителем, и, несомненно, может быть подкреплена древними свидетельствами.

[255] Королева фей, книга iii. канто 1. ст. 49.

[256] Ibid. book iii. canto 7. st. 60.

[257] Другой автор говорит,

"Ах, как хорошо, что он уклонился от порицания;
Несчастье было его уделом и мирской позор,
И, умирая, не вкусить ему райского блаженства.
Кто о даме или девице скажет дурно";
И, конечно, ни один нежный клерк никогда не оскорблял
Неистоймой учтивостью нежный пол,
А только чудак или злодей, дегенеративный ум,
Жестокий и низкий, скандал в своем роде".
S. Partenopex of Blois, canto ii.

В схожем духе вежливости выдержано начало "Фаблио" Константа дю Гамеля в переводе М. Ле Гранда. "Je ne pardonne pas qu'on se moque des dames. Всю свою жизнь он должен оказывать им честь, служить им и не разговаривать с ними ни разу, кроме как для того, чтобы говорить им приятные вещи. Qui agit autrement est un vilain."

[258] Как говорится в романе "Роза",

"Les chevaliers mieux en valoient,
Les dames meilleures estoient
Et plus chastement en vivoient".

[259] Caxton's Chevalier of the Tower, cap. "Как каждая хорошая женщина должна поддерживать свое реноме".

[260] Ord. Vit. p. 687, &c.

[261] Harleian MS. No. 166. 2087. p. 23. Цитируется в Retrospective Review. No. 19. p. 95.

[262] Froissart, liv. i. c. 138. Лорд Хейлс недоволен тем, что королева должна была разделить честь битвы, и хочет усомниться в ее присутствии, поскольку Фруассар - *единственный* писатель, который об этом сообщает. На что мистер Тернер (История Англии, т. 2, с. 204, 8vo.) очень разумно замечает, что, если мы не верим всем фактам этого царствования, для которых у нас есть *только* авторитет Фруассара, наш скептицизм должен быть широко распространен.

[263] Wyntown's Cronykil of Scotland, book viii. c. 32. Lord Hailes, vol. 2. p. 218, 221. Border Antiquities, vol. ii. p. 170.

[264] Avesbury, p. 97. Froissart, liv. i. c. 69.

[265] La Comtesse de Montfort avoit courage d'homme et cœur de lion. Она находилась в городе Рен, когда узнала, что ее сеньор находится в тюрьме; и, поскольку она обладала большим достоинством в сердце, она примирила всех своих друзей и всех своих судей: et leur monstroit un petit fils (qu'elle avoit appelé Jehan, comme son pere) et leur disoit, Haa, seigneurs, ne vous ébahissez mie de monseigneur, que nous avons perdu. Это не человек. Veez cy mon petit enfant, qui sera (si Dieu plaist) son restorier, et vous sera des biens assez et j'ai de savoir à planté; si vous en donneraz assez, et vous pourchaceray tel capitaine, parquoy vous serez tous reconfortes. Froissart, liv. i. c. 73.

[266] Миссис Чарльз Стотхард в своем интересном "Путешествии по Нормандии и Бретани" отмечает (стр. 231), что массивные стены, некогда окружавшие город Эннебон, во многих местах остались целыми, и, должно быть, были неприступными по своей прочности и конструкции.

[267] Froissart, c. 82. Lors descendit la Comtesse du Chastel, à joyeuse chere, et vint baiser messiu Gautier de Manny et ses compaignons, les uns apres les autre, deux fois ou trois, comme vaillante Dame.

[268] Spenser, Vision of the World's Vanity, st. 9.

[269] Как Гонсало в "Буре". "Теперь я отдал бы тысячу вёрст моря за акр бесплодной земли, за длинный вереск, за бурые заросли, за любую вещь. Воля свыше будет исполнена, но я хотел бы умереть сухой смертью". Act i. sc. 1.

[270] Основные факты героической жизни графини Маунтфорт описаны Фруассаром, с. 68, 72, 80, 91 и т.д. Lobineau, Histoire de Bretagne, vol. i. p. 320, &c. Argentré, Histoire de Bretagne, liv. vii. c. 9, 10.

[271] Hist. Gen. de la France, l. 452.

[272] См. хронику М. Виллани в 14-м томе Muratori, Rerum Scrip. Ital.; и Sismondi, Histoire des Rep. Ital. tom. vi. c. 45. В Италии не так много романтических ассоциаций, и теперь нет никаких остатков Чезены, чтобы пробудить в путешественнике восхищение героизмом Марции. Forsyth, Remarks on Italy, vol. ii. p. 266.

[273] Королева фей, кн. III. канто 4, ст. 1.

[274] Ibid, book iii. canto ii. st. 27.

[275]

"Сердце дамы было к нему приковано,
И смотрела она на него с удивлением;
Вечно на него она взидала,
Ipomydon full well it seye[F];
Anon it gave him in his thought,
Чтоб снова не заблудиться.
И не более трусом он считал себя
От его взгляда, чем она.
Дама это прекрасно понимала,
что он смотрит в каждую лощину,
И от этого ей стало стыдно,
Ведь она могла легкомысленно впасть в упрек,
если бы люди это заметили,
Между ними двумя такой взгляд,
Тогда бы сказали все, что между ними любовь,
Что между ними любовь;
Тогда бы она впала в клевету,
И потерять много чести своей.
Она решила предупредить его тайно,
Через кузину, что его встретила.
"Ясон, - сказала она, - ты виноват,

И должен стыдиться,
Что напрасно смотришь на мою служанку;
Каждый человек другому скажет,
Что между вами есть какой-то грех,
И в том, что ты смотришь, я повинен.
Ипомидон он задумался,
И тогда она обвинила Ясона,
Не заслужив ни одной черты:
Но энцессон он понял хорошо.
Вниз он смотрел и думал о великом стыде,
Что Ясон за него вину несет.
Он сидел и больше ничего не говорил,
Он думал больше там не жить".
Роман о сэре Ипомидоне.

[F] Видел.

[G] Вместе.

[H] Совет.

[I] Прекратить.

[J] Случай.

[276] Полные омерзения, каждый неверно говорит или поносит, как Эллис переводит этот отрывок.

[277] Lai le Fraine.

[278] Дю Канж серьезно цитирует святого Исидора в подтверждение этой истины; и она заслуживает доверия даже на менее торжественных основаниях.

[279] Так, Холингшед, рассказывая о королевском поединке и военном турнире, состоявшемся в Смитфилде в 1389 году, говорит: "И так много благородных приемов и других боевых подвигов было совершено за эти четыре дня, к большому удовлетворению и удовольствию многих молодых холостяков, желавших снискать славу". Р. 474. edit. 1587.

[280] Цели и тенденции турниров чрезвычайно хорошо выражены Джеффри Монмутским: "Многие рыцари, прославившиеся рыцарскими подвигами, присутствовали на них, с одеждой и оружием того же цвета и моды. Они устраивали увеселительные мероприятия, имитируя конный бой; а дамы, расположившись на стенах замков, бросали на бойцов любовные взгляды. Ни одна из этих дам не считала достойным своей любви ни одного рыцаря, кроме тех, кто доказал свою галантность в трех поединках. Таким образом, доблесть мужчин поощряла целомудрие женщин, а внимание женщин стимулировало храбрость воинов". Lib. ix. c. 12.

[281] Holingshed, vol. ii. p. 252. reprint.

[282] Froissart, vol. ii. c. 175.

[283] Ritterzeit und Ritterwesen, vol. i. p. 311. 323.

[284] Немецкая нация, как легко предположить, более строго, чем другие народы, относилась к природе права рождения, дающего человеку право на турнир. Если кому-то будет интересно поинтересоваться фантастическими тонкостями немецкой геральдики в этом вопросе, я отсылаю его к "Ritterzeit und Ritterwesen", vol. i. p. 293. 300.

[285] M. Westm. p. 300.

[286] Segar of Honor, lib. ii. c. 26. Ritterzeit und Ritterwesen, vol. i. p. 302. В Германии существовал своеобразный закон, запрещающий участвовать в турнире тем, кто был причиной введения налогов или пошлин или прилагал усилия для их введения. Ritterzeit und Ritterwesen, vol. i. p. 304.

[287] Croneca del Conde D. Pero Nino, p. 203., цитируется в примечаниях к предисловию к переизданию "Морта д'Артура", p. 61.

[288] Monstrelet, vol. vi. p. 333.

[289] Ritterzeit und Ritterwesen, vol. i. p. 323.

[290] Chaucer, Knight's Tale, l. 2493, &c. Так, Фруассар говорит: "На следующий день вы могли видеть в разных местах Лондонского города оруженосцев и варлеттов, которые ходили с упряжью и занимались другими делами своих хозяев". Vol. ii. p. 273.

[291] Froissart, vol. ii. c. 173.

[292] Смитфилд был известен за много лет до этого и как место спортивных состязаний, и как конный рынок Лондона. Фицстефен, писавший во времена Генриха II, пишет: "За одними из ворот находится некое поле, равнинное (или гладкое) как по названию, так и по положению. Каждую пятницу, если только на пути не встречается какой-нибудь большой праздник, здесь можно увидеть продажу галантных лошадей: многие выходят из города, чтобы купить или посмотреть на них, а именно: графы, бароны, рыцари, горожане - все прибегают сюда."

[K] Сметфилд, так же как и Смутфилд.

[293] Du Cange, Dissertation 6. on Joinville.

[294] Memoires d'Olivier de la Marche, liv. i. c. 14.

[295] Это чувство очень хорошо выражено в вызове, брошенном некоторыми иностранными рыцарями в Англии английскому рыцарству. "При дворах великих королей всегда собираются рыцари разных наций, и тем более при этом дворе Англии, где поддерживается рыцарство и подвиги доблестно служат дамам в более высоких степенях и сословиях, чем в любом королевстве мира: подобает дону Франсиско де Мендоса и Карфласту де ла Вега, чтобы здесь, лучше чем где-либо, они могли показать свое большое желание, которое они имеют, чтобы служить своим дамам". Antiquarian Repertory, vol. i. p. 148.

[296] элегантный.

[297] вышивка.

[298] головные уборы.

[299] украшенные платья.

[300] потертости.

[301] ремни.

[302] медные барабаны.

[303] Чосер, "Рыцарская сказка", строка 2498 и т. д. Чосер, должно быть, представлял себе один из великолепных турниров времен Эдуарда III, когда писал эти пылкие строки; ведь в его описании гораздо больше обстоятельств, чем могло бы быть в простом поединке между двумя рыцарями, Паламоном и Аркитом.

[304] Du Cange (Diss. 6. on Joinville) на основании авторитета древнего MS. относительно турниров; и *Ritterzeit und Ritterwesen*, vol. i. p. 325.

[305] Harleian MSS. No. 69.

[306] Hist. de Charles VI. vol. ii. p. 120. fol. 1663. Поскольку все, что касается рыцарских дам, равно как и других времен, представляет интерес, не потребуются извинения за то, что я рискну предположить, что цвет ленты, упомянутой в тексте, был синим, эмблемой постоянства.

"Lo, yonder folk, quoth she, that kneel in blue!

Они носят этот цвет всегда и будут носить,

В знак того, что они были и будут верны,

без перемен".

Суд любви Чосера, л. 248 и др.

Автор "Романа о Персефоре" странно преувеличил обычай дам посылать знаки внимания рыцарям во время турнира. Он говорит, что в конце одной из этих боевых игр "*Les dames étoient si dénues de leur atours, que la plus grande partie étoit en pur chef (mie tête) car elles s'en alloient les cheveux sur leurs epaules gisans, plus jaunes que fin or, en plus leurs cottes sans manches, car tous avoient donné aux chevaliers pour eux parer et guimples et chaperons, manteaux et camises, manches et habits: mais quand elles se virent à tel point, elles en furent ainsi comme toutes honteuses; mais sitost qu'elles veirent que chacune étoit en tel point, elles se prirent toutes a rire de leur adventure, car elles avoient donné leurs bijoux et leurs habits de si grand cœur aux chevaliers, qu'elles ne s'apercevoient de leur dénuement et devestemens.*"

[307] Читатель может удивиться такой форме выражения; но она исходила из очень благородного принципа обучения молодых рыцарей подражанию славе их предков, а также из особой утонченности и деликатности рыцарства, утверждавшей, что нет такого совершенного рыцаря, который мог бы совершить проступок, причем настолько большой, чтобы свести на нет заслуги всех его прежних добрых деяний. Поэтому, замечает Монстреле, герольды не кричат во время поединков и сражений: "Честь храбрецам!", а восклицают: "Честь сыновьям храбрецов!". Ни один рыцарь не может считаться безупречным, пока смерть не устранил возможность совершения им преступления против своего рыцарства. "В мире нет ни одного столь прекрасного кавалера, который бы не совершил какой-нибудь проступок, да еще такой грандиозный, чтобы все те блага, которые он совершил до смерти, остались незамеченными; и для того, чтобы не кричать о поединках, о батальонах, о доблести, нужно кричать о сыновьях доблести после смерти отца, ибо ни один кавалер не может быть признан доблестным, если он не умер после смерти." Monstrelet, vol. i. p. 29.

[308] "Прорваться", выражение, обозначающее плохое рыцарство, не умерло вместе с копьем. Оно использовалось писателями елизаветинской эпохи для выражения любой неудачи в остроумии или аргументации. С той же целью Селия в "Как вам это понравится" говорит об Орландо с издевкой: "О, это храбрый человек. Он пишет смелые стихи, говорит

смелые слова, дает смелые клятвы и смело их нарушает, вполне траверс, насквозь пронзая сердце своей возлюбленной, как тщедушный тильтер, который подстегивает свою лошадь только с одной стороны, ломает свой посох, как благородный гусь."

[309] Старые английские ордонансы, к счастью, сохранились, и они чрезвычайно любопытны.

Ордонансы, статуты и правила, принятые и утвержденные Джоном графом Вустером, констеблем Англии, по велению короля, в Виндзоре, в 14-й день мая, на седьмом году его благородного правления (Эдуард IV.), для соблюдения и хранения во всех справедливостях королевского мира, в пределах этого королевства Англии, перед его высочеством или лейтенантом, по его приказу или лицензии, с этого времени, оставляя всегда за высочеством королевы и присутствующими там дамами, присвоение и дарение цены, в привычном порядке и форме, достоинства и недостатки, приписываемые в соответствии со следующими статьями:-

Во-первых, кто ломает больше всех копий, как они должны быть сломаны, тот и получит цену.

Тот, кто трижды ударит в шлем, получает цену.

Кто два раза встретит короналя с короналем, тому цена.

Тот, кто свалит человека ударом копья, получает цену.

Как должна быть потеряна цена.

Во-первых, тот, кто поразит коня, не будет иметь цены.

Тот, кто поразит человека, повернутого спиной или лишенного копья, не имеет цены.

Тот, кто трижды ударится о землю или наклон, не имеет цены.

Тот, кто два раза не запрягает лошадь, не имеет цены, если его не подведет лошадь.

Как разрешается ломать копья.

Во-первых, тот, кто ломает копье между седлом и шлемом, должен получить за одно копье.

Тот, кто ломает копье, начиная от штока и выше, получает два.

Кто ломает копье так, чтобы сбить его с ног, или выбить из седла, или обезоружить его так, что он не сможет бежать следующим ходом, тому полагается три сломанных копья.

Как запрещается ломать копья.

Во-первых, тот, кто ударит по седлу, лишается права на сломанное копье.

Тот, кто ударится о толь или опрокинется, лишается права на два.

Тот, кто ударит дважды, во второй раз будет наказан тремя.

Тот, кто ломает копье в футе от короналя, считается, что копье не сломано, но попытка удалась.

О цене.

Во-первых, тот, кто выбьет человека из седла или повергнет его на землю, коня и человека, будет иметь цену перед тем, кто нанесет удар от короналя до короналя два раза.

Тот, кто нанесет два удара короналом по короналу, будет иметь цену перед тем, кто нанесет три удара взглядом.

Тот, кто трижды ударит по зрению, получит цену перед тем, кто сломает больше всех копий.

И если найдется человек, которому повезет в этом, то будет считаться, что он дольше всех пробыл на поле в шлеме, бежал самым верным путем и наносил самые сильные удары, лучше всех помогая себе копьем".

Antiquarian Repertory, l. 145, &c.

[310] Оливье де ла Марш, герой Бургундии XV века, так описывает стражника: "Et tenoit le Duc de Bourgogne un petit blanc baton en sa main pour jeter et faire séparer les champions, leurs armes achivees, comme il est de coustume en tel cas." Memoires, p. 71.

[311] Walsingham, p. 8. В ранние времена в Англии турнирные празднества проводились вокруг круглого стола, и поэтому сами турниры часто назывались круглыми столами. Walter Hemingford, vol. i. p. 7. ed. Hearne.

[312] Так обращались герольды после турнира во времена Эдуарда IV.

"Айес, айес, айес, даем понять всем принцам и принцессам, лордам, леди и джентльменам этого благородного двора и всем другим, к кому это относится, что дворяне, которые в этот день совершали ратные подвиги на тильте, турнире и барьерах, каждый вел себя самым доблестным образом, демонстрируя доблесть и отвагу, достойные великой похвалы.

"Начнем с того, что касается храброго вступления лорда --, сделанного им очень галантно, королевского величества, более храброго, чем он, и прежде всего графа --, которому королева, по совету других принцесс, дам и джентльменов этого благородного двора, дарит очень богатое кольцо.

"Что же касается доблести пиктов, то герцог М. вел себя очень доблестно, граф П. лучше его, а выше всех граф Д., которому по совету вышеупомянутой высочайшей и могущественной принцессы королевы Англии дано золотое кольцо с рубином.

"Что же касается доблести меча, то -- рыцарь вел себя очень хорошо, граф Н. лучше его, а сэр Дж. П., рыцарь, выше всех остальных, которому дано золотое кольцо с бриллиантом, по совету других принцесс, дам и джентльменов, от самого превосходного Величества королевы.

"А что касается доблести меча на рапире, то сэр. У. Р., рыцарь, вел себя очень доблестно, маркиз К. лучше его, а выше всех - король, которому королева, по совету других принцесс, дам и джентльменов, пожаловала золотое кольцо с бриллиантом.

"Наконец, что касается доблести пикировки, то дело прекращено, Томас П. вел себя хорошо и доблестно, Карл К. лучше его, а выше всех З. С., которому королева дала золотое кольцо, по совету других принцесс, дам и джентльменов".

[313] Рыцари всегда упоминаются как хорошие или неумелые тильтеры, в соответствии с суждением дам. Фруассар, т. ii. с. 234. Монстреле, т. I, с. 10; см. последнее примечание.

[314] Рассказ о каждом турнире в наших старинных хрониках оправдывает фразу в романе Персефореста: "Pris ne doit ne peult estre donne sans les *dames*; car pour elles sont toutes les prouesses fautes."

[315] Эта форма благодарности преобладала и на поединках, как мы узнаем из рассказа об одном из них во времена Эдуарда IV. См. Lansdowne MSS., Британский музей, № 285. art. 7.

[316] Ritterzeit und Ritterwesen, vol. i. p. 346.

[317] Турнир с таким трехкратным описанием состоялся в Сент-Дени в 1389 году.

[318] О любви наших предков к турнирам свидетельствует любопытный отрывок из древней сатирической поэмы, который Стратт перевел следующим образом:

"Если богатство, сэр рыцарь, может быть твоим,
В турнирах ты обязан блистать;
Откажись - и весь мир будет клясться,
Вы умрете, не стоив гнилой груши".

[319] Мистер Шарон Тернер (История Англии, т. i. с. 144. 4to. edit.) говорит, что ничто не могло нарушить обычай (проведения турниров), кроме возросшей цивилизации эпохи. Это ошибка, поскольку количество турниров увеличивалось по мере того, как мир становился все более цивилизованным. В XIV веке турниров было больше, чем в XIII, и даже в правление Генриха VIII вся Англия, похоже, была разделена на площадки для игры в тилтинг.

[320] "De his vero qui in torneamentis cadunt, nulla quæstio est, quin vadant ad inferos, si non fuerint adjuti beneficio contritionis." Du Cange on Joinville, Dissert. 6.

[321] Еще более абсурдным является рассказ Матвея Парижского о том, что Роже де Туни, доблестный рыцарь, явился после смерти своему брату Раулю и обратился к нему таким образом: "Jam et pænas vidi malorum, et gaudio beatorum; nec non supplicia magna, quibus miser deputatus sum, oculis meis conspexi. Væ, væ mihi, quare unquam torneamenta exercui, et ea tanto studio dilexi?"

[322] Так Ламберт д'Ардрес пишет: "Cum omnino tunc temporis propter Dominici sepulchri peregrinationem in toto orbe, interdicta fuissent torneamenta." Du Cange, Diss. 6. on Joinville.

[323] Дю Канж называет любой бой между двумя рыцарями, предшествующий генеральному сражению, поединком на выступление. С таким же успехом он мог бы назвать поединком и саму битву.

[324] Соглашение было заключено в законной форме, как мы узнаем из Уинтауна. Сэр Дэвид де Линдсей получил конспиративный контракт и прибыл в Лондон со свитой из двадцати восьми человек.

"Где он и вся его компания
Был хорошо одет и нарядно,
И все было в достатке.
Там была его цель - получить приз:
С владыкой Веллиса он
Подумал, что с ним там будет *дневной* бой,

Ибо оба они, по определению, были обязаны
Обязаны были совершить там тот подвиг, *sauf faillie* (непременно)".

Макферсон говорит, что подобные вызовы назывались *taillés indentures*, потому что это были облигации, с которых делались дубликаты, причем *indentures taillés* отвечали друг другу.

[325] Holingshed, History of Scotland, p. 252. ed. 1587. Wyntown's Cronykil of Scotland, book ix. c. 11. Сэр Дэвид де Линдсей, упомянутый выше, - это рыцарь, о котором сэр Вальтер Скотт рассказывает забавную историю в своих примечаниях к "Мармиону", канто i. прим. 8.

[326] "Or verra l'on s'il y a nul d'entre vous Anglois, qui soit amoureux." Froissart, vol. ii. c. 55. Lyons's edit.

[327] Froissart, i. 345.

[328] Berners' Froissart, vol. i. c. 374.

[329] Froissart, vol. ii. c. 78.

[330] Некоторые авторы, путая поединок с дуэлью, утверждают, что бородатые дротики, отравленные иглы, бритвы и подобное оружие были законны в поединках. Примером, подтверждающим это утверждение, является вызов герцога Орлеанского Генриху IV Английскому, записанный Монстреле, т. I. с. 9., где герцог отказался их использовать. Но Орлеан бросил вызов Ланкастеру на дуэль, а не на рыцарский поединок.

[331] Segar, of Honor, lib. iii. c. 13.

[332] Я не знаю, когда именно произошло это поистине рыцарское обстоятельство. История рассказана в рукописи, хранящейся в коллекции Лансдауна, Британский музей, № 285. Она описывается как вызов предка графа Уорика, и датируется в рукописи временем правления Эдуарда IV.

[333] Vous savez, et bien l'avez oui dire et recorder plusieurs fois, que les ebatemens des dames et damoiselles encouragent volontiers les cœurs des jeunes gentils-hommes, et les elevent, en querant et desirant tous honneur. Фруассар, т. iv. с. 6. изд. Лион, 1560.

[334] "Вам хорошо известно, что Карл, французский король, очень хотел быть на этих поединках: он был молод и легок духом, и был рад увидеть все новое. Мне было показано, что с самого начала и до конца он присутствовал там, переодетый неизвестным, так что никто не знал его, кроме лорда Гарансьера, который тоже пришел с ним как неизвестный и каждый день возвращался к маркизе". Froissart, vol. i. c. 168.

[335] Поскольку, по словам Фруассара, погода стояла ясная, удивительно, что он, любящий подробности, не упомянул о количестве бочек с водой, которые каждый вечер выливали на пыльную равнину. В одном из случаев он говорит: "Рыцари жаловались на пыль, и некоторые из них говорили, что из-за нее они потеряли свои подвиги. Король принял меры: он распорядился вылить более двухсот бочек воды, чтобы полить это место, благодаря чему земля была хорошо выровнена, и все же на следующий день у них было достаточно пыли, и даже слишком много". vol. ii. p. 157.

[336] Дю Канж (Диссертация 7. о Жуанвиле) ошибается, говоря, что поединок редко заканчивался без того, чтобы несколько рыцарей не были убиты или очень тяжело ранены. Поединки в Сент-Ингильберте были самыми масштабными, и ничего хуже телесной раны или ушиба от падения не испытывал даже самый неумелый или неудачливый рыцарь. Фруассар

постоянно описывает поединки из трех ударов копьями, трех ударов топорами, трех схваток на мечах и кинжалах; и обычно заканчивает словами: "И когда все было закончено, никто из них не пострадал". "Тебе следовало бы сражаться более учтиво", - упрекали зрители рыцаря, когда его копье пронзило плечо другого поединщика. Фруассар, т. ii. с. 161. Дю Канж не сохранил четкого представления о разнице между поединком *на радость* и поединком *на зло*, и большинство последующих авторов лишь слепо следовали за ним. В этом месте я отмечу еще одну популярную ошибку, касающуюся поединков. Мистер Стратт (Sports and Pastimes of the People of England, book iii. с. 1.) и сотня писателей после него утверждают, что власть дам была более обширной в поединке, чем в турнире. Мистер Стратт говорит, что "во времена рыцарства поединки устраивались в честь дам, которые председательствовали на них в качестве верховных судей". У Фруассара и других рыцарских историков упоминается множество поединков, которые проводились только в присутствии рыцарей. Но я не могу найти ни одного случая, когда турнир проводился бы без дам. Поединоки были боевым упражнением, но турнир был связан со всеми обстоятельствами домашней жизни.

[337] "Et si aimoit, par amour, jeune dame: dont en tous estats son affaire en valoit grandement mieux." Фруассар, т. iii. с. 12. edit. Lyons, 1560.

[338] Froissart, vol. ii. с. 160. 162. 168. Memoires du Mareschal de Boucicaut, partie i. с. 17. Автор этих мемуаров, современник Бусико, в своем рвении к своему герою, отдает все почести французским рыцарям. Ювенал де Урсен (стр. 83 и др.) более скромнее, и он заставляет некоторых судей двора хвалить многих рыцарей за их доблесть.

[339] Большинство этих обстоятельств осталось незамеченным нашими историками. Я могу простить их незнание рукописей Лэнсдауна, поскольку они являются лишь недавно приобретенными национальными сокровищами: но каждый ученый должен знать Biographia Britannica, - и в статье Кэкстона упоминаются некоторые рыцарские особенности поединка, о котором идет речь.

[340] Очень забавный небольшой том можно было бы составить о романтике цветов, о сказках, которые поэзия и фантазия придумали, чтобы связать привязанности и ум с растениями, добавляя таким образом удовольствия чувств и воображения к удовольствиям глаз. Читатель помнит "Любовь в безделье" из "Сна в летнюю ночь" Шекспира. Не менее приятным примером является и Floure of Souvenance, Forget-me-not. Применение ботаниками этого названия к Myosotis Scorpioidis имеет значительную древность: приведенная в тексте история доказывает, что растение с его романтическими ассоциациями было известно в Англии еще во времена нашего Эдуарда IV. Следующую историю происхождения причудливого названия мне рассказал мой друг Энтони Тодд Томсон, чьи "Лекции по элементам ботаники", одновременно научные и популярные, глубокие и элегантные, занимают высокое место в ряду наших самых ценных работ.

"Двое влюбленных прогуливались на берегу озера в прекрасный летний вечер, когда дева заметила несколько цветков миозотиса, растущих на воде, недалеко от берега острова, расположенного на некотором расстоянии от берега. Она выразила желание завладеть ими, и тогда ее рыцарь, в истинно рыцарском духе, погрузился в воду и, доплыв до места, сорвал желанное растение, но его силы оказались не в состоянии выполнить задуманное, и, почувствовав, что не может вернуться к берегу, хотя и находится совсем рядом, он бросил цветы на берег, а бросив последний ласковый взгляд на свою возлюбленную, воскликнул "Забудь" и был похоронен в водах".

"Существует три разновидности этого растения, - добавляет мистер Томсон, - та, за которой закрепилась традиция названия, является многолетней и растет на болотах и по краям озер".

[341] Лорд Скейлз был хорошим рыцарем поклонения, несмотря на размышления о его храбрости, которые Эдуард IV однажды обрушил на него. "The kyng hathe saidd of hym that even wyr he hathe most to do, then the Lord Scalys wyll soonest axe leve to depart, and the kyng weenyth that it is mist because of kowardyese." Paston Letters, vol. iv. p. 116.

[342] Rymer, Fœdera, tom. ii. p. 573.

[343] Помимо Холингшеда, Стоу и других летописцев, я обратился к любопытной коллекции современных документов, хранящихся в рукописях Лансдауна (№ 285.) в Британском музее, чтобы узнать об этом интересном поединке. Шевалье де ла Марш сопровождал бургундского бастарда в Англию, и его мемуары содержат несколько деталей, не замеченных английскими писателями. Его рассказ о самом поединке отличается от рассказов наших летописцев (которым я следовал), поскольку он считает, что все преимущества принадлежат его собственному рыцарю. Выяснить истину не представляется ни возможным, ни важным. Дух эпохи, породившей поединок, и всеобщий интерес, вызванный поединком, - вот что заслуживает внимания. Существует также большая путаница в датах большинства обстоятельств, и я слишком уважаю своих читателей, чтобы вступать в споры по таким пустякам. Те немногие даты, которые не вызывают сомнений, я уже назвал. Позвольте мне добавить предположение Хокинса (Origin of the English Drama, vol. iii. p. 91.), что слово *Burgullian* или *Burgonian*, означающее хулиган, хвастун, произошло от этого поединка. Это отнюдь не маловероятно, замечает мистер Гиффорд (заметка о "Каждом человеке в его юморе", акт iv. sc. 2.), ибо наши предки, которые не были ни слишком деликатными, ни, вообще говоря, сильно перегруженными уважением к чувствам иностранцев, имели ряд витиеватых названий, полученных от их реальных или предполагаемых плохих качеств, многие из которых сейчас не могут быть точно определены.

[Прендергаст принял Орриса за французского рыцаря. Впоследствии Оррис отказался от оказанной ему чести, выразив, однако, весьма высокие похвалы рыцарству Франции и лишь заявив о своем аррагонском происхождении, на том основании, что ни один честный человек не должен отречься от своей страны.

[345] "Si prie au dieu d'amour qu'ainsi comme vous desirez l'amour de ma dame la vostre, il ne vous l'ait de vostre dicte venue." Monstrelet, vol. i. p. 3. ed. 1573.

[346] Чтобы не подумали, что я черпаю из романа, я привожу часть подлинного письма из старинной летописи Монстреле. "Je ne scay se le dieu d'amours qui vous enhorta et meit en couraige de vosdictes lettres quand les envoyes, ait en aucune chose esté si despleu: parquoy il ait changé ses conditions anciennes, qui souloient estre telles que pour esbaudir armes et à cognoistre chevalerie. Il tenoit les nobles de sa court en si royalle gouvernance, que pour accroissement de leur honneur, apres ce qu'ils avoient fait leur dicte emprise, jusques à tant que fin en fut faicte: ne aussi ne faisoient leurs compagnons frayer, travailler, ne despendre leurs biens en vain. Non pourtant que n'y voudroye pas qu'il trovast celle deffaute en moy, si qu'il eut cause de moy bannir de sa court. Je vueil encores demourer par deça jusques au huictiesme jour de ce present mois de May preste a l'ayde de Dieu, de St. George, et de St. Anthoine à vous deliverir, ainsi que ma dame et la vostre le puissent scavoir que pour reverence d'icelles j'ai vouldenté de vous aiser de vostre griefue: qui par long temps vous a desaisié comme vosdictes lettres contiennent: pourquoy aussi vous avez cause de desirer vostre allegeance. Apres le quel temps se venir ne voulez, je pense au plaisir de Dieu de m'enretourner en Angleterre par devers nos dames: ausquelles j'ai espai en Dieu que sera tesgmoigné par chevaliers et escuyers que je n'ai en riens mesprins envers le dit dieu d'amours: le quel vueille avoir lesdits madame et la vostre pour recommandées, sans avoir desplaisir envers elles pour quelque course qui soit advenue."

[347] Monstrelet, vol. i. c. 1.

[348] Фраза "прохождение оружия" используется в романе "Айвенго" как общее выражение для рыцарских игр. Но это неверно; ведь защита определенного места была существенным и отличительным качеством данного упражнения. В поединке под Эшби-де-ла-Зуш таких обстоятельств не было. Пять рыцарей обязались отвечать всем желающим, но не предполагалось, что эти желающие будут пытаться пройти через какое-то конкретное место. Поединки, ставшие следствием вызовов, были простыми поединками и составляли спорт первого дня, на второй день проводился общий турнир или мележ рыцарей, а поскольку в рыцарские времена турнир всегда считался главным военным упражнением, развлечения в Эшби-де-ла-Зуш были турниром, и именно под таким названием их иногда называл автор "Айвенго".

[349] Вызов лорда Чарджни содержится в Монстреле, т. viii. c. 60, 61. Описание этого гербового пассажа приводится Оливье де ла Маршем в его *Mémoires*, c. 9. В историях средних веков есть много других гербовых пассажей, но интерес представляет только один из них, и он найдет место в моем описании прогресса рыцарства в Испании.

[350] Nicetas, Hist. Byzant. 1. iii. c. 3. Johannes Cantacuzenus, 1. i. c. 42.

[351] Wordsworth.

[352] Могу заметить, однако, что древние тамплиеры так ужасно боялись своей добродетели, что запрещали себе смотреть в лицо прекрасной женщине; по крайней мере, устав пытался подавить этот природный инстинкт. Ни одному брату Храма не разрешалось целовать служанку, жену или вдову, свою сестру, мать или любую родственницу. В уставе серьезно добавляется, что рыцари Иисуса Христа должны избегать женских поцелуев, чтобы всегда ходить с чистой совестью перед Господом. Я переведу этот устав в оригинале на латыни и надеюсь, что он не будет воспринят с тем легкомыслием, которое вызвало упоминание о нем во время суда над Ребеккой в Темпл-Стоу у более молодых членов доблестного и почтенного ордена Храма. Название книги достаточно аскетично: "Всех мужей оскули фугиантур". Далее говорится: "Periculosum esse credimus omni religioni, vultum mulierum nimis attendere, et ideo nec viduam, nec virginem, nec matrem, nec sororem, nec amitam, nec ullam aliam fœminam aliquis frater osculari præsumat. Fugiat ergo fœminea oscula Christi Militia, per quæ solent homines sæpe periclitari, ut pura conscientia, et segura vita, in conspectu Domini perenniter valeat conversare." Cap. 72.

[353] Statutes, c. 51. 55.

[354] "Я был шотландцем, прежде чем стал тамплиером", - утверждает Випон в драматической зарисовке "Халидонский холм", - чувство, заимствованное из истории о венецианском генерале, который, заметив, что его солдаты проявляют некоторое нежелание сражаться против тех, кого Папа считал отцом церкви, обратился к ним с аналогичным ободрением: "Сражайтесь - мы были венецианцами прежде, чем стали христианами".

[355] Тамплиеры не находят благосклонности в глазах автора "Айвенго" и "Рассказов о крестоносцах". Он впитал в себя все вульгарные предрассудки против ордена; и когда ему нужен злодей, чтобы создать тень на сцене, он так же регулярно и беспринципно прибегает к братству Храма, как другие романисты обращаются к церкви или к Италии с аналогичной целью.

[356] Папа (Климент V.) совершил вопиющую нелепость, приняв временное постановление, которое должно было исполняться бессрочно. В булле, которую он издал на Вьенском

соборе, не спрашивая мнения собравшихся епископов и других, говорится, что хотя он не может по праву, в соответствии с инквизицией и судопроизводством, вынести окончательный приговор, однако в порядке апостольского положения и постановления он навсегда запрещает людям вступать в орден и называть себя тамплиерами. В качестве наказания за прегрешения предусматривалось наказание в виде более тяжкого отлучения.

[357] Я добавляю полный список великих магистров Храма, начиная со времен Жака де Моле и до наших дней. (Manuel des Chevaliers de l'Order du Temple. Paris. 1817.)

	Н.Э.
Иоганн Марк Лармениус, Иеросолиметанус	1314
Фома Теобальдус, Александрин	1324
Арнальдус де Брак	1340
Иоганн Кларомонтанус	1349
Бертрандус Дю Гесклен	1357
Иоганн Арминиакус	1381
Бернардус Арминиакус	1392
Иоганн Арминиякус	1419
Иоганн Кройус	1451
Бернардус Имбаультиус, Вик. Mag. Afric. (Regens.)	1472
Робертус Ленонкурций	1478
Галеатий де Салазар	1497
Филипп Чаботиус	1516
Гаспардус де Сальчеако, Таванненсис	1544
Хенрикус де Монморенсиако	1574
Каролус Валезиус	1615
Якобус Ракселлиус де Грансио	1651
Якобус Хенрикус де Дюрофорти, дукс де Дюрас	1681
Филипп, дукс де Аврелианенсис	1705
Людовик-Август Борбоний, дукс де Мэн	1724
Людовик-Генрих Борбоний, кондей	1737
Людовикус-Франциск Борбоний, контайша	1741
Людовикус-Генрикус Тимолео де Коссе Бриссак	1776
Клавдий Матеус Радикс де Шевилон, вик. Mag. Europ. (Regens.)	1792
Бернардус-Раймундус Фабре Палапрат	1804

[358] "Хотел бы я знать, - говорит Санчо, - почему испанцы взывают к этому самому святому Якову, губителю мавров: как только они собираются дать сражение, они кричат: "Святой Яго, закрой Испанию". Молитесь, чтобы Испания была открыта, чтобы ее хотели закрыть? Что ты скажешь об этой церемонии?" - "Ты очень прост, Санчо, - ответил Дон Кихот. "Ты должен знать, что небо дало Испании этого могучего поборника Красного Креста в качестве своего покровителя и защитника, особенно в тех отчаянных схватках, которые испанцы вели с маврами; и поэтому во всех своих военных столкновениях они обращаются к нему как к своему защитнику; и много раз его лично видели рубящим и убивающим, низвергающим,

топчущим и уничтожающим мавританские эскадроны; я мог бы привести тебе множество примеров, почерпнутых из подлинных испанских историй". Дон Кихот, часть ii. с. 58.

[359] Слова следующие: -Y asi mesmo hago voto, detener, voto defender, y guardar en publico, y en secreto, que la Vergen Maria Madre de Dios, y senora nuestra, fue concebida sin mancha de peccato original.

[360] Favyn. Theat. d'Honneur, l. 6. c. 5. Carode Torres, Hist. de las Ordines Militares, l. 1. Mariana, l. 7. c. 10.

[361] Mennenius, Delic. Equest. p. 99, &c. Marquez Tesoro Milit. de Cavale., p. 286. Favyn, Theat. de l'Honneur, lib. 6.

[362] Mennen. Delic. Equest. p. 102 и др. Miræus, and Fr. Caro de Torres, in locis.

[363] Без правил.

[364] Пролог Чосера к "Кентерберийским рассказам".

[365] Reman, Hist. Gen. de la Ordere de la Mercie, passim. Mennen. Del. Eq. p. 107.

[366] Marquez, Tesoro Milit. 35, &c.

[367] Caligula. D. 6. in Bib. Cott. (цитируется по Anstis, Register of the Most Noble Order of the Garter, vol. i. p. 66.) "Que le Roy ne povoit avec son honneur bailler aide et assistance a icelluy son bon frere et cousin a l'encontre du Roy de Naples, qui estoit son confrere et allye, veu et considere qu'il avoit prins et receu l'ordre de la Jarretiere. Et si le roi autrement faisoit ce seroit contrevenir au serment, qu'il a fait par les statuz du dit ordre," &c.

[368] Это утверждение можно подкрепить некоторыми строками из поэмы, которую Чосер адресовал лордам и рыцарям Подвязки. Он говорит им,

"Выступайте, выступайте, продолжайте свою помощь,
Держите знамя Христа, да не падет оно".

И снова:

"Вы, лорды, сияете благородной славой,
Которую ценит и поддерживает
Христова дела; в честь его имени,
Потолкайтесь, и врагов его уймите".

[369] Ashmole on the Garter, c. iv. s. 5.

[370] Это правило не ускользнуло от Сервантеса. "Если я не жалуясь на боль, - говорит Дон Кихот после катастрофического случая с ветряными мельницами, - то это потому, что рыцарь-изгнанник никогда не должен жаловаться на свои раны, даже если через них у него вываливаются кишки". "Тогда мне больше нечего сказать", - сказал Санчо; "и все же, небо знает мое сердце, я был бы рад послушать, как ваша светлость оттачивает время от времени, когда у вас что-то болит; со своей стороны, я не перестану сетовать на себя при малейшей боли, если, конечно, можно доказать, что правило не жаловаться распространяется как на оруженосцев, так и на рыцарей". Дон Кихот, часть i. книга 1. с. 8.

[371] Favyn, lib. vi. Мариана, lib. xvi. c. 2.

[372] Favyn, lib. iii. c. 12.

[Гиральдус утверждает, что кость ноги Артура была на три пальца длиннее, чем у самого высокого человека, присутствовавшего при открытии. Селден в своих "Иллюстрациях Дрейтона" приводит очень интересный рассказ об открытии гробницы Великого Артура. "Генрих II., во время своего похода в Ирландию, развлекался по дороге, в Уэльсе, бардовскими песнями, в которых слышал, как утверждалось, что в Гластонбери (ставшем почти островом благодаря объятиям реки) Артур был похоронен между двумя столбами; он отдал приказ Генриху Блуасскому, тогдашнему аббату, заняться поисками трупа; Он был найден в деревянном гробу глубиной около шестнадцати футов; но, прокопав девять футов, они нашли камень, на нижней стороне которого был прикреплен свинцовый крест с начертанным именем, а буквенная сторона его была обращена к камню. Тогда ему поставили роскошный памятник, а после черепа его и его жены Гвиневры были извлечены (чтобы остаться в качестве отдельных реликвий и зрелищ) Эдуардом Длинноногим и Элеонорой. Барды пели, что после битвы при Камлане в Корнуолле, где был убит предатель Мордред, а Артур ранен, Морган ле Фей перенесла тело сюда, чтобы вылечить его; что и было сделано, Артур должен вернуться (пока еще ожидается) к управлению своей страной".

[374] На высоком пиру всегда должно быть исполнено число сто пятьдесят, ибо тогда Круглый Стол был полностью завершен. *Morte d'Arthur*, lib. vii. c. 1.

[375] Общие цели рыцарей Круглого стола очень хорошо изложены в следующем прекрасном отрывке подлинного, выразительного староанглийского языка: "Тогда король Артур учредил всех своих рыцарей, и тем, кто был из небогатых земель, он дал земли, и поручил им никогда не совершать ни возмущений, ни убийств, и всегда бежать от измены. Также ни в коем случае не быть жестокими, но оказывать милость тому, кто просит милости, под страхом лишения их поклонения и лордства королю Артуру на вечные времена; и всегда оказывать дамам, девицам и кавалерам помощь под страхом смерти. И еще, чтобы никто не вступал в бой в неправомерной ссоре ни за закон, ни за мирские блага. В этом поклялись все рыцари за круглым столом, и стар и млад. И каждый год присягали они на высоком празднике Пятидесятницы". *Morte d'Arthur*, lib. iv. c. last.

[376] *Morte d'Arthur*, lib. ult. cap. ult.

[377] *Ashmole*, p. 105.

[378] Pp. 5. 9. 11. ante.

[379] Точную степень этого влияния сейчас установить невозможно. Автор романа "Айвенго", похоже, полностью отрицает его; и в то время как он представляет норманнов совершенно рыцарскими, он описывает, для контраста, англосаксов как совершенно не украшенных рыцарскими достоинствами. Это жертва исторической правды ради драматического эффекта, которая существенно умаляет достоинства "Айвенго" как верного изображения древних нравов".

[380] *Glaber Rod.* c. 5.

[381] *Snorre. Malmsbury*, p. 174.

[382] *Ingulf*, p. 512. Порядок. *Vit.* p. 460. 463, &c. *Malmsbury*, passim. *Dudo*, p. 82.

[383] *Magna Charta*, cl. xiv.

[384] Лорд Литтлтон датирует это обязательное рыцарство не более чем правлением Генриха III. Но оно, несомненно, должно было существовать раньше, поскольку представляется

естественным следствием изменения конституции, произведенного Вильгельмом I, который объединил рыцарство с феодализмом.

[385] Уэйс рассказывает, что Уильям Руфус никогда не мог слышать, как говорят о доблестном рыцаре, не пытаясь прибегнуть к его услугам.

"Li reis ros fu de grant noblesce
Proz, et de mult grant largesce.
N'oist de chevalier parler,
Qui de proesse oist loer,
Qui en son breif escrit ne fust,
Et qui par an del soen n'eust."

[386] H. Huntingdon, p. 381. Order. Vit. 854, &c.

[387] Stephan. Descrip. Lond. p. 7.

[388] Malmsbury, p. 121.

[389] Vinesauf, p. 338.

[390] Hoveden, p. 673. Этот принцип рыцарской гордости не избежал добродушной насмешки Сервантеса. "Что касается меня, - отвечал ушибленный Дон Кихот после битвы с янгусскими перевозчиками, - то я должен признаться, что не могу определить срок нашего выздоровления; но именно я являюсь роковой причиной всех этих бед; ибо я не должен был обнажать меч перед компанией товарищей, которым никогда не была оказана рыцарская честь; и я не сомневаюсь, что Господь Богов понес это наказание за то, что я преступил законы рыцарства. Поэтому, друг Санчо, прислушайся к тому, что я тебе скажу, ибо это касается благополучия нас обоих: Впредь, когда ты увидишь, что нас оскорбляют столь низкие люди, ты не должен ожидать, что я предложу им свой меч, ибо я ни в коем случае этого не сделаю; нет, ты сам наказывай их, как сочтешь нужным; но если какие-нибудь рыцари придут на их место, я непременно встану между тобой и опасностью и нападению на них с величайшей силой и неустранимостью." Дон Кихот, часть i. книга 3. с. 1.

[391] Hoveden, p. 687.

[392] William of Newbridge, lib. v. c. 4.

[393] M. of Westminster, p. 300.

[394] Walsingham, p. 13.

[395] Matthew of Westminster, p. 402. Hemingford, p. 592.

[396] Walsingham, p. 8. Leland's Collectanea, p. 177.

[397] Он отправил голову в Лондон, украсив ее в насмешку серебряной короной, чтобы она была выставлена на обозрение публики в Чипсайде и закреплена на Тауэре. Knyghton, p. 2465. Г-н Шарон Тернер (История Англии, т. ii. с. 44.) благоразумно сравнивает поведение Эдуарда с выговором Вильгельма Завоевателя рыцарю, ранившему мертвое тело Гарольда.

[398] Matthew of Westminster, p. 460.

[399] Камергер Шотландии получил от Эдуарда I, 1306 г., указание оборудовать одну из башен замка Бервик-апон-Твид и построить в ней крепкую решетчатую клетку из прочных

столбов и прутьев, хорошо укрепленную железом. Графине было запрещено разговаривать с кем бы то ни было, шотландцами или англичанами, кроме смотрителя замка и пары женщин из города Бервик, назначенных им для доставки ей еды. Сестра Роберта Брюса была заключена в тюрьму в то же время, и с ней обращались так же. Забавно замечание лорда Хейлса по поводу этого отрывка. "Тем, кто не имеет представления ни о какой клетке, кроме клетки для попугая или белки, вывешенной у окна, я отчаялся сделать этот мандат понятным".

[400] Matthew of Westminster, p. 457, &c. Trevel, p. 343.

[401] Это был добрый лорд Джеймс из Дугласа, о котором см. с. 205 выше.

[402] много.

[403] показано.

[404] много.

[405] батальоны.

[406] встревоженный.

[407] сверкнуло.

[408] пламя огня.

[409] текучий.

[410] размахивать.

[411] Сэр Вальтер Скотт сделал короля Эдуарда автором этого неблагоприятного поступка.

"Знаешь ли ты, - сказал он, - де Арджентина,
рыцаря, который так марширует в их строю?
Знаки на его шлеме говорят.

Брюс мой сеньор: я знаю его хорошо.

И разве дерзкий предатель отважится

Присутствовать там, где развеваются наши знамена?

"Так угодно моему сеньору", - сказал Аргентина,

"Если бы он был на коне, как я,

Чтобы дать ему честный и рыцарский шанс,

Я бы пустил в ход свое копье".

"В день битвы", - ответил король,

"Милые правила турниров отброшены.

-И все же мятежник должен осмелиться на наш гнев?

Вперед, смести его с нашего пути".

И по сигналу короля Эдуарда вскоре

выгнал из рядов сэра Генри Бауна".

Повелитель островов, канто vi. ст. 14.

[412] компаньоны.

[413] спешить.

[414] не мешкая.

[415] спешить.

[416] шпоры.

[417] линия.

[418] стон.

[419] тяжелое столкновение.

[420] сломанный.

[421] плоский.

[422]

"Ибо король сказал ему грубо,
Что роза с его венка
Упала; ведь он был поставлен
Чтоб держать путь, по которому эти люди прошли".
Barbour, vol. ii p. 545-548.

[L] где.

[423] Mon. Malms., p. 149, &c. Moor, p. 594. Fordun, vol. xii. p. 20. Scala Chronica, p. 547.
Dalrymple, vol. ii. p. 45, &c.

[424] Trokelowe in Hearne, p. 52. Moor в Camden, Angl. Norm. p. 595.